

МИР ОТМЕЧАЕТ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ СО ДНЯ СМЕРТИ ТОЛСТОГО

Обзор В. З. Горной

при участии Ж. Бланкова (Брюссель), Б. Бялокозовича (Варшава), Д. Гришина (Мельбурн), Т. С. Карловой, С. Колафы (Прага), Г. Л. Маньковской, М. Д. Моричевой, Т. Николеску (Бухарест), И. Д. Очака, М. И. Перпер, М. Рев (Будапешт), А. Тобиаша (Будапешт), О. К. Шимко и А. И. Шифмана*

В 1959 г., в связи с приближавшейся полувековой годовщиной со дня смерти Толстого, Всемирный совет мира принял решение о торжественном чествовании памяти писателя. Вечера и собрания, посвященные памяти Толстого, были проведены в ноябре 1960 г. в крупнейших городах мира. Научные сессии, конференции, симпозиумы и выставки, посвященные жизни и творчеству Толстого, проходили во Франции, Польше, Болгарии, Румынии, Индии, Канаде и других странах. К знаменательной дате были изданы специальные выпуски журналов и газет, сборники статей и объемистые монографические исследования. Театры разных стран отметили годовщину новыми постановками пьес Толстого и инсценировками его романов и повестей.

Задачей настоящего обзора является краткая характеристика «толстовских дней» 1960 г., анализ выпшедших к юбилею книг, основных журнальных и газетных статей, театральных постановок и т. п.

Особое внимание уделено в обзоре работам зарубежных литературоведов, имеющим научно-исследовательский характер, а также статьям и высказываниям иностранных писателей о Толстом.

I. КОНФЕРЕНЦИЯ «ЛЕВ ТОЛСТОЙ» В ВЕНЕЦИИ

С 29 июня по 3 июля 1960 г. в Венеции происходила международная конференция памяти Толстого.

В конференции, организованной на средства итальянского фонда Чини совместно с американским фондом Форда, участвовало около пятидесяти писателей, ученых и общественных деятелей разных стран.

* Ж. Бланковым написан обзор по Бельгии, Б. Бялокозовичем — по Польше, Д. Гришиным — по Австралии, Т. С. Карловой — по Болгарии и (совместно с С. Колафой) — по Чехословакии, Г. Л. Маньковской — по Албании, М. Д. Моричевой — по скандинавским странам, Т. Николеску — по Румынии, И. Д. Очаком — по Югославии, М. Рев, А. Тобиашем и О. К. Шимко — по Венгрии и А. И. Шифманом — по странам Азии и Африки. — Контрольная редакция обзора — М. И. Перпер.

В организационный комитет конференции вошли: *Й. Абе, Татьяна Альбертини*, И. Берлин, В. Ф. Булгаков, Р. Гвардини, Н. Н. Гусев, Ж. Даниэлу, И. Динесен, Дж. Дос Пассос, Ф. Карнелютти, Р. Келлуа, Ш. Койзуми, Дж. Кумар, Э. Ло Гатто, С. де Мадарьяга, Ж. Маритен, Ф. Мориак, У. Морра, Дж. Нарайан, У. Оден, Виктория Окампо, П. Паскаль, Г. Пьовене, Дж. Пристли, Жаклин де Пруайар, Р. Райт, Раджа Рао, Д. де Ружемон, Л. Сенгор, И. Силоне, Э. Симмонс, С. М. Толстой, А. Труайя, Э. Форстер, О. Хаксли, Т. Хуссейн, Л. Эйнауди, П. Эмманюэль, К. Ясперс* и секретарь фонда Чини проф. *В. Бранка*, принявший особенно большое участие в организации конференции.

В состав советской делегации вошли *Н. К. Гудзий* и *В. В. Ермилов*, возглавлял ее секретарь Союза писателей СССР *Г. М. Марков*.

Из выступлений иностранных писателей должна быть особенно отмечена речь итальянского писателя *Г. Пьовене*, говорившего о значении творчества Толстого для современной литературы Запада (текст его выступления см. в кн. 1-й наст. тома).

Анализу реализма Толстого были посвящены доклады английского литературоведа *Д. Сесиль* («Толстой и проблема романиста») и американского критика *Г. Адамовича* («Толстой и русская литература»). Оба доклада (особенно первый) содержали отдельные верные наблюдения, однако в целом характеризовались тенденциями, свойственными современному буржуазному литературоведению: замалчиванием социально-обличительной стороны творчества Толстого и абстрактно-психологическим подходом к его произведениям.

По мнению *Сесиль*, «Толстой лучше всех писателей в мире сумел осуществить сложные задачи, стоящие перед романистом». В реалистическом методе Толстого *Сесиль* видит свойства всей русской литературы: «Русские исходят не из традиций, а прямо из жизни, которую наблюдают вокруг себя, не прибегая к условно-традиционной фабуле, типу, счастливым или трагической развязке». Метод русского писателя *Сесиль* назвал «полным реализмом». «Романы Толстого охватывают почти все самые важные стороны человеческой жизни: войну и мир, домашний очаг и политику, любовь и спорт, религию и смерть<...> Толстой соединяет здоровую, естественную натуру с необычайным даром интеллектуального анализа и свойственной женщинам способностью сочувственного проникновения в переживания самых различных людей. Он мог понять состояние девушки на первом ее балу и солдата в сражении, честлюбивые замыслы светского человека и размышления ученого».

Следуя давней традиции английской критики, *Сесиль* с воодушевлением говорил об одухотворенности творчества Толстого и других русских писателей. «Типичный русский романист предлагает читателю реалистическую картину, всегда исполненную духовного смысла, и никто не делает этого лучше, чем Толстой». По мнению критика, во всей мировой литературе нет страниц, более поэтичных, чем описание ночного разговора Сони и Наташи, услышанного князем Андреем, или размышлений Левина на сенокосе — «тут нет ничего фантастического. Это поэзия самой жизни».

Сесиль совсем не коснулся больших общественных проблем, поставленных в произведениях Толстого.

Г. Адамович сопоставил в своем докладе реалистический метод Толстого с методом других русских писателей. Докладчик отметил, что Толстой достиг исключительной глубины в изображении человека.

Выступивший затем *Д. Стремоухов* (Франция) высказал предположение, что прототипом Алексея Вронского в «Анне Карениной» был троюродный брат Толстого — поэт Алексей Константинович Толстой.

* Татьяна Михайловна Альбертини, рожд. Сухотина, и упоминаемый ниже Сергей Михайлович Толстой — внуки Толстого. — *Ред.*

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ
НА ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ
ПАМЯТИ ТОЛСТОГО В ПРАЖСКОМ
НАРОДНОМ МУЗЕЕ. 1960
Музей Толстого, Москва

На заседаниях, посвященных творчеству Толстого-реалиста, активно выступали члены советской делегации, характеризовавшие идейное богатство и социальную остроту его произведений.

В большом докладе «О гуманизме Толстого» *В. В. Ермилов* говорил об актуальном звучании произведений писателя, основной смысл которых был в призыве к единению людей, в протесте против их разобщенности (полный текст этого доклада помещен в «Литературном наследстве», т. 69, кн. I, стр. 23—32).

Н. К. Гудзий в докладе «Об изучении наследия Толстого в Советском Союзе» охарактеризовал большую научно-исследовательскую и текстологическую работу советских литературоведов по подготовке и изданию полного девяностотомного собрания сочинений Толстого.

В докладе «Толстой и советский народ» *Г. М. Марков* подчеркнул, что Толстой близок советским людям своим неисчерпаемым жизнелюбием и оптимизмом, стремлением «переделать мир, сделать его прекраснее, радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем». Марков рассказал также о всенародной подготовке к чествованию памяти писателя в Советском Союзе.

На конференций возник принципиальный спор между Ермиловым и представителями буржуазной критики *М. Слоником*, *Мадарьяга* и другими, односторонне изображавшими значение для Толстого — «ученика святого Марка» его проповеди непротivления злу насилием.

Четвертое заседание было посвящено обсуждению социальных и политических взглядов Толстого. С докладами на эту тему выступили

американский биограф Толстого Э. Симмонс и английский профессор И. Берлин.

Характеризуя социальные взгляды Толстого, Э. Симмонс полностью игнорировал их историческое осмысление. Невзирая на то, что в течение всей своей жизни Толстой высмеивал либералов — как русских, так и западноевропейских, — Симмонс пытался представить русского писателя подражателем западноевропейских либералов и даже обнаружил в его мировоззрении «синтез европейского либерализма». В то же время социальные идеи Толстого Симмонс сблизил с учением... Карла Маркса, «поскольку вывод обоих — бесклассовое и лишенное государства общество».

И. Берлин подверг рассмотрению педагогические воззрения Толстого. Справедливо отметив близость педагогических взглядов русского писателя и взглядов французских просветителей, Берлин не показал, однако, в чем заключается их принципиальное отличие.

Непомерно большое место в работе конференции (почти три заседания) заняла тема «Толстой — проповедник, пророк, создатель нового религиозно-этического учения». В выдвижении на первый план Толстого-вероучителя проявились тенденции, характерные для современного буржуазного литературоведения.

Основной доклад — «Об отношении Толстого к христианской морали» — сделал французский исследователь Н. Вейсбейн (автор монографии «Религиозная эволюция Толстого»). Отличительной особенностью религиозных взглядов Толстого Вейсбейн считает его стремление основать религию на принципе разума.

Был ли Толстой «истинным христианином»? Судя по оживленной дискуссии, этот вопрос продолжает волновать определенную часть буржуазной критики.

Вейсбейн весьма осторожно, со многими оговорками, разъяснил, что, «несмотря на свои заблуждения и противоречия, Толстой все же может быть причислен к христианам, не всегда ортодоксальным, но всегда охваченным жаждой истины».

Против причисления Толстого к христианам резко возражал французский католический писатель П. Эмманюэль, считающий, что Толстой до конца дней оставался рационалистом. Эмманюэль с негодованием говорил о бунте Толстого против догматов христианства, поставив в вину писателю то, что он «очеловечил Иисуса и лишил христианство его характера и основы, сведя его к одной лишь христианской морали».

Д. Стремоухов, также принявший участие в споре, сказал, что «Толстой был скорее буддистом, чем христианином».

До полной неузнаваемости был искажен облик Толстого в докладе бельгийского писателя Д. Жиллеса «Толстой и смерть», в котором Толстой был изображен мрачным пессимистом, всецело поглощенным мыслью о смерти.

Большое участие в работе конференции приняли представители Индии. Они с воодушевлением говорили об огромном моральном авторитете Толстого на Востоке, о том влиянии, которое оказал Толстой на жизнь и деятельность Ганди, руководителя национально-освободительной борьбы индийского народа.

По мнению индийского религиозного и общественного деятеля Дж. Нараяна, прочитавшего доклад «Толстой и Индия», Индия является «единственной в мире страной, где делается серьезная и массовая<...> попытка осуществить на практике некоторые из идей Толстого».

Раджа Рао утверждал, что «ни Платон и Аристотель, ни Шекспир и Данте не оказали такого значительного влияния на человечество, как

Толстой». Отмечая воздействие идей Толстого на Ганди и индийскую общественную мысль, он констатировал, что это было воздействием философа, а не художника, ибо «на Востоке почти не знают творца „Войны и мира“ и „Анны Карениной“, зато там очень хорошо известен автор „Воскресения“ и „Так что же нам делать?“».

К сожалению, к участию в конференции не были привлечены писатели и критики других стран Азии, многие из которых не согласились бы с подобным утверждением.

Ряд фактов свидетельствует о том, что Толстой-художник нашел признание и в Индии. Письма к Толстому индийских публицистов и писателей, хранящиеся в Государственном архиве Толстого и частично опубликованные А. И. Шифманом в книге «Толстой и Восток», говорят о том, что уже в конце XIX в. ряд представителей индийской интеллигенции был знаком не только с публицистическими, но и с художественными произведениями Толстого.

Резким контрастом религиозной трактовке творчества Толстого прозвучал доклад итальянского романиста *Р. Баккелли*. Он заявил, «если бы Толстой не был таким великим художником, навряд ли бы его так помнили, уважали и ценили во всем мире». Своодушевлением говорил Баккелли о гомеровском размахе и объективности эпопей «Война и мир».

«„Воскресение“ обрывается, остается незавершенным, — заметил Баккелли, — по сознательному решению художника, принесшего эту жертву своим требованиям художественной правды. Это жертва [...], свидетельствующая об искренности художника и человека, ибо Толстой, дойдя до той точки, где роману следовало бы превратиться в зеркало праведной жизни, раскаяния, искупления и спасения, признал, что не вел и не наблюдал такой жизни и может только стремиться к ней и желать ее увидеть в этом мире. И поэтому он отказался от завершения романа».

Из всех заседаний венецианской конференции только три были специально посвящены проблемам художественного творчества Толстого, однако желающих обсуждать эти важнейшие темы оказалось очень много.

Итальянские писатели *Р. Баккелли* и *А. Моравиа*, славист *Э. Ло Гатто* и профессор *В. Бранка*, испанец *С. де Мадарьяга*, американский литературовед *Дж. Стейнер*, отступив от намеченной программы заседаний, говорили о значении и величии Толстого-реалиста.

Профессор Оксфордского университета *Мадарьяга* в докладе «Миссия Толстого» с восхищением говорил о влиянии на мировую литературу Толстого и других русских писателей. Способность «великих русских» глубоко анализировать внутренний мир человека Мадарьяга связал со свойственным им «ощущением братства, обнимающим все человечество, ощущением, которое преодолевает все социальные и политические границы и условности». Мадарьяга нашел некоторое сходство в исторических судьбах испанской и русской литератур, противопоставленных им литературам других европейских народов.

Однако и в этом докладе сказался характерный для буржуазного литературоведения ложный взгляд на русскую литературу как литературу, более всего тяготеющую к постановке религиозно-моральных проблем. Это видно из следующего поверхностного противопоставления: «Русские не столько стремятся к прогрессу, сколько к самоусовершенствованию, не столько думают о царе и жандармах, сколько о боге и сатане».

А. Моравиа сделал доклад о реализме Толстого (полный текст его выступления см. в кн. 1-й настоящ. тома).

Литературовед *В. Бранка*, назвавший свой небольшой доклад «Италия в „Войне и мире“», напомнил, что Толстой дважды посетил Италию (в 1857 и 1861 гг.) и изучал итальянский язык. Бранка обратил внима-

ние аудитории на сходство Толстого и итальянских романистов эпохи Рисорджименто в трактовке образа Наполеона как «сверхчеловека», попирающего национальные права. По мнению докладчика, роман гарибальдийца И. Ньево «Исповедь итальянца», написанный в 1858—1859 гг. и опубликованный в 1867 г., поражает рядом совпадений с «Войной и миром» в ситуациях. И там и тут изображена национальная солидарность против сил войны и Наполеона. Влияние безыскусственной мудрости старого солдата Мартино на героя аналогично влиянию Платона Каратаева на Пьера. Все это, как полагает докладчик, является доказательством идейной и душевной близости писателей, которые, доведись им встретиться в 1857 г., могли бы поделиться многими мыслями и творческими планами. Бранка говорил также о любовном внимании, с которым относились к Толстому итальянские писатели, продолжавшие в той или иной мере традиции революционеров и радикалов второй трети XIX в., и о великом значении для итальянского народа творчества Толстого, особенно романа «Война и мир», бывшего в черные годы фашизма надежным источником духовной пищи, бодрости и мужества.

Выступивший на заключительном заседании американский общественный деятель Дж. Кеннан в небольшой речи подчеркнул многообразное влияние наследия Толстого, громадное значение его деятельности и личного примера для современного мира. «Человечество было бы не совсем таким, не будь на свете Толстого<...> Часть его мощи перешла к нам, укрепив силы поколения, которое нуждается в этом, как никакое другое. Люди воспринимают эту силу по-разному: кто — в учении Толстого, кто — в примере его жизни, кто — в его художественных созданиях, а некоторые — лишь непосредственно, даже не догадываясь об источнике, — и это тоже неплохо».

Международная венецианская конференция, в которой приняли участие писатели и ученые разных стран, явилась данью огромного уважения к памяти Толстого со стороны мировой литературно-научной общественности. Вместе с тем, в докладах, прочитанных на конференции, в острых дискуссиях, возникших на ней, отразилась идеологическая борьба вокруг личности и творчества Толстого, которая идет в современном мире, — стремление определенных кругов буржуазных литературоведов видеть в Толстом прежде всего религиозного проповедника и обойти молчанием его значение как художника-реалиста, беспощадного обличителя мира эксплуататоров.

Толстовская конференция привлекла внимание общественности разных стран. Отчеты о ней были напечатаны во многих газетах и журналах.

Прогрессивная итальянская пресса приветствовала конференцию как проявление всеобщего уважения к исключительной личности Толстого и высказала удовлетворение по поводу встречи ученых СССР с учеными других стран, способствовавшей укреплению серьезных культурных связей («Unità», 5.VII 1960).

«Интересней всего было видеть, как молодой представитель воинствующего марксизма дружески улыбается престарелому ученому, представляющему Россию прошлого, и популярному эссеисту — представителю нашей западной цивилизации, как они непринужденно обмениваются мнениями, — причем все это происходит из уважения к художнику, который пережил и сумел показать своим современникам и читателям других времен неизбывную трагедию человека, любящего жизнь и при этом стремящегося к вечности» («Italia che Scrive», 1960, № 11, p. 218).

Сообщения о работе конференции были помещены в двух номерах органа итальянской компартии «Unità» — 1.VII и 5.VII 1960.

«СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ». ИЗДАНИЕ
НА ЯЗЫКЕ ХИНДИ (ДЕЛИ, 1959)

Обложка (оборотная сторона)

टालस्टाय का स्थान, केवल
रूसी साहित्य में ही नहीं,
विश्वसाहित्य में भी हिमालय-
सा ऊंचा है। गोर्की ने लिखा
था : "टालस्टाय की दो आंखों
में हजारों आंखें शामिल हैं।"
टालस्टाय का जन्म यद्यपि सामन्ती
परिवार में हुआ था, किन्तु उन्होंने
अपने वर्ग के भविष्य स्थापित करने के लिए उठकर समूचे
रूस की ओर समूची मानव जाति की अनुभूति को
अपने हृदय में समझकर पूरे देश के साथ
प्रत्यक्ष किया। टालस्टाय अविनाशिक केवल कार थे।
'प्यार की ईश्वरगी' में 'प्यार' की सामिल अनुभूति
का जीवन के इस बहुत बड़े से अत्यन्त हृदयस्पर्शी
चित्रण किया है। जो कहते हैं कि जीवन को
प्यार की मिठास से भर दें और प्यार को जीवन
भर प्यार करें।

17

हिन्दू पुस्तकें

भारत व विदेशों के
विद्वान, लेखकों की
उत्कृष्ट पुस्तकें जहाँ भारत में पढ़ने के लिए
हिन्दू पुस्तकें नहीं मिलें। प्रत्येक का मूल्य एक रुपये।
हिन्दू बुकिंग मुक्य प्राइवेट लिमिटेड

В американской печати также появились отклики на эту международную встречу. Дж. Кеннан отметил большой вклад, который внесли в работу конференции советские ученые. С другой стороны, реакционный буржуазный литературовед Э. Симмонс выразил недовольство по поводу участия в конференции советских ученых. Принципиальный идейный спор об истолковании творчества Толстого, который они вели, Симмонс оценил как «дух холодной войны», будто бы внесенный в работу конференции представителями советской делегации (E. Simmons. Tolstoi and the Kremlin.— «Atlantic Monthly», 1960, XI, vol. 206, № 5, p. 114—122).

Отчет о международной встрече дал также американский критик-славист М. Слоним в индийском еженедельнике «Thought» (1960, 5.XI, vol. XII, № 45, p. 14—15). В отличие от Симмонса, он писал: «Несмотря на некоторый холодок вначале и резкое различие во взглядах и позициях, на конференции не было враждебности, и ее участники легко нашли общую почву в дискуссии и даже пришли к частичному соглашению».

Советская общественность приветствовала международную толстовскую конференцию как ценный вклад в укрепление интернациональных культурных связей. Однако в нашей прессе были подвергнуты справедливой критике проявившиеся на венецианской конференции ложные тенденции в оценке жизни и творчества Толстого (см. Г. Брейтбург. Встреча на острове Сан-Джорджо. — «Лит. газета», 1960, 5.VII).

II. ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ ЮНЕСКО В ПАРИЖЕ

XI Сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО, проходившая в Париже с 15 ноября по 14 декабря 1960 г., отметила пятидесятилетие со дня смерти Толстого специальным пленарным заседанием. Оно состоялось 19 ноября под председательством *Акале Уорк Абте Уолда*. С докладом о мировом значении Толстого выступил глава советской делегации, председатель Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами *С. Г. Лапин*. «Величие Толстого состоит, в частности, в том, — сказал докладчик, — что он проявил огромный интерес к культуре Востока<...> Толстой первым из своих современников перекинул живой мост между современной ему культурой западных народов и культурами народов Азии и Америки». Особое внимание докладчик уделил толстовскому осуждению милитаризма и военной агрессии и одновременно толстовскому утверждению идей мира. «Проповедуя свое учение о непротivлении злу насилieм, — сказал руководитель советской делегации, — Толстой вместе с тем утверждал, что народы не должны пассивно созерцать злодеяния зачинщиков войны».

Затем выступил глава французской делегации, директор *Bibliothèque Nationale Ж. Кэн*. Он также говорил о международном значении Толстого — художника и мыслителя, произведения которого «перешли государственные границы и стали достижением мировой культуры, помогая лучше узнать и полюбить его великую родину<...> Смело можно сказать, что во всем мире, вплоть до самых далеких уголков нашей планеты, многие поколения читателей черпали и черпают в них уроки высокой морали». Каэн особо остановился на значении, которое имело творчество Толстого для крупнейших французских писателей XX в. — Р. Роллана и А. Франса, и рассказал о моральном авторитете Толстого и любви к его творчеству в современной Франции. (Отчет о заседании Генеральной конференции ЮНЕСКО, посвященной памяти Толстого, был напечатан в Информационном бюллетене ЮНЕСКО, 1960, № 85-86, а также в январском номере журнала «Курьер ЮНЕСКО» 1961 г.)

III. АВСТРАЛИЯ

Австралия, как и все другие континенты земного шара, широко отметила пятидесятилетнюю годовщину со дня смерти Толстого.

Огромное влияние, оказанное Толстым на развитие австралийской литературы, отмечалось во многих выступлениях, посвященных этой годовщине. Австралийцы знают и любят Толстого. Можно без преувеличения сказать, что каждый интеллигентный австралиец читал его романы и имеет их в своей личной библиотеке. Особенной известностью пользуются там «Война и мир» и «Анна Каренина». Оба романа изучаются в австралийских университетах.

Произведения Толстого начали проникать в Австралию сравнительно рано. Они присылались из Англии и привозились английскими переселенцами. В настоящее время в публичных библиотеках Австралии нередко можно встретить английские переводы произведений Толстого, опубликованные в 1881, 1893, 1897 и 1899 гг. Огромную роль в изучении творчества Толстого и в распространении знаний о нем сыграло первое — и до 1950 г. единственное — в Австралии Отделение русского языка и литературы Мельбурнского университета. Студенты этого отделения, изучая творчество Толстого, распространяли и распространяют полученные ими знания по всей стране. На заседании кафедры отделения по инициативе ее заведующей *Н. М. Кристесен* было принято решение — провести ряд мероприятий для ознаменования памятной даты.

В связи с тем, что в австралийских университетах программы ежегодно пересматриваются и каждый преподаватель, читающий тот или иной курс, имеет возможность вносить в программу изменения, в 1960 г. студентам I курса было предложено изучить рассказы Толстого, II курса — «Детство», «Отрочество», «Юность», III — «Войну и мир», IV — «Севастопольские рассказы» и «Анну Каренину».

В течение учебного года в университете был организован семинар по творчеству Толстого. На нем читались лекции, проводились дискуссии и анализировались многие произведения Толстого. Кроме того, автору этих строк как члену кафедры было поручено подготовить доклад об одном из произведений Толстого. Этот доклад, на тему «„Севастопольские рассказы“ Толстого», был прочитан им на собрании в зале университета. На собрание были приглашены все желающие. «Севастопольские рассказы» рассматривались в докладе с исторической точки зрения; доказывалось, что распространённое мнение, высказанное впервые Н. А. Некрасовым, будто Толстой был «первым писателем, открывшим русского солдата», не совсем точно. «Открыли» русского солдата впервые, как отметил докладчик, А. Бестужев (Марлинский) и М. Ю. Лермонтов, но это вовсе не значит, что «Севастопольские рассказы» были простым подражанием. Толстой шел по следам других, но перегнал своих предшественников, и его «Севастопольские рассказы» представляют собой новый шаг в развитии военного жанра. Толстой внес много нового и ценного в разоблачение «кровавого безумия войны».

Доклад о «Севастопольских рассказах» был прочитан автором не только в Мельбурне, но и в государственном университете столицы Австралии — Канберры. Доклады вызвали оживленные дискуссии.

Помимо перечисленных мероприятий, Отделение русского языка и литературы в течение 1960 г. устроило для студентов несколько небольших выставок, характеризующих жизнь и творчество Толстого. Во время экзаменов 1960 г. студентам были предложены темы, связанные с творчеством Толстого.

Юбилейная дата была отмечена общественностью Мельбурна специальным заседанием, на котором профессор *И. Р. Максвелл* прочитал лекцию о творческой деятельности Толстого, а австралийский писатель *Дж. Уотен* выступил с докладом о его мировом значении. Вход на оба заседания был свободный. Лекции прошли с большим успехом.

В других штатах Австралии юбилейная дата также была отмечена собраниями и докладами.

IV. СТРАНЫ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

АВСТРИЯ

15 ноября 1960 г. в Австрии состоялось торжественное чествование памяти Толстого.

Инициатором чествования было общество Австрийско-советской дружбы, которое организовало вечер памяти писателя в зале Зальцбургского рабочего театра.

Доклад о жизни и творчестве писателя был сделан доктором *Г. Гунпертом*, который в свете ленинских работ охарактеризовал мировое значение и актуальность произведений Толстого.

Статьи, посвященные Толстому, были напечатаны 19 ноября в «*Neue Front*», «*Kleine Blatt*», «*Tiroler Tageszeitung*» и 20 ноября в «*Volksstimme*», «*Arbeiter Zeitung*», «*Salzburger Volkstaat*» и ряде других газет и журналов.

Многие прогрессивные австрийские критики в статьях, посвященных памяти Толстого, подчеркивали моральный авторитет русского писателя,

неутомимого борца против эксплуатации и социальной несправедливости.

«Борьба за справедливость» — так назвал свою статью, напечатанную 19 ноября в газете «Kleine Blatt», П. Лоренц. «Борьба Толстого против лжи и лицемерия аристократического общества, его деятельное сострадание бедности и нищете угнетенных, его постоянные искания истины и утопические, в значительной мере, планы ослабить человечество так же, как его замечательный литературный талант, — делают его крупнейшим явлением литературы XIX столетия», — писал критик.

Анонимный автор статьи «Высшая заповедь — добро», напечатанной в газете «Arbeiter Zeitung» (20.XI 1960, № 515), видит в жизни Толстого высокий образец служения народу. «Он никогда не хотел быть только писателем. Книги для народного чтения и буквари казались ему делом не менее важным, чем величественный эпос русского народа <„Война и мир“>», — пишет критик. Автор статьи подчеркивает также, что «многие из проблем Толстого остаются актуальными и поныне».

Чествование памяти Толстого побудило австрийского критика Ф. Ноэля задуматься о судьбах современной западноевропейской культуры и литературы. «Конечная станция Астапово» — так символически назвал он свою статью, напечатанную в грацской газете «Neue Zeit» 19 ноября.

Для Ноэля Толстой является воплощением подлинной человечности и единения с народом — качеств, утраченных современными буржуазными писателями:

«...Где нет простоты, доброты и справедливости, — там нет и величия», — говорил Толстой. Это было сказано в то время, когда европейцы, начиная с Якова Бургхардта, Фридриха Ницше и Фердинанда Мейера, вновь возродили культ героической личности Ренессанса. Первое крупнейшее произведение Толстого показало абсурдность культа героя и в то же время показало величие страдающего русского народа. Со времен Карлейля центральной проблемой истории были отношения между массой и героем. В грандиозном произведении Толстого мы не находим преувеличенной идеализации личности. В эпоху, когда природа утратила свою естественность, а человек стал бесчеловечным<...>, произведение этого гиганта должно показаться нам мифом древних времен. И все же нас отделяет от 20 ноября 1910 года всего пятьдесят лет. Не стало ли также и для нас Астапово конечной станцией человеческих и естественных возможностей?» — с тревогой спрашивает Ноэль.

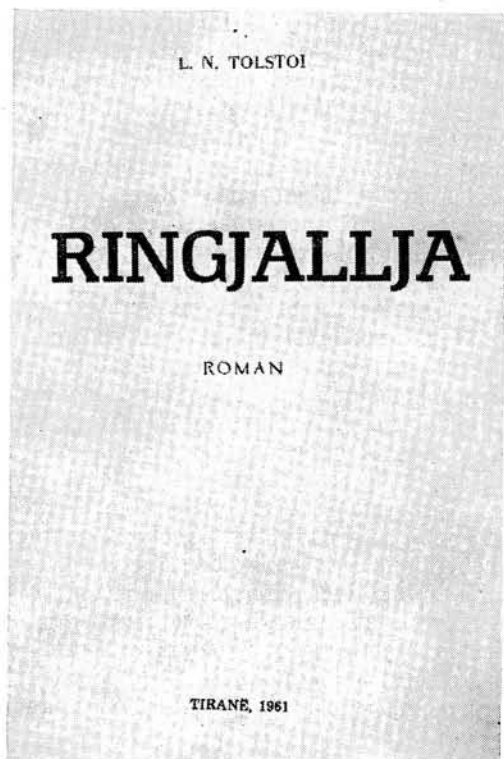
АЛБАНИЯ

«К пятидесятилетию со дня смерти» — под такой рубрикой в ноябре 1960 г. ряд центральных албанских газет и журналов опубликовал статьи о жизни и творчестве Толстого.

20 ноября в газете «Zeri i Popullit» была опубликована статья под заглавием «Лев Толстой — гениальный писатель русского народа». «Весь мир отмечает пятидесятилетие со дня смерти Л. Толстого, гения русской и мировой литературы, великого гуманиста и психолога», — такими словами открывалась эта статья, выдержанная в свете ленинской оценки творчества русского писателя.

До освобождения Албании в 1945 г., отмечает статья, Толстой был одним из самых известных зарубежных писателей. Албанская молодежь с энтузиазмом читала переведенные на албанский язык «Анну Каренину», «Хаджи-Мурата» и другие произведения. Огромное впечатление произвели на албанского читателя недавно переведенные первые два тома «Войны и мира». «Албанский читатель, — говорится в заключении, — любит Тол-

«ВОСКРЕСЕНИЕ». ИЗДАНИЕ НА
АЛБАНСКОМ ЯЗЫКЕ (ТИРАНА, 1961)
Титульный лист

стого и с уважением отмечает пятидесятилетие со дня смерти великого гуманиста и борца за прогресс и счастье людей.

Статью «Толстой — великий защитник правды» опубликовала газета «Bashkimi» 20 ноября 1960 г. В ней подвергся анализу реализм Толстого и подчеркивается народный характер его творчества. «Албанские писатели и читатели, полюбившие произведения Толстого, с нетерпением ждут перевода других его произведений», — говорится в заключении статьи.

24 ноября та же газета, под рубрикой «Новые книги», рекомендовала албанскому читателю незадолго до того вышедший в свет перевод «Кавказского пленника».

В № 11 ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала «Nendori» были опубликованы отрывки из воспоминаний М. Горького «Лев Толстой», текст доклада, сделанный на конференции, посвященной Толстому, а также статья «Толстой на нашем языке». Докладчик подробно остановился на биографии писателя, проанализировал его основные произведения и охарактеризовал распространение их в Албании.

«Демократическое и культурное движение в Албании связано с именем Толстого, — заявил докладчик. — Передовые интеллигенты периода Возрождения * ценили Толстого, переводили его книги. Их вдохновляла борьба писателя против господствующих классов и церкви, его связь с народом, его симпатии к крестьянам, к беднякам».

Статья «Толстой на нашем языке» целиком посвящена популярности Толстого в Албании как в период национально-освободительного,

* Албанское Возрождение второй половины XIX — начала XX в. связано с борьбой за национальное освобождение Албании от турецкого владычества. — *Ред.*

демократического и коммунистического движения 1910—1930-х годов, так и после 1945 г. Тот факт, что «в Албанию периода до освобождения, когда восемьдесят процентов населения было неграмотно, проник этот гигант мировой литературы», считается весьма показательным. В статье перечисляются произведения Толстого, переведенные на албанский язык: «Севастопольские рассказы», «Война и мир», «Анна Каренина», «Кавказский пленник», «Живой труп», «Крейцерова соната», «Семейное счастье», «Воскресение», «Чем люди живы», сказка «Три медведя», «Ассирийский царь Асархадон». В статье отмечается, что после 1945 г. изменилось качество переводов произведений Толстого на албанский язык: они стали ближе к оригиналу, печатаются без сокращений. Если до 1945 г. переводы произведений писателя выходили тиражом в одну-две тысячи экземпляров, после 1945 г. они стали выходить тиражом в пять — восемь раз больше. Творчество Толстого изучается и в средней школе и в университете. Албанский читатель, как указывается в заключении статьи, ждет новых переводов произведений Толстого, которые «еще лучше ознакомят его с этим гением человечества».

В ноябре 1960 г. в журнале «Miqesia» была помещена статья «Гений мировой литературы», рассказывающая о жизни и творчестве Толстого, о его дружеских отношениях с Чеховым и Горьким и о его влиянии на албанских писателей и читателей.

По случаю пятидесятилетия со дня смерти Толстого в библиотеках Албании, в школах и Тиранском университете были организованы большие выставки, посвященные Толстому. На них были представлены труды Толстого, изданные на русском и албанском языках, и иллюстративный материал.

На русском отделении историко-филологического факультета Тиранского государственного университета состоялся торжественный вечер, посвященный Толстому. На вечере присутствовали студенты и преподаватели всех факультетов. Были заслушаны два доклада на русском языке: «О жизни и творчестве Толстого» и «Толстой в Албании». С большим успехом прошла сцена из «Анны Карениной», поставленная силами студентов русского отделения.

Как бы продолжением юбилея Толстого явился выход в 1961 г. в Албании нового перевода «Анны Карениной», а также третьего тома «Войны и мира» и «Воскресения». В № 1-2 журнала «Nendori» 1961 г. появились литературно-критические статьи Толстого.

Албанский читатель продолжает знакомиться с творчеством Толстого и в оригинале — в библиотеках имеется немало произведений писателя на русском языке. С интересом был встречен албанскими зрителями советский кинофильм «Воскресение» по одноименному роману Толстого.

АНГЛИЯ

23 ноября 1960 г. в Лондоне по инициативе Пенклуба (International Association of Poets, Playwrights, Essayists, Editors and Novelists) было проведено торжественное собрание, посвященное памяти Толстого. Литературовед *И. Берлин* прочитал доклад на тему «Толстой и просвещение». По мнению докладчика, в педагогических сочинениях Толстого больше проявляется близость к французским просветителям XVIII в., чем к мыслителям XIX в.

Также в стиле ранних художественных произведений, в частности в «Юности», заметно сходство с манерой Вольтера и Бентама. «Для XIX столетия необычен его тон, сухой, иронический, поучительный, одновременно резкий и занимательный» («Encounter», 1961, № 89, p. 29—40).

Отмечая известную общность взглядов Толстого и французских просветителей, докладчик не раскрыл вместе с тем существенного их различия.

К пятидесятой годовщине со дня смерти писателя в Англии вышла книга Т. Редпаса «Толстой» (Theodore Redpath. Tolstoy. London, 1960).

«Эта маленькая книжка, — пишет автор в предисловии, — представляет собой краткий очерк идей и художественного творчества Толстого. Она предназначена скорее для рядовых читателей, чем для специалистов. Я надеюсь, что она <...> поможет лучше понять и оценить произведения Толстого как философские, так и художественные, заставит читателей задуматься над серьезными проблемами нашей жизни и цивилизации, о которых говорит Толстой...» (р. 9).

Излагая социальные, философские и религиозные взгляды Толстого, автор пытается разъяснить читателям, какие из этих идей «приемлемы», а какие «неприемлемы». Подобно другим буржуазным критикам, Редпас осуждает Толстого за непримиримое отношение к религиозным догмам: «Толстой явно недооценил то важное и истинное, что кроется в нелепых с виду доктринах и формах церковного христианства» (р. 20). Оценка Толстым современного ему общественного устройства представляется Редпасу «чересчур суровой». Он обвиняет Толстого в огульном отрицании науки.

Говоря о художественном творчестве Толстого, Редпас подчеркивает непревзойденный реализм писателя, глубокую идейность и эмоциональную насыщенность его искусства. «Толстовский реализм никогда не бывает холодно-созерцательным. Он всегда эмоционален и, в сущности, в нем всегда сочетаются мощные импульсы утверждения и отрицания» (р. 87).

Большое место в книге Редпаса уделено роману «Война и мир», при анализе которого на первый план выдвинута патриотическая идея, пронизывающая произведение.

Обращаясь к «Анне Карениной», Редпас, подобно многим другим зарубежным критикам, ограничивается рассмотрением сюжетной линии Анны — Вронского.

«Воскресение» он, с одной стороны, называет великим художественным произведением, с другой — осуждает как содержащее опасные разрушительные идеи. Беспощадной толстовской критике общества и государства Редпас противопоставляет социальную утопию, характерную для английского реформизма: «Повышенное чувство ответственности в господствующем классе, да и в каждом человеке, принадлежащем к любому классу, дает больше надежды справиться с угнетением и нуждой, чем разрушение классового общества путем добровольной капитуляции господствующих классов, как предлагает Толстой, или путем революционного насилия» (р. 83).

В заключение рассматривается вопрос, который вызывает постоянные споры в современном зарубежном литературоведении: кто важнее для современности, Толстой-художник или Толстой — религиозный мыслитель? Исходя из правильной предпосылки, что искусство Толстого неотделимо от его мировоззрения, Редпас пытается показать, что такое противопоставление несостоятельно.

«Толстой был не только великим мастером слова, но и мощным мыслителем-аналитиком <...> Его художественные произведения заставляют нас задуматься над многими важными проблемами жизни <...> В своих философских сочинениях Толстой является художником, в романах — мыслителем. В „Детстве“, „Севастопольских рассказах“, „Казаках“, „Войне и мире“, „Анне Карениной“, „Воскресении“ он неустанно бьется

над важнейшими проблемами: в чем смысл жизни, каково значение войны, как следует жить, что такое социальная справедливость, какой должна быть идеальная семейная жизнь, какими должны быть отношения между мужчиной и женщиной» (р. 109).

Следует заметить, однако, что в самом очерке Редпаса недостаточно раскрыто общественное и философское содержание творчества Толстого.

В 1960 г. вышла книга Синтии Асквит «Замужем за Толстым» (Synthia Asquith. Married to Tolstoi. London, 1960), вскоре переведенная на другие языки. Автор именует себя «самозванным адвокатом Софьи Андреевны» (р. 16). «Адвокатская позиция», занятая Асквит, не могла не сообщить этой беллетризованной биографии одностороннего характера. Со страниц книги встает идеализированный образ женщины-мученицы, «подобно рабыне, работавшей на писателя», пережившей на протяжении своего замужества нескончаемую цепь невзгод и страданий. Очень поверхностно рассматриваются причины серьезного разлада в семье Толстых. Конфликт между Толстым и его женой Асквит объясняет религиозными расхождениями супругов. Иных, более глубоких причин она не видит, повторяя старую и крайне одностороннюю версию об уходе Толстого вследствие одних только семейных раздоров. «Если бы Соня уехала на время в санаторий, трагический занавес ее супружеской жизни мог бы и не опуститься», — утверждает по этому поводу писательница (р. 25)*.

Осенью 1960 г. многие прогрессивные английские критики выступили со статьями о Толстом. «Крестьянин-граф» — так называется небольшой очерк Р. Роберта, который рассматривает творчество Толстого в свете ленинской методологии и, в частности, подчеркивает историческое и общественное значение Толстого как выразителя «требований голодного крестьянства уничтожить частную собственность на землю». «Толстой, — пишет критик, — был противником государства и церкви почти во всем. Он признавал вредными армию и флот, капиталистов и помещиков, чиновничество и духовенство» («Contemporary Review», 1960, XII, vol. 198, p. 692—694).

Чествование памяти Толстого в Англии сопровождалось острой идеологической борьбой. Отдельные буржуазные журналисты использовали годовщину смерти писателя как повод для очередных антисоветских выпадов. Так, в литературном приложении к «Times» появилось следующее рассуждение: «Не удивительно, что русские современники Толстого называли его нигилистом. В наше время его называли бы контрреволюционером» («Times Literary Supplement», 25.XI 1960).

На это враждебное по отношению к Советскому Союзу выступление редакция журнала «Marxism Today» иронически ответила: «Должно быть, в СССР впервые так чествуют память контрреволюционера» (1961, № 1, р. 3—4) и перечислила важнейшие факты, свидетельствующие о признании значения Толстого в Советском Союзе.

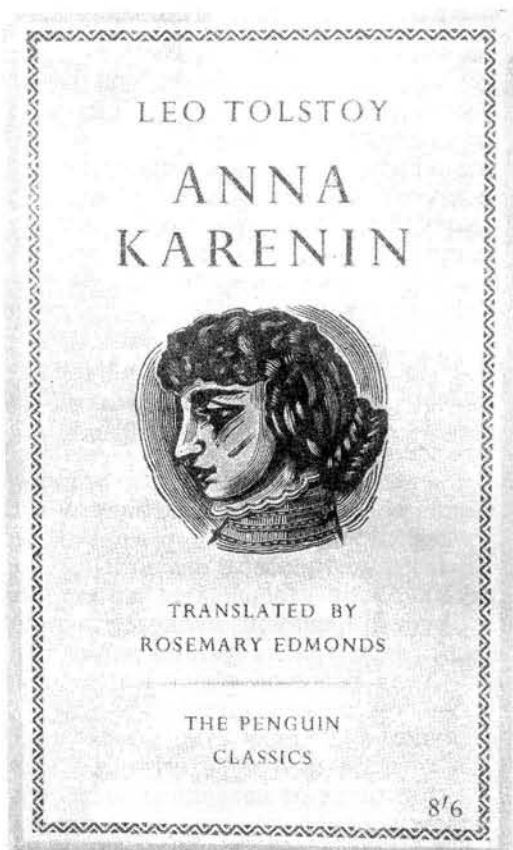
Особый интерес у критики вызвал роман «Анна Каренина» — в основном благодаря своей семейной проблематике, что отвечает сложившейся в английской литературе традиции семейного романа, интересу английских писателей к проблемам семьи.

В 1959—1960 гг. на страницах трех номеров литературоведческого журнала «Critical Quarterly» развернулась интересная дискуссия, по-

* Сжатая критическая оценка книг Т. Редпаса и С. Асквит, а также ряда других монографий, сборников и материалов, опубликованных за рубежом в связи с пятидесятилетием со дня смерти Толстого, дана в книге Т. Л. Мотылевой «Иностранная литература и современность». М., 1961, стр. 99—126, а также в книге М. Б. Храпченко «Лев Толстой как художник». М., 1963, стр. 641—659.

«АННА КАРЕНИНА». АНГЛИЙСКОЕ
ИЗДАНИЕ (ЛОНДОН, 1956)

Обложка

священная «Анна Карениной». Спор начался опубликованием статьи Г. Джиффорда «Анна, Лоуренс и закон», в которой подробно излагались взгляды английского писателя Д. Лоуренса на роман. Лоуренс, фетишизировавший половой инстинкт и ставивший его выше «добра и зла», постоянно полемически обращался к «Анне Карениной». Односторонне трактуя этот роман, Лоуренс утверждал, будто Толстой в нем «стремился задушить живую жизнь», находил «извращенное удовольствие в том, чтобы унижить Вронского и Анну».

По мнению Лоуренса, подлинная трагедия Анны состояла в «нарушении ею неписанной морали — закона самой жизни<...> Верность этой морали заставила бы Анну терпеливо ждать, когда она, на основе достигнутых прав, приобретет от общества то, в чем нуждается» (р. 177—178).

Наконец, английский писатель утверждал, будто единственной причиной смерти Анны было «грубое общественное осуждение, которое Толстой в романе изобразил как божью кару».

Статьи Лоуренса вошли в его сборник: D. Lawrence. Selected Literary Criticism. London, 1955.

Статья Джиффорда («Critical Quarterly», 1959, vol. 1, № 3) вызвала возражение известного левого критика Р. Уильямса, который, протестуя против абстрактности и антиисторизма в оценке романа Толстого и образа Анны Карениной, писал, что «критики и читатели склонны изолировать образ героини, отделять ее судьбу от общества, в котором она живет, от судеб других героев романа, игнорировать параллельно развивающуюся историю Левина и Кити».

«Общественные обычаи, враждебные Анне, проникнуты лицемерием, но даже и в таком обществе, где развод не затруднен, где на женщин, подобных Анне, не указывают пальцем и не перестают с ними разговаривать, все-таки остается основная, вытекающая из природы человека трудность. Дети будут рождаться в любом обществе, неудовлетворенность и ненависть возникнут при любых законах, если отношения между людьми сложатся неверно. Трагедия Анны усилена обществом, но корни этой трагедии уходят гораздо глубже; они обусловлены характером личных взаимоотношений, и в современном обществе, в котором старые законы об отношениях полов практически забыты, до сих пор мужчины и женщины кончают жизнь самоубийством, отчаявшись в любви» («Critical Quarterly», 1960, vol. 2, № 1, p. 33—39).

Помимо критиков, принявших участие в споре об «Анне Карениной» на страницах журнала «Critical Quarterly», идейная проблематика романа Толстого живо обсуждалась и другими английскими литературоведами.

Своеобразная трактовка эпиграфа и всей философской концепции Толстого в романе дана Р. Харром в книге «Портреты русских выдающихся людей периода между реформой и революцией» (Richard Hare. The Portraits of Russian Personalities between Reform and Revolution. London, 1959). Автор утверждает, что «толстовское понимание морального закона в „Анне Карениной“ является не столько христианским, сколько буддистским, несмотря на цитаты из священного писания».

Среди работ об «Анне Карениной», вышедших в 1960—1961 гг. на английском языке, стоит упомянуть интересную статью Э. У. Гринвуда «Единство „Анны Карениной“», опубликованную в Новой Зеландии («A New Zealand Quarterly», 1961, № 6).

В отличие от названных выше критиков, Гринвуд не ограничился анализом идейной концепции романа и образа его центральной героини, а сделал интересные наблюдения над творческим методом Толстого, существенной особенностью которого, по мнению критика, является «открытие основного психологического закона человеческой натуры в действии или отдельном характере».

Эпические произведения Толстого продолжают привлекать внимание и английской театральной общественности. Летом 1961 г. в лондонском «Arts Theatre» с успехом прошла инсценировка повести Толстого «Крейцеров соната» (показанная затем и в США). Английская театральная пресса отметила удачу инсценировки и превосходную работу чтецов исполнителей Р. Лавела и Х. Уот, которые были также авторами инсценировки и постановщиками («Plays and Players», 1961, VIII, p. 17).

Располагая для исследования полным собранием сочинений Толстого, вышедшим в Советском Союзе, английские литературоведы принимают участие в решении некоторых спорных текстологических вопросов. Так, П. Руди — автор небольшой статьи «„Таинственная“ история м. д.» («Philological Quarterly», 1960, vol. 39, № 1, p. 126—129) предложил новый вариант расшифровки сокращенной дневниковой записи Толстого от 18 января 1851 г., опубликованной в т. 46 Юбилейного издания в таком виде: «Писать историю м<оего> д<етства>». Руди обратил внимание на письмо к Т. А. Ергольской от 17 января того же года, в котором Толстой сообщал, что с удовольствием опишет день, проведенный у Дьяковых. Основываясь на этом письме, Руди делает предположение, что «толстовская таинственная заметка в действительности относится к задуманному рассказу, в основу которого должны были лечь события дня, проведенного с Дьяковыми». Отметим, что недавно Н. Н. Гусевым предложено аналогичное прочтение спорного текста: «Писать историю дня». Запись эту

Гусев считает первым упоминанием Толстого о замысле «Детства» («Лит. наследство», т. 69, кн. 2, стр. 489—490).

В 1960—1961 гг. в Англии были опубликованы новые мемуарные материалы о Толстом. Еженедельник «Manchester Guardian Weekly» (1960, IX, vol. 83) напечатал извлечения из писем *Ч. Л. Бригга* — секретаря В. Г. Черткова, несколько раз посетившего Толстого в Ясной Поляне во время своих поездок в Россию в 1904—1905 гг. Бриггз сообщал жене о своих встречах и разговорах с Толстым на моральные и общественные темы.

В журнале «Listener» (1961, № 1) были помещены воспоминания *А. Бобринского* «Толстой глазами ребенка». Автор рассказывает о своем посещении Ясной Поляны в детские годы. Большая часть воспоминаний касается семейства Бобринских и не связана с личностью писателя. Однако в сознание мальчика врезались и острые споры на религиозные темы, которые велись в доме писателя, и образ самого Толстого — беспощадного критика христианских догматов.

БЕЛЬГИЯ

Пятидесятилетие со дня смерти Толстого отмечалось в Бельгии весьма скромно.

14 декабря 1960 г. в Брюсселе во Дворце изящных искусств состоялось торжественное заседание, посвященное памяти Толстого. На этом заседании, организованном Обществом бельгийско-советской дружбы, выступил итальянский критик *Р. Подзетти* с сообщением о международной конференции памяти Толстого в Венеции.

В заседании приняли участие биографической книги о Толстом *Д. Жиллес*, а также *Ж. Туссель*. В заключение собравшиеся услышали записанный на пленку голос Толстого и просмотрели документальный биографический кинофильм о его жизни.

Несколько статей о Толстом появилось в связи с юбилеем в бельгийской прессе. Некоторый интерес для биографов писателя представляет, в частности, напечатанная 3 ноября в газете «Soir» статья *К. Бронна* «Толстой в Брюсселе».

По разным причинам Институт славяноведения Брюссельского университета (единственный институт с полной программой по изучению славян в Бельгии) никак не отметил эту дату, хотя в предшествующие годы там устраивались в юбилейные даты конференции и читались доклады о Пушкине, Гоголе, Горьком, Андрее Рублеве и других деятелях русской культуры.

БОЛГАРИЯ

Память Толстого широко и торжественно отмечалась в Болгарии. Общественный комитет болгаро-советской дружбы, Национальный комитет защиты мира, Министерство просвещения и культуры и Союз болгарских писателей организовали вечер памяти Толстого. С большим докладом выступил секретарь Союза *Г. Димитров-Гошкин*. В Народной библиотеке имени Васила Коларова и в Доме болгаро-советской дружбы были организованы обширные выставки, посвященные жизни и творчеству писателя. 17 ноября 1960 г. вышел специальный номер газеты «Литературен фронт» (орган Союза болгарских писателей), посвященный Толстому, со статьями *П. Тотева*, *Г. Константинова*, *А. Поповой*, *Д. П. Бошнакова*, *А. Цановой* и др.

На юбилейную дату откликнулись почти все болгарские журналы. В журнале «София» *В. Мавродиев* опубликовал статью, в которой отмечал

большое распространение произведений Толстого в Болгарии, особенно в Софии, еще в начале XX столетия. В настоящее время в Софии ведется большая работа по изучению Толстого и его наследия: издаются новые переводы его произведений (в 1956—1957 гг. вышло в свет собрание сочинений в четырнадцати томах), а также исследований о нем советских ученых. В 1957 г. Софийская народная опера поставила «Войну и мир» С. Прокофьева. Этот спектакль был показан в 1960 г. на Международном оперном фестивале в Брюсселе («София», № 11).

Большое внимание памяти Толстого уделил журнал «Българо-съветска дружба». На его страницах напечатаны стихотворение поэта *Н. Бояджиева* о Толстом, перевод рассказа Толстого «После бала», специально для этого журнала написанные воспоминания *В. Ф. Булгакова* («Я знал близко великого писателя») и полученный из Дома-музея Толстого в Ясной Поляне список книг на болгарском языке, находившихся в его личной библиотеке. Толстой живо интересовался Болгарией и читал по-болгарски. В журнале публикуется также рассказ *Х. Траянова* о посещении Ясной Поляны и информация о праздновании юбилейной даты в СССР.

Статья о Толстом поместил также нелитературный журнал «В защита на мира» (*С. Гёрова*. «Л. Н. Толстой — великий художник-гуманист» — 1960, № 10, и *С. Петканова*. «Л. Н. Толстой у нас», 1960, № 11) и некоторые другие.

Много внимания памятной дате уделили литературные журналы: «Пламя» (орган Союза болгарских писателей), «Литературна мисъл» (орган Института литературы при Болгарской Академии наук), «Театър» (орган Министерства просвещения и культуры Болгарии).

В журнале «Театър» была помещена статья *Л. Паневой* «Драматургия Л. Н. Толстого», где дан обзор драматических произведений писателя и раскрыт идейный смысл основных художественных образов в его пьесах (1960, № 11). В информационной статье *В. Мавродиева* «Драматургия Л. Н. Толстого и наш театр» приведен перечень толстовских спектаклей, начиная с 1904 г., когда впервые была поставлена «Власть тьмы» — самая популярная из толстовских пьес в Болгарии. Второе место по количеству постановок занимает инсценировка «Воскресения», третье — «Плоды просвещения», четвертое — «Живой труп». Появлялись на болгарской сцене также инсценировки «Анны Карениной» и «Крейцеровой сонаты», а в репертуар самодельных театров прочно вошла комедия «Первый винокур». В заключение указывается, что драматургия Толстого помогает болгарскому театру развиваться в духе русских реалистических традиций.

«Пятидесятая годовщина смерти Л. Н. Толстого» — так называется специальный раздел в журнале «Литературна мисъл» (№ 5), и каждая статья, помещенная там, утверждает живые связи Толстого с современностью.

Раздел открывается яркой статьей *Л. Стоянова* «Жизнь — эпопея» (см. книгу 1-ю настоящ. тома).

Г. Караславов в «Первой встрече со Львом Толстым» вспоминает о впечатлении, произведенном на него рассказом «Корней Васильев», первым прочитанным им произведением Толстого; мальчика поразили простота и правдивость повествования; он нашел общие черты характера у персонажей рассказа и своих односельчан.

О своем отношении к Толстому рассказывает *Д. Талев* в статье «Лев Толстой в моей памяти» (печатается в кн. 1-й настоящ. тома).

О связях Толстого с современностью пишет *Д. Димов*. Для него художественное наследие Толстого — вечно живое и верное средство против всяких извращений в искусстве.

СБОРНИК РАССКАЗОВ И ПОВЕСТЕЙ
ТОЛСТОГО. ИЗДАНИЕ НА БОЛГАРСКОМ
ЯЗЫКЕ (СОФИЯ, 1960)

Суперобложка

Интересен раздел «Великая годовщина» в журнале «Пламя» (№ 11). Ленинская оценка Толстого раскрывается в статье *К. Горанова* «Лев Толстой и Ленин». На конкретном анализе произведений Толстого автор показывает истинность ленинских положений о мировоззрении и методе художника и их взаимодействии с действительностью, подчеркивая, что объективный смысл художественного произведения оказывается шире авторских намерений, ибо действительность и реалистические законы художественного отражения «корректируют» ошибки в замыслах и взглядах писателя. Критик напоминает, что правильное понимание соотношения исторически ограниченного и непреходяще истинного в художественном видении Толстого имеет принципиальное значение, поскольку художественный метод Толстого не устарел и мастерству у него учатся и писатели современности.

В статье *С. Великова* «Лев Толстой у нас» сделан обзор переводов на болгарский язык произведений Толстого, постановок его пьес, а также отдельных отзывов о нем болгарской критики. Работа Великова в некоторых деталях дополняет картину восприятия Толстого в Болгарии, которую нарисовал *Г. Константинов* (см. ниже).

Интересны воспоминания *П. Белова* о событиях, связанных со смертью Толстого. Белов был тогда студентом петербургской Военно-медицинской академии, присутствовал как выбранный товарищами делегат на похоронах писателя и рассказал о своих впечатлениях на студенческой сходке.

В статье *Л. Георгиева* подробно анализируется отношение к Толстому болгарского писателя *П. Ю. Тодорова* по его статьям и выступлениям. Тодоров предстает как вдумчивый критик Толстого, пристально следивший за творчеством писателя в течение всей своей жизни. Любовь и признательность к художественному гению Толстого звучат в каждой строчке, написанной Тодоровым о Толстом.

И. Цветков излагает творческую историю «Войны и мира» — произведения, «в котором одинаково поражает эпический размах, мощь изображения массовых сцен и удивительное жизнеподобие, тонкий психологический анализ действующих лиц <...>, в котором совмещаются резкая социальная критика и поэтизация деревенской жизни, пафос напряженной духовно-нравственной жизни и пафос героический».

Кроме того, в номере публикуется несколько кратких сообщений — об отношении Толстого к Нобелевской премии, о произведениях писателя, запрещенных при царизме (перевод с русского — из «Недели»), о венецианской конференции.

В 1960 г. в Болгарии, помимо статей общего характера, появился и ряд исследовательских работ. Так, теоретический орган ЦК Болгарской Коммунистической партии журнал «Ново време» поместил статью *И. Цветкова* «Реализм Толстого» (№ 11, стр. 74—82). Творения гениального мастера слова автор справедливо называет «школой нравственного и эстетического воспитания трудящихся». «Нет такого крупного художника, который не воспользовался бы великими художественными открытиями Л. Толстого, не учился бы у него высокому мастерству». Цветков восхищается гражданским мужеством Толстого: «Если бы Толстой жил в средние века, его наверняка сожгли бы, как Джордано Бруно, а в XVIII веке его постигла бы участь Радищева». Критику удалось связать характеристику реализма Толстого с современной литературной жизнью, в частности с творчеством болгарских писателей, что является его несомненной заслугой.

Заметным явлением в болгарском толстоведении явился выход в свет сборника статей русских исследователей «Творческий путь Льва Толстого» («Творческий път на Лев Толстой». Съст. Н. Лощинин и В. Велчев. София, 1960). В сборник вошли статьи *Н. К. Гудзия, Б. И. Бурсова, К. Н. Ломунова, Л. Д. Опульской и Н. Лоцинина*, последовательно освещающие творческий путь художника, а также статья болгарского писателя *Г. Константинова* «Лев Толстой и болгарская литература», в которой автор определяет воздействие Толстого на болгарскую литературу и характеризует отношение к нему болгарской критики. Константинов считает, что влияние Толстого на болгарскую литературу шло в нескольких направлениях. Прежде всего, Толстой был близок болгарским писателям как идеолог крестьянства. Идеализация земледельца типична для ряда болгарских писателей-народников, находившихся под прямым воздействием проповеди Толстого. «Можно сказать, — пишет Константинов, — что все наши писатели — критические реалисты и народники, которые задавали тон в литературе 1890-х годов — Михалаки Георгиев, Т. Влайков, Г. П. Стаматов, Елин Пелин, Цанко Церковски, Христо Максимов, — в той или иной степени находились под влиянием Толстого, его реализма и гуманизма, особенно те из них, которые в своих произведениях изображали сельский быт, крестьян, земледельческий труд <...> Сила изобличения царского суда в „Воскресении“ <...> помогла болгарским писателям-обличителям раскрыть несовместимость буржуазного правосудия с человечностью» (стр. 10).

Известное влияние на болгарских писателей оказал и Толстой-моралист.

Толстовская философия жизни проявляется в некоторых рассказах *Й. Йовкова* и *И. Иванова-Черена*.

«Художественному мастерству учатся у Толстого и современные болгарские писатели — особенно те, кто пишет о сельской жизни и применяет психологический анализ, как *Г. Караславов, А. Каралийчев, И. Воллен*, — учились и учатся у Толстого прежде всего демократизму его искусства, связи с народным творчеством и языком...» (стр. 17—18). Все это

позволяет автору статьи сделать вывод о большой роли Толстого в культурной и нравственной жизни Болгарии.

Значительно подробнее останавливается Константинов на оценке Толстого болгарской критикой, которая пристально следила за творчеством выдающегося художника слова. Толстой был самым популярным писателем в Болгарии уже в 1890-х годах. Его произведения часто переводились, и на них откликалась периодическая печать. «Наши журналы и газеты, — пишет Константинов, — не пропускали ни одного сколько-нибудь значительного известия, которое могло бы лучше осветить жизнь и творчество Толстого — особенно же участие его в помощи голодающим крестьянам во время засухи 1891 г., обличение им царского самодержавия, смысл его проповеди, его взгляды на задачи искусства, на религию, на брак» (стр. 4—5).

Особенное внимание Константинов уделяет прогрессивной критике, в частности тем статьям о Толстом, которые публиковались в 1899—1901 гг. в болгарском журнале «Ново време».

В этой части работы автор приводит ряд интересных фактов. Примечательно, например, что трактат Толстого «Что такое искусство?» получил в болгарской критике марксистскую оценку сразу же после его опубликования. Д. Благоев, первый распространитель научного социализма в Болгарии, написал на этот трактат подробную рецензию, в которой рассмотрел определение искусства, данное Толстым, и развернул принципиальную критику толстовства, охарактеризованного им как «смесь демократизма с мистической реакционностью». Константинов убедительно показывает, что Благоеву все же не удалось выяснить во всей полноте объективный смысл выступлений Толстого об искусстве.

Более верную критику толстовского учения дали Д. Благоев в рецензии на брошюру Толстого «Рабство нашего времени» («Ново време», 1900, № 11-12) и В. Коларов в статье «Граф Толстой о современном рабстве» (там же, 1901, № 3). Вскрывая тщетность толстовских «рецептов спасения человечества», Коларов писал: «Социализм преодолевает классовые различия <...> и утвердит в обществе ту любовь <...>, о которой мечтал великий гуманист XIX века — Лев Толстой».

В работе Константинова рассматриваются статьи и отклики Г. Бакалова, Л. Стоянова, Т. Павлова и других, свидетельствующие о том, что творчество Толстого не переставало занимать внимание болгарской критики. К толстовскому наследию обращались в Болгарии и в периоды тяжелых испытаний. Так, например, когда гитлеровцы напали на Советский Союз, в отдельных болгарских городах были устроены выставки о творчестве Толстого, которые укрепляли у болгарского народа веру в победу над фашизмом.

В другой статье Константинова — «Лев Толстой в Болгарии», помещенной в журнале «Септември» (1960, № 11), любовно собраны высказывания Толстого о Болгарии и ее народе. Особое значение придается тому, что, покидая Ясную Поляну, Толстой выразил намерение поселиться в Болгарии. Константинов объясняет это исключительной популярностью Толстого и его учения в Болгарии (о чем не мог не знать писатель) и подробно рассказывает о болгарских последователях Толстого.

Таким образом, работы Константинова весьма полно освещают характер восприятия Толстого в Болгарии.

Актуальной теме «Толстой и развитие романа» посвящает свою небольшую статью Т. Жечев («Родна реч», 1960, № 8). Он знакомит болгарского читателя со спорами вокруг судеб современного романа, опровергая рассуждения о том, что романы Толстого устарели. «Кажущиеся революционными фразы о „совершенно новых формах“ не могут прикрыть отсутствия энергии, с которой романисты прошлого исследовали современного

им человека и его место в обществе». Говоря о замечательном умении Толстого сочетать эпически обобщенные картины жизни с глубоким проникновением в частные судьбы, Жечев правильно рассматривает освоение наследия великого писателя как способ борьбы против модных теорий разложения романа.

В статье содержится интересное сравнение психологического мастерства Толстого с модернистским психологизмом. Запутанности последнего противопоставляется ясность и психологическая глубина творчества Толстого. «У Толстого трепещущая капля отражает солнце. Капля современных романистов темна и непроницаема».

Художественный опыт Толстого не устарел, а вполне соответствует развитию современного романа, задачи которого заключаются во всестороннем и глубоком постижении жизни, — делает вывод Жечев.

Таковы работы о Толстом, выпшедшие в Болгарии в юбилейные дни 1960 г.

ВЕНГРИЯ

18 ноября 1960 г. в большом актовом зале Будапештского университета имени Л. Этвёша состоялся торжественный вечер, посвященный пятидесятилетию со дня смерти Толстого. Он был организован Союзом венгерских писателей, Венгерским комитетом борьбы за мир и Обществом венгеро-советской дружбы. Вечер этот привлек к себе внимание всей венгерской общественности.

С докладом выступил известный венгерский писатель и переводчик Л. Немет. Он с глубоким пониманием и большой любовью осветил творческий путь Толстого, особенно подчеркнув реализм и жизненность произведений писателя и постоянные поиски его в области социологии и морали.

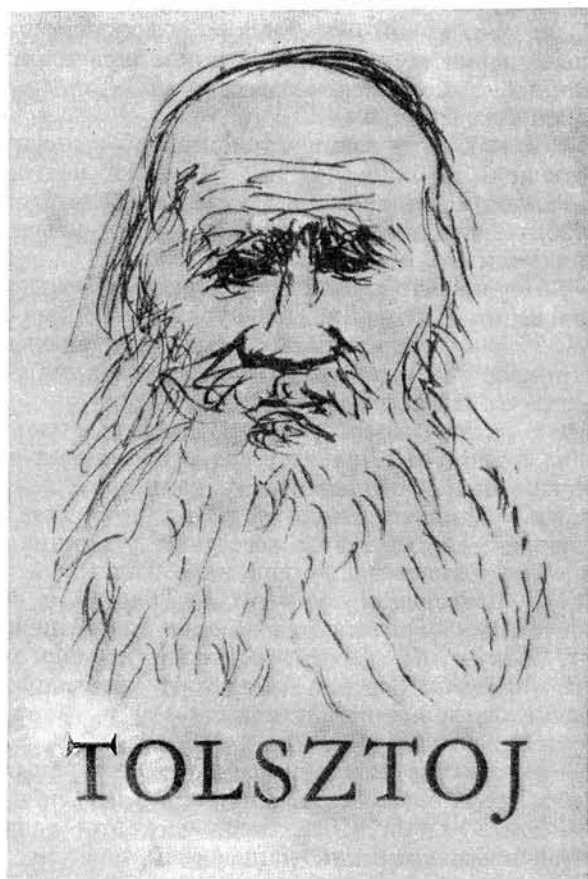
Вечер закончился концертом, во время которого выступили лучшие артисты будапештских театров, исполнившие отрывки из произведений Толстого. В залах университета была устроена выставка, иллюстрировавшая этапы жизненного и творческого пути писателя-реалиста. Особый интерес вызывали витрины и стенды, на которых экспонировались основные издания произведений Толстого на венгерском языке.

В тот же день, 18 ноября, вышел в свет юбилейный номер еженедельной газеты Союза венгерских писателей «Élet és Irodalom». В нем был полностью напечатан упомянутый выше доклад Немета.

Передовая статья юбилейного номера «Élet és Irodalom», озаглавленная «Наследство», принадлежала перу крупного литературоведа, члена-корреспондента Венгерской Академии наук (теперь академика, ректора Будапештского университета) И. Шётера. В этой статье, методологической основой которой явились знаменитые статьи В. И. Ленина о Толстом, Шётер рельефно охарактеризовал творческий путь русского писателя. Реализм Толстого был рассмотрен им на фоне достижений мировой классической литературы.

Капитализм, как указывал Шётер, является одним из основных элементов, составляющих фон в романах Толстого; однако Толстой изображал прежде всего последствия формирования этого уклада, а не подробности его зарождения. Герои прозы Толстого — помещики и крестьяне — не хотят признавать, что капитализм в России уже появился. Мужики Толстого являются носителями навязчивой идеи автора, ибо учение Толстого представляет собой лишь навязчивую идею, — но все то, что изображается им *вопреки* его учению об эпохе, о детищах этой эпохи, — составляет высшую правду. Толстой был прав в своих поисках, но теория, которой он руководствовался, была глубоко ошибочна. В своих сложных поисках Толстой не поддавался чувству тщеславия и высокомерия. Он никогда не

СБОРНИК «ПАМЯТИ
ТОЛСТОГО». ИЗДАН В ВЕНГРИИ
К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
СО ДНЯ СМЕРТИ ПИСАТЕЛЯ
(БУДАПЕШТ, 1962)
Суперобложка

выбирал легкого пути, вот почему в нем писатель возвышается над пророком.

В заключительной части статьи автор указал, что современные писатели должны учиться у Толстого. Социалистический реализм, показывающий новое общество и содействующий формированию этого общества, мог бы шире и богаче изобразить эту действительность, если б более щедро пользовался наследием Толстого, и это несколько не означало бы подражания великому классику.

В этом же богато иллюстрированном номере газеты «Élet és Irodalom» напечатаны высказывания писателей, критиков и переводчиков о Толстом. Особенно выделяется статья замечательной переводчицы произведений Толстого Клары Селлэши о работе над его сочинениями.

Во время толстовской годовщины в венгерской прессе были напечатаны многочисленные материалы о великом русском реалисте. Отметим среди них статьи Д. Тома «Толстой и революция» в декабрьском номере еженедельного литературного журнала «Kortárs»; Э. Тёрека в ноябрьском номере ежемесячного журнала «Nagyvilág» и З. Хёра «Лев Толстой». Среди статей о Толстом, напечатанных в газете «Népszabadság», обращают на себя внимание воспоминания М. Корода о чтении в тюрьме венгерскими политическими заключенными летом 1944 г. «Войны и мира».

Толстовская годовщина еще более усилила интерес венгерской общественности к русскому писателю. Издательство «Magyar Helikon»

приступило к подготовке десяти томного юбилейного издания сочинений Толстого, в которое войдут все художественные произведения, избранные письма, часть публицистики и дневников. Руководителем редакционной коллегии является профессор *Л. Кардош*, член-корреспондент Венгерской Академии наук.

В 1960 г., в связи с толстовской годовщиной, будапештская Государственная библиотека им. Э. Сабо подготовила объемистый сборник «Tolsztoј Emlékkönyv» («Памяти Толстого»), который вышел в свет в 1962 г. и явился крупным событием в венгерской литературной жизни (составитель сборника *А. Тобиаш*).

Первая часть книги освещает в разных аспектах судьбу толстовского наследия в Венгрии. Под рубрикой «Война и мир» помещены статьи поэта *Д. Ревизского* и эссеиста *Е. Петерфи*, описывающие восторженный прием, который оказала венгерская читающая публика первому переводу «Войны и мира» на венгерский язык (1886).

В разделе «Венгерские посетители Толстого» перепечатаны воспоминания юриста *И. Вальдхаузера* о посещении им Ясной Поляны (1902 г.), а также подробные отчеты журналистов *Г. Серени* и *А. Пастора*, побывавших в яснополянской усадьбе в последние годы жизни писателя. Далее приводятся сведения о сегедском художнике-толстовце *Л. Каройи*, а также его личные воспоминания о Толстом.

В следующем разделе — «Толстой и современные ему венгерские писатели» — печатаются статьи известнейших литературных деятелей *Э. Ади* и *Ш. Броди*, а также посвященное Толстому стихотворение *Г. Гардоньи*. Все эти материалы свидетельствуют о восторженном отношении современников к личности и творчеству великого русского писателя.

В разделе «Смерть Толстого» собраны некрологи, принадлежащие перу *А. Шёнфлина*, *А. Карпати*, *Д. Сини* и появившиеся в венгерской печати в конце 1910 г. Заключает этот раздел статья *З. Амбруша* «Толстой и его критики», написанная через несколько месяцев после смерти Толстого. Амбруш с осуждением отнесся к поверхностным высказываниям о Толстом, наводнившим мировую печать после смерти великого писателя.

В 1928 г. венгерская литературная общественность отметила столетие со дня рождения Толстого. Следующий раздел книги — «Столетний юбилей» — систематизирует появившиеся по случаю этой даты материалы.

«Влияние Толстого» — так озаглавлен раздел, в котором напечатаны статьи *Д. Балинта* (1935) и *Г. Халаса* (1941). Обе статьи свидетельствуют о том, что интерес к творчеству Толстого в Венгрии в период перед второй мировой войной продолжал оставаться очень большим.

Заключительный раздел первой части называется «Современный портрет Толстого». В нем напечатаны статьи *Д. Лукача* «Толстой и западная литература» (1944), *Л. Немета* «Как я учился у Толстого» (1956), *И. Шётера* «Наследие Толстого» (1960), *Э. Тёрека* «О Толстом» (1960). По мнению *Д. Лукача*, глубокое проникновение в сущность творчества Толстого способствует сохранению, углублению и обновлению демократических традиций национальных литератур. В этом смысле творчество Толстого является драгоценной частью литературного наследия всех свободолюбивых народов. Крупнейший венгерский прозаик, переводчик «Анны Карениной» и автобиографической трилогии Толстого *Л. Немет* (см. его выступление в кн. 1-й настоящ. тома) поделился своими наблюдениями над художественным методом писателя. Величайшей заслугой Толстого является его умение полно охватить действительность. В этом, по мнению *И. Шётера*, состоит урок, данный Толстым современной лите-

ратуре. Э. Тёрек указывает, что основной пафос толстовского творчества заключается в страстных поисках высокой морали и социальной справедливости.

История второй части книги, носящей заглавие «Живой Толстой», такова. В 1960 г. в связи с подготовкой к юбилею Толстого библиотека им. Сабо обратилась к ряду виднейших венгерских и иностранных писателей со следующей анкетой:

«1. Какое влияние оказало творчество Толстого или его отдельные произведения на формирование вашего мировоззрения и на вас как писателя?»

2. Есть ли среди произведений Толстого такие, которые вы особенно цените и часто перечитываете?»

Вторая часть книги открывается откликами на эту анкету венгерских писателей — представителей разных поколений и различных литературных жанров. Среди них такие старейшие деятели венгерской культуры, как Л. Барта, М. Бенедек, А. Бернат, А. Дутка, А. Карпати, Л. Кашишак, И. Фодор, М. Фюшт, Л. Хатваньи и др.

Особую группу составляют литераторы старшего и среднего поколений: Т. Барабаш, Т. Барань, Л. Бока, И. Ваш, П. Вереш, Д. Ийеш, Э. Иллеш, Г. Кепеш, Л. Мештерхази, Л. Немет, Т. Соботка, Э. Фейеш, Г. Хегедюш, И. Шимон, Ф. Янкович и др.

Большинство присланных откликов выходит за рамки обычных ответов на вопросы и свидетельствует о глубоком уважении и любви венгерских писателей к Толстому.

Представители старшего поколения М. Бенедек и А. Дьердьяи вспоминают о том, какая скорбь охватила Венгрию при известии о смерти Толстого, о восторженном приеме, оказанном «Войне и миру», и т. п.

Почти все венгерские писатели рассказывают о своем первом знакомстве с творчеством Толстого (см., например, высказывания Л. Бока, Г. Хегедюша, Т. Череша). Некоторые отмечают, как труден был для них переход к Толстому после продолжительного увлечения Достоевским (Г. Турзо). — М. Бенедек, А. Беркеши, Сефи Богунцики, Л. Фюлеп и другие заявляют, что произведения Толстого сразу и безоговорочно захватили их.

Все писатели без исключения признают величие Толстого-художника; некоторые подчеркивают при этом свое отрицательное отношение к философии толстовства (А. Бернат, Л. Кашишак, Л. Фюлеп, Л. Мештерхази и др.).

Большинство приславших ответы считают влияние Толстого на их творчество несомненным фактом. Активное воздействие Толстого на духовное становление и формирование их эстетических взглядов отмечают Т. Барань, А. Беркеши, Э. Иллеш, З. Фаркаш, М. Фюшт и многие другие. Некоторые, например, И. Шаркади, подвергают сомнению возможность влияния одного писателя на другого. По мнению Вираг Мориц, в формировании критического реализма главная роль принадлежит не Толстому, а Достоевскому.

Подавляющее большинство венгерских писателей, отвечая на второй вопрос анкеты, назвало самым любимым своим произведением «Войну и мир» (Л. Барта, Д. Дьёри, М. Дьярфаш, Д. Ийеш, А. Карпати, Магда Сабо и др.). Другие (Л. Фюлеп, М. Месёй, П. Патцай, Ж. Ременик, М. А. Ронаи, Юдит Сираки, Ж. Тури, Ш. Шаиди) на первое место ставят «Смерть Ивана Ильича». Ряд писателей оказывает предпочтение «Анне Карениной» (Л. Кашишак, Ш. Ридег, П. Сабо) и «Воскресению» (Л. Мештерхази, Л. Пашиут, Ф. Янкович). Восхищаясь реализмом Толстого, многие писатели отмечают, что для них персонажи его произведений не просто литературные герои, а друзья, сопровождающие их в течение всей жизни (Сефи Богунцики, Роза Игнац, Магда Сабо и др.);

Л. Кашишак, например, пишет: «Толстой в „Войне и мире“ и „Анне Карениной“ раскрыл передо мной мир с такой убедительностью, что я смог вступить в этот мир и жить рядом с героями, созданными Толстым, — Кутузовым, Наташей, князем Андреем, Карениным, графом Вронским, с их солдатами, крестьянами, дворовыми, в обстановке их жилищ, словом, я поверил, что они живы и что я нахожусь среди них».

Гуманизм Толстого подчеркнули в своих ответах *М. Бенедек*, *М. Боршош*, *Э. Коложвари*, *Л. Фюлеп*, *Ф. Янкович* и др.

Главным содержанием творчества Толстого многие венгерские писатели считают его страстное стремление к правде и справедливости. *Л. Мештергази* пишет: «Поиски правды обладают потрясающей силой и способны порождать шедевры». У Толстого следует учиться оптимизму, вере в людей (*Э. Фейеш*), наблюдательности, изображению тончайших движений человеческой души, предельной искренности (*А. Беркеши*).

Роль Толстого в истории мировой литературы, по мнению *Г. Фейя*, заключается в том, что в его писательской практике роман демократизировался и стал выражать интересы русского народа.

О значении Толстого *Ф. Янкович* высказался следующим образом: «Нет писателя, в котором так органично сливались бы беспокойный искатель, общественный реформатор и художник».

Неувядаемую силу искусства Толстого отметили *М. Бенедек*, *Л. Бока* и др.

В следующем разделе книги публикуются ответы свыше ста иностранных писателей из двадцати девяти стран мира.

Приводим полный перечень иностранных участников анкеты в том порядке, в каком они представлены в альманахе: *А. Швейцер*; *М. Джаджу* (Албания); *К. Ясин* (Алжир); *Перл Бак*, *Э. Колдуэлл*, *Дж. Дос Пассос*, *У. Дюбуа*, *Л. Фейнберг*, *А. Мальц*, *К. Одетс*, *У. Сароян*, *Э. Синклер* (США); *Ф. Т. Чокор*, *Х. Додерер*, *О. М. Фонтана* (Австрия); *Ф. Жермонпре*, *Ж. Сименон* (Бельгия); *И. Бедрегаль* (Боливия); *В. А. Коскениеми* (Финляндия); *А. Адамов*, *Ж. Ануй*, *М. Эме*, *П. Буль*, *А. Шансон*, *Ж. Кокто*, *М. Дрюон*, *Маргерит Дюра*, *Мари Жанна Дюрри*, *П. Гамарра*, *Р. Гари*, *Ж. Жионо*, *Нина Гурфинкель*, *Э. Ионеско*, *М. Жуандо*, *Ж. Кессель*, *А. Лану*, *Ф. Марсо*, *Ф. Мориак*, *А. Моруа*, *А. Монтерлан*, *Б. Парен*, *В. Познер*, *А. Роб-Грийе*, *Ж. Ромен*, *К. Руа*, *Ж. Руссело*, *Р. Сабатье*, *Натали Саррот*, *Б. Шлецер*, *Ж. Шлюмберже* (Франция); *Ж. Афанасиадис-Новас*, *К. Варналис* (Греция); *Т. Де Фрис* (Нидерланды); *М. Р. Ананд*, *Б. Чатурведи* (Индия); *Ш. О'Кейси* (Ирландия); *К. Гюдмюссон*, *Г. Гуннарсон* (Исландия); *Ш. Фуказав*, *Х. Нома*, *Т. Теру* (Япония); *Го Мо-жо* (Китай); *Я. Ивашкевич*, *Л. Кручковский* (Польша); *Ринчин* (Монголия); *Р. Олдингтон*, *Г. Бейтс*, *Л. Даррел*, *Р. Грейвз*, *Р. Хьюз*, *О. Хаксли*, *К. Мэкензи*, *У. С. Моэм*, *Б. Рассел*, *Ч. А. Сноу*, *С. Спендер* (Англия); *Б. Апитц*, *С. Хермлин*, *Л. Ренн*, *Анна Зегерс*, *А. Цвейг* (ГДР); *Л. Франк*, *В. Хайзенберг*, *В. Кёппен*, *Э. Пискатор* (ФРГ); *Дж. Б. Анджолектти*, *Ф. Антониелли*, *Э. Ло Гатто*, *А. Лекко*, *А. Моравиа*, *С. Квазимодо*, *И. Силоне* (Италия); *С. Али Асан* (Пакистан); *Феррейра Де Кастро* (Португалия); *К. Х. Села*, *Кармен Лафорет* (Испания); *Г. Хессе* (Швейцария); *В. Мoberг* (Швеция). Некоторые высказывания этих писателей перепечатываются в первой книге настоящего тома — *А. Моруа*, *А. Мальца*, *К. Варналиса*, *Т. Де Фриса*, *Л. Франка*, *Ф. Де Кастро*.

Наряду с ответами, полученными непосредственно библиотекой им. Э. Сабо, в альманахе в ряде случаев перепечатаны без необходимых оговорок статьи и высказывания отдельных русских и иностранных писателей, появившиеся в советской прессе.

Большая часть зарубежных писателей отмечает значительное влияние, оказанное Толстым на формирование их эстетических взглядов — *Д. Анд-*

жолетти, К. Варналис, П. Гамарра, Р. Гари, Ж. Кессель, Э. Колдуэлл, Ф. Мориак, У. Сароян, Э. Синклер, Т. Де Фрис, Б. Чатурведи и др. П. Гамарра, например, относит Толстого к числу своих любимейших авторов, утверждая, что влияние Толстого на его творчество было глубоким и длительным. Э. Колдуэлл подчеркнул, что на него огромное впечатление произвело мастерство, с которым Толстой строит сюжет своих романов.

Интересны свидетельства писателей, непосредственно применявших в своем творчестве толстовские художественные приемы. Ф. Т. Чокор, по его собственному признанию, использовал композицию «Войны и мира» в своем романе «Ключ к бездне». Изображение войны в «Севастопольских рассказах», по свидетельству Р. Грейвза, явилось для него образцом при создании романа о первой мировой войне — «Прощание со всем». А. Монтерлан написал роман «Песчаная роза» под влиянием «Воскресения». Р. Хьюз, работающий над циклом исторических романов о нашей эпохе, первая часть которого посвящена событиям второй мировой войны, ежегодно перечитывает «Войну и мир», чтобы освежить в памяти приемы, применявшиеся Толстым, хотя, по его словам, он не пытается подражать Толстому. О сильном влиянии личности Толстого говорят в своих ответах У. Сароян, Р. Сабатье. Последний особенно ценит в Толстом последовательное проведение своих идей в жизнь.

Отдельные писатели отмечают влияние, оказанное на них философскими взглядами Толстого. Р. Хьюз признается, что философия Толстого, как и его этика, еще в юности захватила его. Л. Даррел подчеркивает свое глубокое уважение к Толстому-мыслителю. М. Радж Ананд отмечает, что он присоединился к антианглийскому движению, возглавлявшемуся Ганди, под влиянием идей Толстого. Критически относятся к философии Толстого В. Познер, П. Гамарра и др. Однако в его философии, независимо от ее конечных выводов, — заявляет С. Али Асан, — надо ценить вечные поиски справедливости и смысла жизни.

Другая группа писателей отрицает влияние Толстого на свое творчество — К. Одетс, А. Адамов, М. Жуандо, А. Роб-Грийе, Ж. Руссело. О. Хакли подчеркивает, что, при всем своем восхищении Толстым, он не пробовал подражать ему, понимая, насколько велика разница в их талантах. А. В. Коскенниemi полагает, что Толстой как прозаик влияния на него, поэта, оказать не мог. Затрудняются ответить на первый вопрос анкеты Ж. Ромен, М. Эме, Р. Олдингтон. Ф. Марсо вообще выражает сомнение в том, что один писатель может оказать влияние на другого. Ж. Ануй находит слишком трудным анализ собственного творчества.

Многие писатели, отрицая целиком толстовское влияние, вместе с тем признают, что на них сильное воздействие оказали другие русские писатели-классики. А. Мальц в числе своих предшественников называет Чехова, А. Адамов — Гоголя. Многие отмечают огромное влияние Достоевского (Натали Саррот, Маргерит Дюра, Э. Ионеско, Ф. Марсо, Ж. Руссело и др.). Ж. Кокто, упоминая имя Достоевского, замечает, впрочем, что «мудрое безумие» Толстого и Достоевского «встречаются».

Отвечая на второй вопрос анкеты, около трети всех иностранных писателей назвали своим любимым произведением «Войну и мир». Далее произведения Толстого называются в следующей убывающей градации: «Смерть Ивана Ильича», «Анна Каренина», «Детство», «Отрочество» и «Юность», «Крейцерова соната». Единичные писатели называют и другие крупные и мелкие сочинения.

Оценивая влияние Л. Толстого, многие пишут о гуманизме писателя — П. Гамарра, В. Парен, Л. Франк, А. Шансон. Писатели отмечают также полноту охвата действительности, лиризм, простоту толстовских произведений. О том, что Толстой является вечным примером требовательности к себе, говорят П. Гамарра, А. Лекко. На глубокую современность

произведений Л. Толстого указывают *Л. Кручковский, Дж. Дос Пассос, Л. Фейнберг*.

Альманах содержит также подробную библиографию всех венгерских изданий произведений Толстого с 1878 по 1960 г., хронологию постановок пьес и инсценировок его произведений, перечень фильмов, созданных во всем мире, с указанием страны, режиссера и даты выхода на экран. Отдельная статья посвящена сравнению различных венгерских переводов «Войны и мира».

Альманах богат иллюстрирован. В числе иллюстраций фотографии Л. Н. Толстого, относящиеся, в основном, к последним годам его жизни (эти фотографии были предоставлены библиотеке московским Музеем Толстого), факсимильное воспроизведение различных документов, в частности титульных листов прижизненных изданий произведений писателя на венгерском языке, его письма к венгерским толстовцам, титульный лист сокращенного подпольного издания «Войны и мира» 1942 г. и др. Обращает на себя внимание портрет Толстого работы Б. Кондора и иллюстрации того же художника к юбилейному изданию «Смерти Ивана Ильича» (1960), а также акварели Т. Чернуша к «Анне Карениной».

В приложениях к альманаху даются фрагменты выставки «Живой Толстой», открывшейся в 1960 г. в библиотеке имени Э. Сабо (на ней экспонировались ответы на анкету), а также текст речи *М. Сабольчи* на открытии этой выставки.

ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Широко проводилось чествование памяти Толстого в Германской Демократической Республике. Здесь был организован специальный Толстовский комитет, в который вошли *Анна Зегерс, А. Курелла и А. Абуш*.

20 ноября 1960 г. Толстовский комитет совместно с берлинским Немецким театром устроил торжественный утренник, посвященный памяти Толстого. На утреннике были прочитаны отрывки из романов писателя и его статей в защиту мира. В чествовании памяти Толстого приняли участие многочисленные представители культурной жизни демократического Берлина во главе с заместителем министра культуры и государственным секретарем *Э. Вендтом*.

В статьях немецких писателей и критиков с особенной силой подчеркивалось значение Толстого как поборника мира и братства народов.

В отличие от многих буржуазных литературоведов, писатели и критики Германской Демократической Республики не связывали антимилитаризм Толстого только с его философией непротивления злу насилием, а видели в нем выражение гуманизма.

Особенно ярко эта мысль была выражена в статье *Анны Зегерс* (1953): «Толстой говорил языком борцов за мир не потому, что он был пацифистом и толстовцем, а потому, что был классическим реалистом<...> Он показал, что такое подлинный гуманизм и что достойно любви<...> Это он показал на русских людях. Но так проникновенно, ясно и увлекательно, что общечеловеческое переходит барьеры национальности, и поэтому сегодня белые, и желтые, и черные люди — все празднуют день памяти великого русского писателя» («Sonntag», 20.XI 1960).

Та же тема была поднята *Христианой Штульц*, которая в статье «Зеркало революции» отмечала, что Толстой не только ненавидел войну, но шел к правильному ее объяснению. «Отыскивая причины возникновения войны, Толстой стал понимать, что она является порождением эксплуататорского общества<...> Он ненавидел тех крепостников, для которых народ был всего лишь ставкой в их циничных расчетах».

ДОМ В КИССИНГЕНЕ, ГДЕ
В КВАРТИРЕ КАМЕНЩИКА
ФУССА ТОЛСТОЙ ЖИЛ
В АВГУСТЕ 1860 г.

Угол Максштрассе и Променаденштрассе

Фотография, 1960-е годы

Предоставлена «Литературному
наследству» Экбертом Пехштедом
(Эрфурт, ГДР)

Интересно сообщение Штульц о том, что «роман „Война и мир“ захватил немецких читателей в годы второй мировой войны и продолжает увлекать в настоящее время <...> Роман „Война и мир“ увлекал читателей в 1941 г. не только историческими аналогиями, но также и подтвержденной историей истиной, которую Толстой понял и высказал много десятилетий назад, — что поражение всякого агрессора закономерно, если на него будет „наложена рука сильнеею духом противника“» («Neues Deutschland. Kunst und Literatur», 1960, № 47, 19.XI).

Чествуя память Толстого, литературоведы Германской Демократической Республики писали о значении многих его идейно-эстетических заветов для развития литературы социалистического реализма. «Толстой учит нас тому, что подлинное большое искусство может родиться только из единения с народом <...> Связь с народом и общедоступность — так, как это понимал Толстой, — важнейшие стороны и нашей культурной революции», — писал критик А. Чонгар («Berliner Zeitung», 20. XI 1960).

Литературоведы Германской Демократической Республики проявляют глубокий интерес к статьям В. И. Ленина о Толстом, стремятся рассматривать творчество писателя в свете ленинской методологии. Об этом свидетельствует интересный сборник «Лев Толстой. Статьи и очерки» («Leo Tolstoi. Aufsätze und Essay». Halle, 1960). В сборник вошли две статьи Надежды Людвиг «Мысли о Толстом» и «Война и мир», работа Христианы Штульц «Размышления об „Анне Карениной“» и две статьи В. Пипера «Живой труп» и «Власть тьмы».

Во вступительной статье Людвиг Толстой справедливо рассматривается как «продолжатель важнейших традиций русской реалистической литературы, которая всегда была сильна реалистическим отражением жизни народа, показом его нужды, эксплуатации и порабощения и в то же время признанием его больших творческих сил и моральной высокости».

Штульц характеризует «Анну Каренину» как произведение мощного социального звучания, в котором поставлены многие большие общественные проблемы. По ее мнению, для самого Толстого не вставал вопрос, к какому жанру — семейному или социальному — следует отнести его

роман. «Глубоко решая проблемы семьи, — пишет критик, — он неизбежно создавал роман социальный<...> „Анна Каренина“ имеет такое же значение для истории русской литературы, как „Новая Элоиза“ Руссо и „Страдания молодого Вертера“ Гете для французской и немецкой литератур<...> Так же, как Руссо и Гете, Толстой показал трагический конфликт между личностью и обществом».

В. Пинер подчеркивает новаторство Толстого-драматурга в изображении народа, «блестящее знание писателем психологии и языка крестьян». Он сопоставляет также «Живой труп» Толстого с пьесами западноевропейских драматургов — А. Стриндберга и Г. Гауптмана: «В отличие от А. Стриндберга, который в „Пляске смерти“ обнажает извечную борьбу между поколениями, в отличие от Г. Гауптмана в „Одиноких людях“, Толстой обнаружил общественные причины разрыва между Федей Протасовым и его женой. Личный конфликт трех человек приводит к обвинению враждебного людям деспотического государства и морально разложившегося общества».

Не со всеми положениями критика можно согласиться. Так, его утверждение, будто действие во «Власти тьмы» тяготеет к эпическому, основано лишь на том, что «изменения, происходящие в характере Никиты, длительны». Довод этот малоубедителен и совершенно недостаточен для того, чтобы говорить об «эпичности» пьесы Толстого.

Завершается сборник статьей *Х. Штульц* «Толстой в оценке современной немецкой критики».

В 1960 г. в издательстве «VEB Verlag „Sprache und Literatur“» (Halle) вышел очерк творчества Толстого Надежды *Людвиг* (Nadeschda L u d w i g. Leo Tolstoi). В этой книге анализируются основные художественные произведения писателя, а также рассматривается история их создания. Людвиг уделяет большое внимание проблеме народности творчества Толстого, рассматривая в связи с ней другие особенности творческого метода писателя. «Жизнерадостная и жизнеутверждающая атмосфера романа „Война и мир“ имеет свои глубокие источники в неколебимо твердой вере Толстого в силу и величие своего народа, героическое поведение которого в годы решающей борьбы за освобождение он описал» (S. 61).

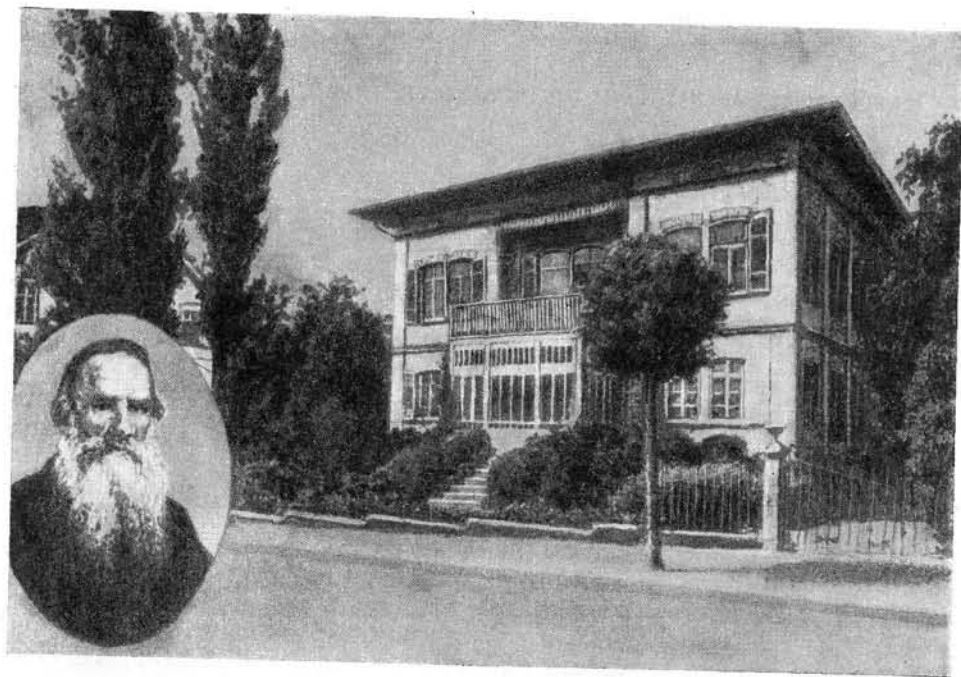
Значительный интерес представляет раздел очерка, посвященный драматургии Толстого. В заключение приводятся интересные сведения о борьбе прогрессивных театров кайзеровской Германии за постановку пьес Толстого.

Творческое наследие Толстого изучают в Германской Демократической Республике не только ученые-литературоведы, но и теоретики-педагоги.

В 1959 г. вышла монография *В. Киница* «Толстой как педагог» (Werner K i n i t z. Leo Tolstoi als Pädagoge. Berlin), представленная в качестве диссертации на педагогическом факультете Университета им. Мартина Лютера (Галле — Виттенберг).

Автор ставил перед собой задачу исследовать теоретические взгляды и практическую деятельность Толстого-педагога с позиций марксизма-ленинизма. Характеристику педагогической деятельности Толстого Киниц дает на широком социально-историческом фоне, рассматривая в первых двух главах общественные отношения и состояние народного образования России в XIX в.

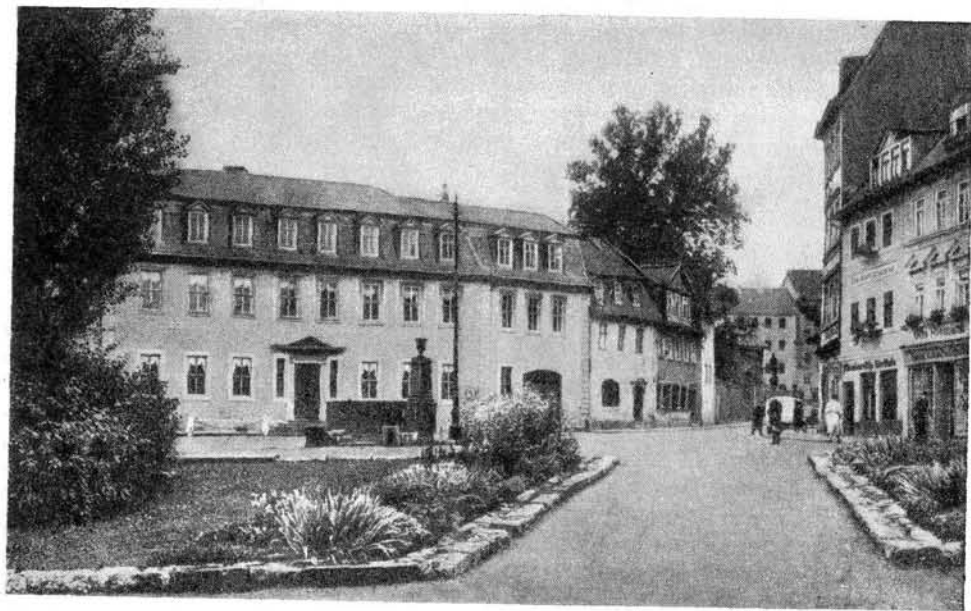
Третья глава посвящена характеристике педагогических взглядов Толстого. Автор справедливо отмечает многие положительные стороны педагогической деятельности писателя: его борьбу за новое воспитание, соответствующее потребностям и интересам народа, страстный протест против политики правящих классов в области образования (S. 53).

ПАНСИОН «ВИЛЛА КЕЛЛЕР» ВЗОДЕНЕ, ГДЕ ТОЛСТОЙ ЖИЛ В АВГУСТЕ 1860 г.
Кенигштейнерштрассе, 49. Позднее пансион был переименован в «Дом Толстого»; на доме прибита мемориальная доска

Фотография, 1920-е годы

Предоставлена «Литературному наследству» Экбертом Пехштедтом
(Эрфурт, ГДР)

ДОМ ГЕТЕ В ВЕЙМАРЕ. ТОЛСТОЙ ПОСЕТИЛ ЕГО 14 АПРЕЛЯ 1861 г.

Почтовая открытка

Предоставлена «Литературному наследству» Экбертом Пехштедтом (Эрфурт, ГДР)

Наибольшую заслугу Толстого-педагога Киниц видит в его литературно-педагогической деятельности — создании «Азбуки» и «Книг для чтения».

Некоторые положения монографии вызывают возражения. Так, Киниц необоснованно отвергает теорию «свободного образования» Толстого, утверждая, будто она сводилась к отрицанию дисциплины и значения учителя-воспитателя в учебном процессе. Нельзя согласиться и с данной в книге характеристикой эволюции педагогических взглядов Толстого, с утверждением, будто Толстой-педагог после идейного перелома конца 1870—1880-х годов утратил свой демократизм и «почти перестал отличаться от других религиозных учителей» (S. 143).

Отмечая недостатки и противоречия исследования Киница, нельзя не считать с тем, что это первая монография о Толстом-педагоге, вышедшая в Германской Демократической Республике.

Пятидесятилетняя годовщина смерти Толстого вновь привлекла внимание немецкой критики к причинам его ухода из дома.

В. Дювель в статье «Лев Толстой. Уход и смерть» («Forum», 1960, № 51-52, 15.XI) подверг критике односторонне-тенденциозные объяснения ухода Толстого, бытующие в буржуазном литературоведении.

В статье Г. Цейдрера «Толстой для нас» («Weltbühne», 1960, № 46, XI) приводятся сведения об издании и распространении произведений Толстого в Германской Демократической Республике и, в частности, о наиболее полном, вышедшем под редакцией В. Херцфельде собрании сочинений Толстого (Berlin, 1954—1961).

В заключение укажем, что «Народный театр» в Ростке подготовил к годовщине спектакль «Живой труп». В рецензиях отмечались успех и новизна трактовки образа Федя Протасова артистом Л. Цюгнером. На немецкой сцене Федя Протасов изображался обычно характером неполноценным. Протасов Цюгнера — человек, здоровый от природы, который надломился, столкнувшись с общественной несправедливостью, — писал директор Института славяноведения при Ростокском университете Х. Рааб («Ostsee Zeitung», 30.XI 1960).

Чествование памяти Толстого наглядно показало живой интерес к Толстому не только среди литературоведов и критиков, но и в широких слоях населения Германской Демократической Республики.

ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН

Пятидесятилетняя годовщина со дня смерти Толстого была отмечена торжественным заседанием, состоявшимся 15 ноября 1960 г. в театре им. Шиллера на территории Западного Берлина.

Чествование это носило, по свидетельству западноберлинской прессы, односторонне-тенденциозный характер.

«В центре внимания, — писала газета «Tagesspiegel Berlin» (29.XI 1960), — находился не Толстой-писатель, а Толстой — религиозный проповедник. Доктор Г. Фогель сделал доклад, посвященный религиозным взглядам писателя. Вслед за тем были прочитаны отрывки из произведений Толстого на религиозные темы».

Ознаменованная таким образом годовщина Толстого вызвала протест даже в буржуазной критике. «Что осталось живым от Толстого? — писал автор анонимной заметки в газете «Telegraph Berlin» (29.XI 1960). — Творчество, в большей степени, чем жизнь и учение. Это несомненно, хотя на торжественном утреннике в театре им. Шиллера было предоставлено слово Толстому-теологу».

ГОСТИНИЦА «HOTEL ZUM ERBPRINZ», В КОТОРОЙ ТОЛСТОЙ ОСТАНАВЛИВАЛСЯ
ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ В ВЕЙМАРЕ 11—17 АПРЕЛЯ 1861 г.

Фотография, 1920-е годы

Предоставлена «Литературному наслeдству» Экбертом Пехштедтом (Эрфурт, ГДР)

ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ

Та же официальная тенденция — чествовать память Толстого-верочителя — сказалась в многочисленных статьях о Толстом, опубликованных в Федеративной Республике Германии осенью 1960 г. «Вера важнее любви», «Христос и мир», «Поиски „царства божия“» — вот характерные названия некоторых из этих статей.

«Толстой велик тем, что открыл для потрясенных широких кругов Наторную проповедь и дал возможность воссиять позабытой стороне христианства», — писал *Г. Гартман* в газете «Nürnberg Nachrichten», изображая Толстого в виде нового пророка, религиозное учение которого «воспринятое Ганди, принесло<...> освобождение индусам» (19.XI).

Как «апостола раннего христианства» рассматривает Толстого критик газеты «Welt» (19.XI).

Монография *Ф. Г. Филиппа* «Толстой и протестантизм» вышла еще в 1959 г. (Franz Heinrich Philipp. Tolstoi und der Protestantismus. Giessen). Она посвящена все той же теме религиозных исканий писателя. Книга эта, однако, существенным образом отличается от распространенных в буржуазном литературоведении работ о Толстом как проповеднике смирения и непротivления злу насилеи.

В противоположность *Н. Вейсбейну* (см. стр. 526—527 настоящ. книги), Филипп настойчиво выделяет протест и отрицание официальной религии как существенные стороны религиозных взглядов Толстого. Рассматривая отношение Толстого в 1850—1870-х годах к разным представителям западноевропейского протестантизма, автор справедливо утверждает, что их работы привлекали Толстого своей критикой религии и церкви. Он указывает, например: «Лютер оказал влияние на молодого Толстого своим решительным отходом от Священного писания и протестом против институтов и догм римской церкви» (S. 27).

Теми же причинами объясняет Филипп интерес Толстого ко многим известным писателям Запада — Диккенсу и Гюго, Бичер-Стоу и Джордж Элиот.

Во второй главе монографии рассматривается «отношение Толстого в последние тридцать лет жизни к протестантизму и его разновидностям». Автор подчеркивает возросшую ненависть Толстого к официальной религии и церкви, его решительный разрыв с ней.

В конце монографии Филипп делает важный вывод о несостоятельности взгляда на Толстого как выразителя «восточного мира, чуждого миру Запада» (S. 116). Автор книги указывает на глубокие идейные связи, соединявшие Толстого-мыслителя с прогрессивной философской мыслью Европы и Америки.

В противовес официальному чествованию Толстого как религиозного проповедника отдельные критики Западной Германии отметили в своих статьях значение и актуальность Толстого-реалиста.

«Великий писатель, который наряду с Э. Золя и Г. Ибсеном способствовал совершению так называемого „натуралистического переворота в немецкой литературе в 1880-х годах“, — гораздо более актуален для нас, чем Толстой-евангелист, легенды о котором доходят до нас из далекого прошлого», — писал анонимный автор в «Frankfurter Rundschau» (18.XI 1960).

Критик *И. Л. Дёдерлайн* в статье «Художник, проповедник, моралист» подчеркнул мировое значение художественного творчества Толстого и обратил внимание на актуальность эстетических заветов великого русского писателя, видевшего в литературе могучее средство единения людей и борьбы за правду («Deutsche Woche», 23.XI 1960).

Большой интерес представляет статья Гертруды Шверцлер «Чем они дорожат в Толстом» в «Panorama», 1961, № 1.

В обращении к творчеству Толстого Шверцлер (как и многие писатели других стран) усматривает источник обновления современной литературы. Вспоминая о благотворном влиянии Толстого на немецкую литературу конца XIX в., она утверждает, что те из наших современников, которые сумели бы правильно прочесть Толстого, «возможно нашли бы путь к выходу из длительного и гораздо более страшного, чем прежний, кризиса, в котором находится ныне западная литература».

Западногерманский ученый Э. Ведель в предисловии к монографии «История создания „Войны и мира“ Л. Н. Толстого» («Die Entstehungsgeschichte von L. N. Tolstois „Krieg und Frieden“ von Erwin Wedel. Wiesbaden, 1961) пишет:

«В наши дни, т. е. примерно через девяносто лет после создания „Войны и мира“, ни в узком кругу специалистов-литературоведов, ни в широком кругу подготовленных читателей не может возникнуть сомнения в том, что роман этот принадлежит к самым значительным произведениям подобного жанра во всей мировой литературе<...> Ввиду этого вопрос о создании „Войны и мира“ должен считаться особенно важной проблемой в литературоведении» (S. V).

Книга Веделя состоит из двух частей. В первой из них автор прослеживает «внешнюю историю» возникновения «Войны и мира», во второй — стремится осветить «собственно творческий процесс в его внутренних генетических связях» (S. VI). В этой части автор делает ряд интересных наблюдений, однако нельзя не отметить, что проникновение его в творческую лабораторию Толстого могло бы быть гораздо более глубоким и плодотворным, если бы он изучил не только опубликованные варианты, но непосредственно рукописи писателя, в которых содержится много неучтенных в печати вариантов.

В целом же монография Веделя представляет интерес как первая исследовательская работа зарубежного ученого, в которой конкретно и тщательно изучена история создания величайшего романа Толстого (см. рецензию С. А. Розановой на эту книгу в «Вопросах литературы», 1962, № 10, стр. 214—216).

Пятидесятилетие со дня смерти Толстого было отмечено в Федеративной Республике Германии также и театрами.

В марте 1960 г. на сцене Мюнхенского камерного театра была поставлена драма Толстого «Живой труп». Постановщик и исполнитель роли Феди австрийский режиссер К. Парила писал, что пьеса Толстого «привлекла его как произведение, которое рисует закат царизма, а также убеждает, что человек добр и способен к развитию добрых чувств» («Panorama», 1960, № 2, S. 4.).

Насколько можно судить по отзывам критики, роль Феди была исполнена искусно, однако более традиционно, чем в постановке «Живого трупа» Ростокским народным театром в Германской Демократической Республике. «К. Парила проявил самое утонченное актерское мастерство, поразительное по разнообразию оттенков,— писал критик Э. Шумахер,— однако он утонул в глубинах русской души, и ему не удалось до конца обнажить причины поведения Протасова» («Deutsche Woche», 30.XI 1960).

Пятидесятилетняя годовщина со дня смерти Толстого вызвала в печати Федеративной Республики Германии целый поток статей, посвященных последним дням жизни писателя. Многие западногерманские (а также швейцарские) газеты напечатали воспоминания племянника железнодорожного служащего в Тамбове О. Гильдебрандта, посетившего Астапова в тревожные ноябрьские дни 1910 г.: «Рассказ очевидца о событиях в

Астапове» («Wetzlarer Neue Zeitung», 21.XI 1960; «Altenaer Kreisblatt», 26.XI 1960; «Badische Zeitung», 19.XI 1960).

Большинство западногерманских авторов, писавших о последних днях Толстого, по-прежнему крайне односторонне объясняют «уход» писателя семейной драмой. Все их внимание сосредоточено на личных отношениях в семье Толстых и перипетиях борьбы за завещание между Софьей Андреевной и В. Г. Чертковым.

Лишь в редких случаях западногерманские критики пытались найти более глубокие причины драмы в семье Толстых. Так, В. Гармс объяснял ее различием в социальных взглядах и позициях супругов («Esslinger Zeitung», 19.XI 1960).

В отличие от многих авторов, утверждавших, что «уход» Толстого был связан с его религиозным стремлением отрешиться от мира и людей, О. К. Эвальд увидел в поступке Толстого «продолжение той борьбы, которую всю свою жизнь вел этот великан из Тульской губернии, — борьбы между „жизнью красивой“ и жизнью правдивой. Красивой была жизнь помещного дворянства. Но чего стоила красота, если она основывалась на бедности других? В целом его жизнь была постоянной борьбой между существованием в „красоте“ и существованием в правде с перевесом в сторону последнего» («Badische Zeitung», 18.XI 1960).

В западногерманской печати выступили, однако, и такие реакционные журналисты, которые воспользовались годовщиной Толстого для распространения разного рода выдумок и прямой клеветы на великого писателя. Неспособные понять глубокие причины, побудившие Толстого покинуть в старости свой дом, они «уличали» его в «лицемерии», в «маскировке под мужика», в «старческом слабоумии». Так, например, Н. Раевский в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (19.XI 1960) «обвинял» Толстого в ханжестве, называя трагический уход восьмидесятидвухлетнего писателя из Ясной Поляны «театральным представлением в буквальном смысле этого слова». Аналогичные утверждения содержит также статья Ф. Фрелинга под сенсационно-бульварным названием «Смерть в зале ожидания», напечатанная в газете «Offenbach Post» (18.XI 1960).

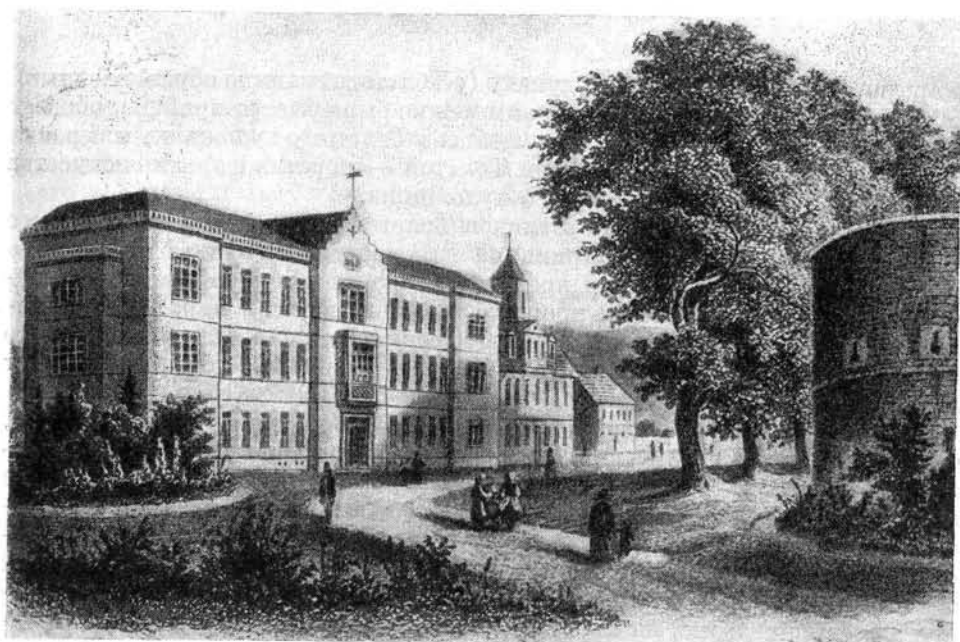
Характерно для реакционной прессы Запада и обслуживаемых ею кругов буржуазного общества, что именно эти пошлые заметки были перепечатаны во многих газетах Западной Германии, а также Австрии и Швейцарии.

* * *

По случаю пятидесятилетия со дня смерти Толстого, 7 апреля 1961 г. в Гамбурге состоялась интересная дискуссия между писателями ФРГ и ГДР на тему: «Толстой, кризис культуры и мы». Дискуссия была организована редакцией и издательством еженедельника «Zeit» и происходила в Гамбургском университете под председательством профессора В. Херцфельде. Среди ее участников были: З. Ленц, М. Вальсер, Л. Мюллер, а также видные писатели ГДР — А. Цвейг, Л. Ренн и С. Хермлин.

Спор о значении Толстого для современности вызвал такой большой интерес публики, что зал не мог вместить всех желавших присутствовать и «многие вынуждены были уйти, так и не попав на встречу» («Schriftsteller: Ja-Sager oder Nein-Sager? Das Hamburger Streitgespräch deutschen Autoren aus Ost und West». Hamburg, 1961).

Старейший немецкий писатель А. Цвейг, возглавивший делегацию писателей ГДР, так объяснил тему, избранную для дискуссии: «То, что Толстой был одним из величайших повествователей прошлого века и, быть может, не только прошлого, — бесспорно. Во всяком случае, и все мы так думаем. Зато заслуживают, по-моему, обсуждения взгляды Толстого на культуру и в особенности на искусство, как современное ему, так

УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ КАРЛА СТОЯ В ИЕНЕ. ТОЛСТОЙ ПОСЕТИЛ
ЕГО 15 АПРЕЛЯ 1861 г.

Литография, 1858

Предоставлена «Литературному наслeдству» Экбертом Пехштедтом (Эрфурт, ГДР)

ОПЫТНАЯ ШКОЛА КАРЛА СТОЯ «JOHANN FRIEDRICHS-SCHULE» В ИЕНЕ. ТОЛСТОЙ
ПОСЕТИЛ ЕЕ 16 АПРЕЛЯ 1861 г.

Литография

Предоставлена «Литературному наслeдству» Экбертом Пехштедтом (Эрфурт, ГДР)

и предшествовавших эпох и будущего (у Толстого взаимно обусловленные). Вопросы эти не таковы, чтобы по ним можно было быстро прийти к общему решению». Цвейг подчеркнул свою любовь к Толстому-художнику и выразил опасение, как бы в ходе дискуссии Толстой — теоретик и критик искусства не заслонил Толстого — великого художника.

Коснувшись эстетических взглядов Толстого, Цвейг отметил огромное значение отстаиваемого им принципа народности искусства. По мнению немецкого писателя, Толстой предугадал процесс становления нового народного искусства, который происходит сейчас во всем мире: «Важно отметить, что Толстой отнюдь не был пессимистом. Он был убежден, что искусство только тогда получит настоящее развитие, когда оно выйдет за рамки элиты».

Профессор *Х. Камницер* (ГДР) в своей содержательной речи указал, что обращение к реалистическим традициям Толстого должно способствовать развитию современной литературы, ее выходу из состояния кризиса, в котором она теперь находится, ибо важнейшей традицией искусства Толстого является «целостное восприятие мира», «широкое и многогранное отражение всех общественных связей», от которого отказывается большинство современных писателей Запада. Другая важнейшая традиция Толстого связана, по мнению Камницера, с высотой моральных принципов великого русского писателя, ибо «современное искусство, с одинаковым старанием воспроизводящее столкновение добра и зла, справедливости и несправедливости в борьбе разных общественных слоев, нуждается в моральных импульсах».

Доклад Камницера вызвал ожесточенные нападки со стороны западно-германских писателей, которые предприняли настоящую атаку против искусства Толстого и его идейно-эстетических заветов. Так, *З. Ленц* выступил против важнейшего идейно-эстетического требования Толстого — служить народу, ориентироваться на запросы и потребности широких народных масс. Повторяя избитые положения модернистской эстетики, Ленц утверждал, что подобная ориентация неизбежно порабощает художника, лишает его творчество свободы и искренности.

Критикуя эстетику Толстого с позиций модернизма и крайнего индивидуализма, Ленц не объяснил и, конечно, не мог бы объяснить, каким образом Толстой, поставивший свое творчество на службу народу, не только не утратил свободы и искренности, но создал величайшие произведения мирового искусства. Толстовскому определению искусства с его обязательным требованием содержательности Ленц противопоставил чисто формалистическое определение Мальро: «Искусство — это то, с помощью чего создается форма».

Критик *М. Райх-Раницкий* пытался отвергнуть основу реалистического метода Толстого — широкое и многогранное изображение жизни общества, утверждая, будто «вовсе ненужно и необязательно, чтобы произведение искусства освещало существенные проблемы современной жизни, давало бы поперечный разрез общества». Ему возражали писатели Германской Демократической Республики.

Драматург *П. Хакс* справедливо утверждал, что «изображение жизни общества в романе — требование, вытекающее из самого содержания романа». *Х. Камницер*, отвечая ему, заметил, что художник, «которому не удастся в своих произведениях отразить жизнь общества с его проблемами, исканиями и стремлениями, бесконечно обедняет свое искусство».

Если одни западногерманские писатели «по случаю юбилея» яростно нападали на Толстого, то другие пытались извратить мировоззрение и творчество русского писателя в угоду собственным взглядам и настроениям.

Так, профессор *Л. Мюллер*, критиковавший ленинскую концепцию творчества Толстого, попытался внести в оценку взглядов писателя модный

экзистенциалистский оттенок. «Я думаю,— утверждал Мюллер,— что Толстой может помочь нам в нынешнем кризисе, представляющем угрозу самому нашему существованию, а значит, прежде всего, *личному* существованию каждого из нас<...> (ведь и атомная смерть для меня прежде всего *моя* смерть), потому что пережитый им кризис был прежде всего кризисом его личной, а не общественной жизни». Мюллер попытался также навязать Толстому экзистенциалистскую «задачу» — «помочь людям преодолеть страх перед смертью», которой Толстой якобы подчинил свое искусство.

Возражая Мюллеру, сводившему кризис мировоззрения Толстого в конце 1870 — начале 1880-х годов к биологическому страху перед смертью, драматург *П. Хакс* отметил поверхностность и ошибочность его аргументации.

Западногерманский писатель *М. Вальсер* утверждал, что «Война и мир» создавалась Толстым без «идеологических пут и предвзятости и что здесь он выступает как чистый художник».

Однако не только писатели ГДР, но и западногерманские писатели (например, Мюллер), говорили о полной необоснованности причисления Толстого к представителям так называемого «чистого искусства».

Как видим, гамбургская дискуссия о Толстом имела чрезвычайно острый идеологический характер.

В ходе этой дискуссии с особой ясностью обнаружилось размежевание между художниками-реалистами, придающими большое значение традициям Толстого, и модернистами, фактически отрицающими значение Толстого для современности.

ИТАЛИЯ

Пятидесятилетие со дня смерти Толстого было отмечено состоявшимся в Риме 6 декабря 1960 г. торжественным заседанием Итальянского общества культурной связи с Советским Союзом. На повестке собрания было рассмотрение одного вопроса — проблемы народа в творчестве Толстого. С речами выступили писатель *А. Моравиа* и итальянский критик-коммунист *П. Цетеремич*.

Моравиа повторил, в основном, свой доклад «О творческом пути Толстого», прочитанный на международной Венецианской конференции в Венеции (см. его текст в кн. 1-й наст. тома). Анализируя эволюцию творчества Толстого, он отметил все возрастающую близость русского писателя к народу и подчеркнул, что «нигилизм» Толстого «не пощадил ничего, но остановился перед народом». Моравиа подробно проанализировал в своем докладе повесть «Смерть Ивана Ильича» как произведение, в котором «наиболее ярко отразился кризис, пережитый Толстым, углубился яростный гнев писателя против аристократического общества и в то же время его страх перед смертью».

Резюме доклада Моравиа помещено в газете «Unità» (7.XII 1960) и в журнале «Rassegna Sovietica» (1961, № 3, V—VI, p. 4—9).

Доклад Цетеремича (полностью опубликованный в журнале «Rassegna Sovietica», 1961, № 3, V—VI, p. 9—16) называется «Проблема народа в творчестве Толстого». Прогрессивный итальянский критик отметил, что народность Толстого означает прежде всего «слияние писателя с народом», и показал, что внимание и уважение к народу — характерная черта лучших деятелей русской литературы XIX в. — сближает Толстого и с великими писателями-демократами — Некрасовым и Салтыковым-Щедриным. В своем анализе Цетеремич исходил из ленинской оценки искусства Толстого. «Дело не только в том, что мужик изображен в произведениях Толстого совершенно правдиво, но в том, что все творчество Толстого представляет собой выражение русского крестьянина как категории

человеческой, социальной и идеологической, в том смысле, что энергия, истинность и жизненность всех произведений Толстого коренятся в крестьянстве...».

Характер чествования памяти Толстого в Италии свидетельствует о том, что для прогрессивной итальянской общественности, борющейся за создание подлинно народной культуры, Толстой особенно важен и дорог как образец народного писателя.

Не случайно поэтому проблема народности Толстого была в центре внимания многих итальянских писателей и критиков.

«Толстой воплотил одну из самых важных национальных черт русской литературы — ее связь с народом, — писал старейший итальянский славист *Э. Ло Гатто*, — и сумел сделать это так, что она получила мировое значение. Вот почему Толстой остается образцом для писателей и после революции 1917 г.» (*Realtà Sovietica*, 1961, № 1, p. 25).

К статьям итальянских писателей о Толстом, написанным в связи с пятидесятилетием со дня его смерти, примыкает интересная работа *Дж. Родари* «Толстой — народный учитель», в которой рассматривается мастерство Толстого — педагога и детского писателя. «Это та же рука, которая написала „Войну и мир“, „Анну Каренину“. Под его пером Эзоп становится Гомером<...> Четыре книги Толстого для детей рождены не внезапным вдохновением, а вобрали в себя значительную часть его жизни, годы усилий и поисков в области педагогики и народной школы <...> В четырех книгах для чтения Толстой достиг того сближения с народным языком, которое отрицал теоретически». Родари подробно рассматривает педагогическую деятельность Толстого, высоко оценивая его попытку создать «новую школу, связанную с жизнью, основанную не на дидактических планах, а на потребностях жизни», и выражает убеждение в живой современности «Четырех книг для чтения» и необходимости новых изданий «этих великих страниц, достойных бессмертной славы» (*Paese Sera*, 1961, № 242, 14.X).

В 1960—1961 гг. особенно большой интерес итальянской критики вызвало наследие Толстого-драматурга. Две большие статьи о драматургии Толстого были напечатаны в начале 1961 г. в журнале *«Realtà Sovietica»*, несколько работ на эту тему опубликовал специальный журнал *«Dramma»* и другие периодические издания Италии. Интерес этот свидетельствует о том, что передовому итальянскому театру с присущей ему острой социальной проблематикой и любовью к простому человеку Толстой-драматург оказался во многом близок.

В небольшой статье «Толстой-драматург» критик *М. Скапарро*, приводя выдержку из статьи Ленина о Толстом, писал, что «Толстой сумел отразить основные противоречия действительности<...>, и величие его именно в этом: в умении выразить глубокую силу отчаяния, которое привело в движение миллионы крестьян, в презрительном отношении к гражданским законам и религиозным обычаям его времени, в искреннем стремлении к свободе». По мнению Скапарро, острый драматизм присущ не только пьесам Толстого, но также и его романам, «что побуждало многих театральных деятелей переработать для сцены „Анну Каренину“ и „Воскресение“<...>, хотя нередко и мысли Толстого и образы его героев подвергались при этом искажению». Шедевром драматургии Толстого критик считает «Власть тьмы» (*«Calendario del Popolo»*, 1961, № 196, I, p. 4354).

Так же, как Скапарро, итальянский критик русского происхождения *Т. Дорофеева* в статье «Драматическая трилогия» сосредоточила внимание на общественной проблематике пьес Толстого «Власть тьмы», «Плоды просвещения» и «Живой труп» (*«Realtà Sovietica»*, 1961, № 1, p. 28—30). Она считает, что эти три пьесы связаны между собой общей темой и обнажают

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОЛСТОГО. ГРЕЧЕСКОЕ
ИЗДАНИЕ, ВЫШЕДШЕЕ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
НИКОСА БЕЙСА
И КОСТАСА ВАРНАЛИСА
(АФИНЫ, 1957—1960)
Титульный лист первого
тома

ΑΠΑΝΤΑ ΡΩΣΩΝ ΚΛΑΣΣΙΚΩΝ ΕΙΚΟΝΟΓΡΑΦΗΜΕΝΑ

Επιμελητής Όλης: ΝΙΚΟΣ ΒΕΗΣ (BEES) Ἀκαδημαϊκός
Κριτικά Σημειώματα: ΚΩΣΤΑΣ ΒΑΡΝΑΛΗΣ
Καλλιτεχνική Θεώρηση: ΜΑΡΚΟΣ ΑΥΓΕΡΗΣ
Καλλιτεχνική Θεώρηση: ΑΛΕΚΣ ΚΟΝΤΟΠΟΥΛΟΣ

ΣΕΙΡΑ Α': ΛΕΩΝ ΤΟΛΣΤΟΪ
ΤΟΜΟΣ ΠΡΩΤΟΣ
ΚΟΖΑΚΟΙ-ΑΝΑΣΤΑΣΗ-ΑΦΕΝΤΗΣ ΚΑΙ ΔΟΥΛΟΣ

Ἐκδόσεις «ΟΙ ΦΙΛΟΙ ΤΗΣ ΙΣΤΟΡΙΑΣ»

Μενάνδρου καὶ Σαπφούς 1 — Ἀθήνα

Γενική ἐπιμέλεια καὶ διέκδοσις: ΤΑΣΟΣ ΜΙΧΑΛΑΚΕΑΣ

разные стороны буржуазного общества. В драме «Власть тьмы» критика обращена против «волчьих законов», царящих в капитализирующейся деревне, «Плоды просвещения» проникнуты пафосом обличения аристократии, а «Живой труп» — это «восстание против церкви, против всего общественного и политического строя царской России, против античеловеческой морали, эгоизма и лживости общества».

Критик *С. Молинали* в статье о драматургии Толстого («*Realtà Sovietica*», 1960, № 2, р. 39—41) утверждает, что «Власть тьмы» с ее обнаженной дидактичностью, скупостью в обрисовке психологического облика героев, сгущением красок в отрицательных образах Анисьи и особенно Матрены, «близка традициям народного театра, которому свойственны морализация и лаконичная, без нюансов, психологическая характеристика персонажей», а подлинным образцом пьески для народного театра может считаться «Первый винокур». Критик восхищается «блестящей комедией» «Плоды просвещения», «построенной по классическим образцам XVII и XVIII вв.».

Следует отметить, что из всего драматургического наследия Толстого «Власть тьмы» привлекает особенное внимание итальянских критиков. Об этой пьесе с восхищением писал также *Г. Бозио* в статье «Толстой-драматург» («*Dramma*», 1960, № 290, XI, р. 41—44), отметивший «поистине классическое чувство меры в композиции сцен, в скупом и насыщенном диалоге, в живых и правдивых образах и проницательном анализе страстей, волнующих героев пьесы», «поразительную драматическую силу сцены покаяния Никиты, которая заставляет вспомнить о гибели

Катерины в „Грозе“ Островского». В 1961 г. эта пьеса была поставлена Итальянским народным театром (см. журн. «Dramma», 1961, IV, p. 63; V, p. 3).

Журнал «Dramma» опубликовал также статью *Ф. Бернарделли* «Толстой против Шекспира», автор которой сделал серьезную попытку объяснить, почему «создатель Наташи не смог оценить божественной чистоты Корделии и кротости Дездемоны». Он писал: «Гнев и возмущение Толстого имели глубокие причины. Толстой, поборник религиозного христианского искусства, почувствовал, увидел в Шекспире с его колебаниями, робостью, неразборчивостью, поэта и художника природы, той безжалостной, бесчеловечной природы, которая порождает чудовищ, не различает доброго от злого<...> Толстой, стремившийся постичь искусство и религию, и судьбы человеческие, не мог столкнуться в своих исканиях с противником, более достойным страшного гнева старого пророка» («Dramma», 1960, № 284, V, p. 72—73).

Крупным событием, свидетельствующим о значительном интересе к творчеству Толстого в Италии, явилось издание четырехтомного собрания сочинений писателя, включающее наряду с каноническими текстами «Детства», «Отрочества», «Юности», «Войны и мира», «Анны Карениной» и «Воскресения», многие черновые варианты к этим произведениям. (В каждом томе свыше 1200 страниц.) Издание снабжено комментариями и указателями (L. N. Tolstoj. Romanzi e taccuini a cura di L. Pacini Savoj e M. B. Luporini. Firenze, 1961). Этот новый для зарубежных читателей тип издания сочинений Толстого подготовлен большой группой итальянских литературоведов под редакцией известного слависта Л. Пачини и Марии Бьянки Лупорини, написавшей содержательные вступительные статьи к каждому тому. Своё предисловие ко всему изданию поместил в первом томе Л. Пачини. Издание оформлено с исключительным вкусом (см. рецензию З. М. Потаповой в «Вопросах литературы», 1963, № 11, стр. 253—254).

Анализу характеров героев произведений Толстого Пачини посвятил статью в журнале «Ragioni Narrative» (1960, № 3).

Подобно С. Лаффит во Франции, этот критик пытается представить Толстого носителем чуждых ему идей индивидуализма и эгоизма. Он заявляет, что «одиночество и отчужденность от людей» были отличительными чертами главных героев Толстого. В качестве примера критик ссылается, в частности, на образ Пьера Безухова, забывая глубокую любовь Пьера к Наташе, его дружбу с Андреем Болконским, наконец его подлинную духовную близость к народу во время Отечественной войны 1812 г. Самые высокие идейные искания героев Толстого Пачини низводит до уровня биологических чувств. «У Нехлюдова, — шипит он, — чувство одиночества переходит в его сознании в общий страх. Так, история его исканий становится историей гонимого зверя. Боязнь одиночества переходит в чувство устойчивой ненависти ко всем людям».

Анализируя художественные приемы Толстого, Пачини также исходит из этой ложной трактовки. Например, касаясь искусства Толстого в изображении мимолетных движений и жестов, он замечает: «Нечего удивляться, что при таком одиночестве и эгоизме каждый жест приобретает преувеличенное значение».

Интересные материалы, свидетельствующие о горячем одобрении Толстым национально-освободительной борьбы, которую вели итальянцы в XIX в., собраны в работе советского историка В. Невлера («Vie Nuove», 1961, 20.1). Невлер приводит, между прочим, извлечения из воспоминаний А. Н. Якоби (Толливеровой), касающиеся этого вопроса (ср. «Толстовский ежегодник», 1912).

В большой работе Б. Рентона «Русская литература в Италии в XX веке», печатавшейся в 1960—1961 гг. в журнале «Rassegna Sovietica»,

дается довольно полный перечень биографических и критических статей о Толстом и переводов его произведений, опубликованных в Италии в 1880—1890-х годах (1961, № 4, VII—VIII, р. 59—70).

Нельзя не отметить в заключение, что широкий отклик в итальянской печати получила Международная конференция памяти Толстого в Венеции (см. о ней в начале настоящ. обзора).

КАНАДА

За несколько месяцев до толстовской годовщины 15—17 июня 1960 г., в городе Кингстоне состоялось заседание Канадской ассоциации славистов, посвященное Толстому. Профессором В. Буйняком был прочитан доклад на тему «Стендаль как литературный образец молодого Толстого».

Значение опыта французского писателя для Толстого в области «художественной разработки темы войны» докладчик стремился показать не только на материале ранней толстовской прозы. Предметом сопоставительного анализа были также военные сцены «Пармской обители» и «Войны и мира». По мнению докладчика, Толстой следовал примеру Стендаля преимущественно в том, что обнажал «посредством безжалостного анализа» тщеславие, ложную героику и традиционные представления о военной славе.

Буйняк отметил, что «в реалистическом изображении войны» Толстой пошел дальше, чем Стендаль. Однако тезис об идейно-художественном новаторстве Толстого по сравнению с французским реалистом остался не развернутым в докладе.

Так же, как многие западные критики и писатели, в частности Хемингуэй, канадский докладчик подчеркивал художественную актуальность «Севастопольских рассказов» Толстого: «Написанные более ста лет назад, — они кажутся нам живыми, захватывающе современными».

Доклад Буйняка напечатан в «Slavic and East European Studies», 1960, № 1-2, р. 16—27.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

(ЧИЛИ, АРГЕНТИНА, МЕКСИКА, КУБА)

Пятидесятая годовщина смерти Толстого была отмечена в разных странах Латинской Америки.

В обстановке борьбы народов этих стран против империализма и колониальной зависимости прогрессивные критики с особым воодушевлением подчеркивали мировое значение Толстого — обличителя капитализма, защитника интересов народных масс.

14 декабря 1960 г. в большом зале Национальной библиотеки в г. Сантьяго состоялось торжественное заседание, посвященное памяти Толстого (заседание это было организовано Чилийской ассоциацией писателей). Доклад о его творчестве сделал прогрессивный писатель В. Тейтельбойм (автор известного романа «Семя на песке»).

Докладчик подверг анализу творчество Толстого, рассматривая его в непосредственной связи с историческими условиями жизни России, и охарактеризовал влияние его произведений на чилийскую литературу. Он подчеркнул, что для передовых чилийских писателей Толстой является благородным примером художника, порвавшего со своим классом и соединившего свою судьбу с народом.

«Яснополянский исполин велик не только своим литературным творчеством, но и высокой человечностью», — сказал докладчик.

Как отмечала местная пресса, доклад Тейтельбойма вызвал живой интерес у чилийских писателей и многочисленной публики (см. «Vistazo», 1960, 20.XII, № 431).

* * *

Прогрессивный аргентинский критик *К. Р. Додэ* в статье «Толстой и Чехов» («Cuadernos de Cultura», 1960, № 49, IX—X, p. 85—100) рассматривает творчество Толстого на фоне исторического развития русской литературы в целом и подчеркивает огромный моральный авторитет Толстого-писателя, ставшего адвокатом многомиллионного русского крестьянства. «Граф Толстой,— утверждает он,— это первый великий писатель, придавший своему протесту социальный и гуманистический смысл» (p. 20). «Значение творчества Толстого состоит во влиянии, которое оно оказывает на мировую литературу и мысль последних ста лет, благодаря его протесту против законов, обычаев и учреждений, порожденных капитализмом<...> Его отрицание и обличение пороков и аномалий капиталистического периода позволяет предвидеть наступление более разумных времен» (p. 100).

* * *

Статьи о Толстом появились и в ежемесячнике «Revista de la Universidad de Mexico».

Анонимный автор статьи «К годовщине Толстого» проникновенно писал о гуманизме и антимилитаризме русского писателя. «Солдат в молодости, участник боев под Севастополем и Балаклавой, Толстой впоследствии не забывал ужасов войны и в своих художественных произведениях обрушивался на военную муштру, на принудительную службу в армии. Толстой произнес животрепещущие и нужные слова: „Мы должны понять, что война — это самое страшное варварство“» («Revista de la Universidad de Mexico», 1960, № 2, p. 32).

Однако в июльском номере того же журнала была напечатана статья американского критика *Дж. Керри* «Романист и его произведения», в которой автор прошел мимо общественного и гуманистического содержания творчества Толстого. К оценке произведений Толстого Керри подошел с позиций фрейдизма и трактовал искусство писателя лишь как выражение его субъективных переживаний. Анализируя роман «Анна Каренина», Керри грубо-прямолинейно отождествил различные персонажи романа с личностью самого автора. «Толстой в „Анне Карениной“, — писал критик, — это не только хороший человек Левин, но также молодцеватый военный Вронский, который гордится своими любовными похождениями». Керри полностью игнорирует в своей статье объективно-реалистическую картину жизни, раскрывающуюся в произведениях Толстого («Revista de la Universidad de Mexico», 1960, № 7, p. 17—19). Наконец, в декабрьском номере журнала была напечатана статья критика *Р. Хироу*, посвященная толстовской идее морального усовершенствования.

* * *

Среди работ латиноамериканских критиков особый интерес представляет статья кубинского литературоведа *Х. М. Отеро*, написанная позже, к сто тридцать третьей годовщине со дня рождения Толстого. Статья была напечатана в тот период, когда над революционной Кубой нависла угроза агрессии со стороны США. В этих условиях ее автор с чувством особого волнения отметил созвучность идей «Войны и мира» настроениям кубинского народа. «Великая эпопея „Война и мир“, — писал критик, — возвеличивает борьбу народа, вставшего на защиту своей земли от иноземного захватчика. Не по этой ли причине Толстой изобразил моральное превосходство Кутузова, Тушина и Тимохина (для которых война — лишь

вынужденная необходимость, обеспечивающая народу жизнь мирную и счастливую) над Наполеоном и его приближенными, одержимыми жаждой завоеваний, полными высокомерия и презрения? В этом произведении выявляется триумф мира над войной, человеческой жизни над смертью и разрушением».

Далее кубинский критик подчеркнул, что реалистическое искусство Толстого в настоящее время может служить школой творческого опыта для передовых писателей мира. «Когда я впервые взял в руки „Анну Каренину“, я пришел в восторг от совершенства, с которым автор изображает характеры. Я взял бы это за образец, чтобы учились те, кто хочет учиться писать, потому что Толстой изображает персонажей с полуденной ясностью, выявляя в каждом его слабые и привлекательные стороны».

В заключение критик подчеркнул плодотворность ленинского принципа конкретно-исторического анализа произведений Толстого для всего современного литературоведения.

«В настоящее время, более чем когда-нибудь, важно исследовать позицию, которую занимали великие представители мировой литературы, чтобы знать самому и чтобы знал народ роль, которую они играли в свое время. Это необходимо для правильного понимания их значения как писателей» («Verde Olivo», 1961, № 36, p. 45—47).

ПОЛЬША

Торжественно отмечавшаяся в Польше годовщина смерти Толстого заметно повысила интерес к русскому писателю.

21 ноября 1960 г. в варшавском Драматическом театре на вечере, посвященном памяти Толстого, с интересной речью выступил председатель Союза польских писателей *Я. Ивашкевич* (см. ее текст в кн. 1-й наст. тома). После речи Ивашкевича и выступления *Г. Пащенко*, представителя советского посольства в Варшаве, «Театр Народовы» показал несколько сцен из спектакля «Живой труп». Артисты варшавских театров прочли некоторые письма Толстого и фрагменты из воспоминаний сына писателя — Ильи Львовича Толстого. Большой успех у аудитории имели мастерски исполненные артистами «Театра Повсехного» эпизоды из «Войны и мира» в инсценировке Э. Пискатора (режиссура Ирены Бабель).

Торжественные вечера, беседы и лекции о Толстом состоялись во многих польских театрах, клубах и школах. В Ягеллонском университете (Краков) был устроен трехдневный общепольский семинар, на котором было прослушано и обсуждено девять студенческих докладов о произведениях Толстого.

Большую работу проделало также Общество польско-советской дружбы, организовавшее доклады и лекции о Толстом для преподавателей русского языка, с участием артистов, исполнивших сцены и читавших отрывки из произведений Толстого. Устроены были также передвижные выставки. В последнем существенную помощь оказал Государственный музей Толстого в Москве. Материалы, присланные оттуда, были использованы на выставках Польско-советского института и Варшавского университета. Выставка в университете содержала также экспонаты, иллюстрировавшие восприятие и оценку Толстого польской литературной общественностью. В большом количестве были представлены переводы Толстого на польский язык. Особый раздел составляли тщательно собранные высказывания Толстого о Польше, поляках и польской культуре, а также его переписка с поляками.

Много внимания Толстому уделили польские журналы и газеты, поместившие статьи, обзоры и заметки о жизни и творчестве писателя. Орган Центрального Комитета Польской Объединенной Рабочей партии,

газета «Trybuna Ludu», опубликовал статьи литературных критиков *М. Варненской* о ее поездке «по следам Толстого» (№ 320) и *В. Садковского* о жизни и творчестве Толстого (№ 322).

Еженедельник «Nowa Kultura» выпустил специальный толстовский номер (№ 47), содержащий статью *Р. Пишибельского* о Толстом и Достоевском, большой фрагмент из подготовленной к печати монографии о Толстом *А. Семчука* и другие материалы.

С интересными статьями о Толстом в польской поэзии, об отношении Толстого к Чехову («Twórczość», № 4 и 11), о посещении поляками Ясной Поляны и беседах их с Толстым («Przegląd Humanistyczny», № 6) выступил *П. Гжегорчик*.

Педагогические журналы «Nowa Szkoła» (№ 11) и «Rodzina i Szkoła» поместили статьи *М. Шулькина*, в которых были подвергнуты анализу педагогические взгляды Толстого и их влияние на развитие польской педагогической мысли.

Статьи о Толстом поместили также «Język Rosyjski» (№ 3, 5), «Film» (№ 47), «Kamena» (№ 22), «Poradnik Bibliotekarza» (№ 9), «Przekrój» (№ 790), «Przyjaźń» (№ 39, 46), «Odgłosy» (№ 44), «Orka» (№ 48), «Świat» (№ 47), «Widnokręgi» (№ 9), «Życie Warszawy» (№ 279), «Tygodnik Powszechny» (№ 47).

В католическом еженедельнике «Kierunki» (№ 48) опубликована содержательная статья *А. Рогальского* «Толстой и французская литература», в которой рассматривается влияние Толстого на французских писателей, в частности на Р. Мартен дю Гара, и приводятся высказывания М. де Вогюэ и Р. Роллана о Толстом.

В польской печати выступили также советские ученые. По просьбе научного журнала «Przegląd Humanistyczny» *Н. К. Гудзий* написал статью

LEW TOŁSTOJ

PISMA PEDAGOGICZNE

TLUMACZENIE TEKSTÓW Z JĘZYKA ROSYJSKIEGO
LIDIA I STEFAN WOŁOŻYŃOWIE

WSTĘPEM OPATRETYŁ
MICHAŁ SZULKIN

KOMENTARZE I OPRACOWANIE
STEFAN WOŁOŻYŃ

WROCŁAW — WARSZAWA — KRAKÓW
ZAKŁAD NARODOWY IMIENIA OSSOLIŃSKICH
WYDAWNICTWO POLSKIEJ AKADEMII NAUK
1963

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ
ТОЛСТОГО. ИЗДАНИЕ НА ПОЛЬСКОМ
ЯЗЫКЕ
(ВРОЦЛАВ—ВАРШАВА—КРАКОВ, 1963)

Титульный лист

«ВОСКРЕСЕНИЕ» НА СЦЕНЕ
ПОЛЬСКОГО «ОБЩЕДОСТУПНОГО
ТЕАТРА» («TEATER
POWSZECZNY»). ВАРШАВА, 1960

Сцена в тюрьме: Нехлюдов — Адам
Ханушкевич, Катюша — Зофья Рысью-
вна

Фотография

Музей Толстого, Москва

об издательской работе в СССР над наследием Толстого (№ 6 этого журнала), а В. Ф. Булгаков прислал еженедельнику «Nowa Kultura» свои воспоминания о Толстом (напечатаны в № 47).

Внимание польских литературных кругов привлекли работы В. Б. Шкловского, Б. С. Мейлаха и А. И. Шифмана, отрывки из которых публиковались в журналах «Twórczość», № 11, «Kamena» № 22 и «Nowa Kultura», № 50, а также высказывания о Толстом Е. Б. Вахмангова («Dialog», № 11) и статья Н. Афанасьевой о толстовской теории драмы (ibid., 1961, № 1).

Мысли, вызванные международной толстовской конференцией в Венеции (см. выше), участник ее П. Герту изложил в своей книге «Domena Polska» (Warszawa, 1961, str. 255—259). Своими впечатлениями о толстовской сессии в Москве в Институте мировой литературы им. А. М. Горького поделился А. Ставар («Nowa Kultura», 1960, № 51-52).

Своего рода итог толстовским дням в Польше был подведен на научной сессии, посвященной жизненному и творческому пути Толстого. Организаторами ее были Отделение славяноведения Польской Академии наук и Польско-советский институт*. В сессии приняли участие польские литературоведы, в том числе преподаватели кафедр русской филологии Варшавского, Краковского и Вроцлавского университетов, а также советские ученые. Вступительное слово произнес известный польский славяновед, действительный член Польской Академии наук, проф. З. Штибер, указавший на своеобразное восприятие творчества Толстого польской литературной общественностью и подчеркнувший тот факт, что популярность Толстого в народной Польше переживает теперь новый расцвет. Выходящие

* См. об этом: «Информационный бюллетень Польско-советского ин-та», 1961, № 2, стр. 24—27; «Nauka Polska», 1961, № 2, str. 228—230; «Trybuna Ludu», 1960, № 350, str. 5; «Kurier Polski», 1960, № 229, str. 4; «Sztandar Młodych», 1960, № 302, str. 2.

огромными тиражами, исправленные и новые переводы его сочинений моментально раскупаются. Вот лучшее доказательство того, что для польской молодежи Толстой остается писателем живым и вполне современным.

Темой доклада *Р. Лужного* были культурные традиции эпохи Просвещения в творчестве Толстого. По мнению докладчика, идеи той эпохи интересовали молодого Толстого гораздо более, чем современные ему, и первые художественные достижения его выросли из творческого использования этого наследия, которое и впоследствии, когда Толстой обратился к иным творческим источникам и образцам, сказывалось в его взглядах, художественных замыслах и литературных приемах (см. текст этого доклада в «*Slavia Orientalis*», 1962, № 1, str. 3—24).

Отдельные верные наблюдения не могут устранить основного порока доклада, состоящего в том, что вопрос о значении традиций культуры просвещения для Толстого рассматривается неисторически — вне связей с реальной русской действительностью, которая формировала его личность, взгляды и творчество.

Далее на сессии были прочитаны доклады польского литературоведа *А. Семчука* «Толстой и литературное движение 1850-х годов в России» («*Slavia Orientalis*», 1961, № 2, str. 187—204), советских исследователей *В. Р. Щербины* «Толстой и современность» (прочитан директором Польско-советского института *А. Шанявским*) и *В. Вейкшана* о педагогической деятельности и взглядах Толстого. Последний доклад, *Б. Бялоковича*, был посвящен переписке Толстого с поляками. Проанализировав письма к Толстому польских переводчиков его сочинений, литераторов, публицистов, участников польского национально-освободительного движения, а также письма крестьян и рабочих, докладчик указал на их важное место в польско-русских литературных, общественных и политических отношениях и связях конца XIX — начала XX в. Он остановился также на образах поляков в художественных произведениях Толстого («Воскресение», «Хаджи-Мурат», «За что?»), указав на отдельные противоречия в оценках польского вопроса, которые нашли свое отражение в письмах Толстого к *М. Здзеховскому*, *Г. Сенкевичу*, *А. Врублевскому* и *С. Ляудын*. (Доклады *В. Р. Щербины* и *Б. Бялоковича* опубликованы Польско-советским институтом: «*Lev Tolstoj. Materiały z sesji*», Warszawa, 1961.)

Таким образом, «толстовские дни» в Польше вновь засвидетельствовали близость и содружество двух родственных славянских культур, подтверждая слова *Г. Сенкевича* о Толстом: «...несравненно большая и лучшая часть русских сердец не покинет его никогда, а вместе с ними станут на его сторону все более благоразумные умы мира. И так должно быть, ибо он не только великий писатель, но и провозвестник свободы, великий защитник угнетенных и могущественный выразитель общечеловеческих идеалов».

РУМЫНИЯ

Чествование памяти Толстого в народной Румынии нельзя ограничить датой 20 ноября и даже всем ноябрем 1960 г. Без всякого преувеличения можно говорить о целом толстовском годе.

К пятидесятой годовщине со дня смерти Толстого было завершено издание четырнадцатитомного собрания его сочинений, начатое в 1953 г. Тем самым впервые в истории румынской культуры основные произведения русского классика были собраны в одном издании, не искаженном цензурой, и распределены по томам в хронологическом порядке. Здесь были воспроизведены в новых и лучших, чем прежние, переводах не только уже известные румынскому читателю произведения Толстого, но и такие сочинения, которые на румынском языке никогда раньше не появлялись.

Кроме того, были отдельно переизданы большими тиражами переводы

«ВОСКРЕСЕНИЕ». ИЗДАНИЕ НА
РУМУНСКОМ ЯЗЫКЕ (БУХАРЕСТ, 1964)

Обложка

романов «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», сборник рассказов под заглавием «После бала» и т. д.

Румынские театры, столичные и провинциальные, отметили памятную дату новыми постановками пьес Толстого. Бухарестский театр железнодорожников и клужский Национальный театр исполнили с большим успехом «Власть тьмы». В бухарестском Национальном театре были поставлены две инсценировки романов Толстого — «Анна Каренина» и «Воскресение». Постановка «Анны Карениной» была осуществлена и коллективом яесского Национального театра.

Торжественные вечера, выставки, доклады, лекции, беседы, литературные конкурсы на различные темы, связанные с творчеством Толстого, были организованы в Бухаресте, Клуже, Крайове, Яссах и других городах.

Целью всех этих мероприятий был, в первую очередь, широкий охват читателей, ознакомление их с творчеством Толстого. В Бухарестской области было проведено сто двадцать литературных вечеров — большей частью на заводах и в коллективных хозяйствах. В Сучавской области были организованы вечера и проведены беседы о творчестве Толстого на восьмидесяти промышленных предприятиях, в семидесяти пяти клубах, тридцати сельских библиотеках; в области Крайова было сделано сто десять докладов в клубах, библиотеках, на предприятиях и в школах.

Интересные вечера были устроены в таких важных рабочих и промышленных центрах страны, как Онешти, Кэлац, Симерия, Лупень, Хунедоара и т. д. На заводе Карбоким в г. Клуже и на фабрике Молдова-Трикотаж в Яссах прошли с большим успехом концерты, на которых артисты местных национальных театров исполняли сцены из пьес Толстого.

Имя великого русского писателя проникло в ноябрьские дни 1960 г. в самые отдаленные уголки Румынии — в такие места, где до этого не всем известно было о существовании Толстого. Чрезвычайно выразительная следующая заметка, напечатанная в яесской газете «Flacăra Jaşului»

29 ноября: «Во всех сельских библиотеках и в большинстве деревенских клубов Ясского района в течение последних дней были проведены литературные вечера, на которых прочтены доклады о жизни и творчестве Толстого. На этих вечерах присутствовало в общей сложности свыше четырех тысяч крестьян».

Широкий интерес к Толстому проявили в это время писатели, критики и литературоведы Румынии. Множество статей, высказываний и воспоминаний было напечатано, в связи с годовщиной, на страницах различных журналов и газет. Некоторые из них («Gazeta Literară», «Veac Nou», «Tribuna») посвятили Толстому специальные номера и целые полосы («România Liberă»). Журнал «Luceafărul» в нескольких номерах подряд чествовал память великого художника.

В Румынии не было ни одной областной или даже районной газеты, которая не отметила бы толстовскую годовщину.

В статьях и выступлениях румынских писателей *И. Агирбичану*, *Т. Виану*, *Д. Ботеза*, *Р. Боуряну* отмечалось огромное значение, которое имело творчество Толстого для их творческого пути.

Видный румынский прозаик *Э. Барбу* писал, называя Толстого «титаном»: «От него я узнал, что в основе искусства лежит труд, непрерывный труд<...> Толстой научил нас, как нужно строить роман...» («Gazeta Literară», 17.XI 1960).

Всемирное значение уроков Толстого — художника-реалиста, романиста и психолога — было подчеркнуто и газетой «Scînteia» от 20 ноября: «Отношением к творчеству Толстого определяется и отношение писателя к реализму, степень его близости к реализму. И с этой точки зрения творчество Толстого сохраняет всю свою силу воздействия».

Большое внимание литературоведы уделили таким вопросам, как распространение творчества Толстого в Румынии, его влияние на классиков румынской литературы *Д. Замфиреску* и *М. Садовяну*, а также анализу статей *Ленина* о Толстом в свете современных задач румынского литературоведения.

На специальной толстовской сессии, организованной Бухарестским университетом совместно с некоторыми другими научными учреждениями, были прочитаны доклады: «Ленин о Толстом» (проф. *М. Новиков*), «Толстой и румынские писатели» (*В. Чобану*) и «Толстой и идейная борьба в Румынии 1917—1944 гг.» (*Т. Николеску*).

В ноябре 1910 г. *М. Садовяну* откликнулся на смерть Толстого словами: «...для меня он не умер. Мой друг, с которым я повидал столько людей и событий, остался жив. Он молод, пока молодо будет мое сердце<...> Писатели — наши самые идеальные друзья. Этот мой друг не умер!» (см. стр. 115 кн. 1-й наст. тома).

Слова, сказанные Садовяну полвека назад, не утратили своего значения и в наши дни. Они обрели новую силу и новый блеск в дни пятидесятой годовщины. Можно сказать, что в 1960 г. чествование памяти Толстого румынским народом, читателями из народных масс, строителями новой жизни прошло под знаком вечно юного творчества великого писателя.

СКАНДИНАВИЯ (НОРВЕГИЯ, ДАНИЯ, ШВЕЦИЯ)

Пятидесятилетие со дня смерти Толстого широко отмечалось в скандинавских странах. Это событие было ознаменовано появлением новых изданий его сочинений, организацией выставок, торжественных вечеров, специальными радиопередачами, а также многочисленными статьями в периодической прессе.

Так, в Норвегии к юбилейной дате вышло «Воскресение» в переводе *Н. Хенриксена* и была переиздана «Анна Каренина» в переводе *М. Грундта*.

В Университетской библиотеке г. Осло открылась выставка, разносторонне освещающая деятельность Толстого как писателя, педагога и философа. На выставке были представлены материалы, характеризующие связи Толстого с Норвегией, и, в частности, экспонировался подлинник его письма к выдающемуся норвежскому писателю Бьёрнстjerne Бьёрн-сону (см. т. 77, стр. 218).

20 ноября 1960 г. норвежское радио организовало специальную передачу о Толстом. С докладом «Мужественная борьба Льва Толстого против царского суда и войны» выступил Х. Юхансен (в сокращенном виде доклад опубликован в газете «Friheten», 17.XII 1960). Характеризуя деятельность Толстого как публициста и страстного борца против несправедливости и войны, автор уделил особенное внимание распространению идей Толстого за рубежом. Юхансен вспоминал о том, какое большое влияние в годы его юности, в начале XX в., оказывал Толстой своим учением о морали и борьбой против войны на норвежскую молодежь вообще и на норвежское социал-демократическое движение в частности. «Многие из нас — участников социал-демократического молодежного движения — были особенно сильно захвачены его агитацией за мир. Мы достали его антивоенное воззвание — красное воззвание Толстого, с которым мы были вполне солидарны и которое расклеивали на стенах домов и на столбах. Толстовскими идеями борьбы за мир была увлечена в то время не только социал-демократическая молодежь. Норвежский союз мира в 1904 г. опубликовал с предисловием своего председателя антивоенную брошюру Толстого „Одумайтесь!“ с подзаголовком „Обращение ко всем народам“ (до того печатавшуюся частями в газете „Verdens Gang“).

Норвежская печать откликнулась на юбилей Толстого множеством статей. Газета «Arbeiderbladet» 19 ноября поместила статью «Лев Толстой — писатель и обличитель», автор которой, известный норвежский славист А. Галлис, писал: «Для нас, чья молодость падает на 1920-е и 1930-е годы, чтение основных произведений Толстого было любимым занятием <...> Когда читаешь такие произведения, как „Детство“, „Отрочество“, „Юность“, „Севастопольские рассказы“, „Казачи“ и в особенности „Войну и мир“ и „Анну Каренину“, появляется удивительное чувство — кажется, что читаешь не книгу, а видишь бурлящую живую жизнь, в которую невольно вовлекаешься, и книжные герои становятся старыми друзьями. Искусство и жизнь сливаются воедино; именно это придает лучшим произведениям Толстого несравненную прелесть». Галлис указывает на огромный интерес Толстого к социальным вопросам, подчеркивая, что влияние его как мыслителя вышло далеко за пределы России, захватив Западную Европу и Америку. «Как писатель и художник Толстой всегда будет жить и останется одним из гигантов мировой литературы».

В том же номере «Arbeiderbladet» напечатан большой портрет Толстого с надписью: «Лев Толстой — один из гигантов русской литературы и выдающихся деятелей современной духовной истории».

Газета «Friheten» поместила 2 декабря большую статью норвежского слависта М. Нага «В мире Толстого» — любопытный рассказ о посещении яснополянского музея группой участников IV Всемирного съезда славистов в Москве, среди которых был автор. Неожиданны и интересны параллели, проводимые Нагом. Говоря об огромном вкладе Толстого в мировую литературу, он сравнивает его с вкладом в литературу, сделанным Маяковским, и утверждает, что творчество последнего, как и творчество Толстого, подняло мировую литературу на целую ступень, что для своей эпохи Маяковский сыграл такую же роль, какую Толстой для своей.

Отмечая огромное влияние, оказанное Толстым на развитие мировой литературы, Наг приводит в пример таких непохожих друг на друга писателей, как Хемингуэй и Шолохов, которые, по его мнению, очень

СЦЕНА ИЗ ПЬЕСЫ СТЕФАНА ЦВЕЙГА «ПОБЕГ К БОГУ» («УХОД И СМЕРЬ ТОЛСТОГО») СТОКГОЛЬМ, 5 МАРТА 1943 г.

Спектакль был поставлен группой немецких актеров-антифашистов. Режиссер — Курт Тренте Толстой — Герман Грейд, студенты — Петер Виннер и Курт Тренте

Фотография

Музей Толстого, Москва

Большое место в статье отведено отношению Толстого к народному искусству.

Подчеркивая актуальность идей Толстого для искусства нашего времени, Даниельсен заключает: «Несмотря на бросающиеся в глаза слабые стороны, эстетика Толстого не лишена значения и в наше время. В его взглядах содержится отчетливое признание искусства как средства общения и сближения людей, это дает нам возможность предвидеть будущее, когда искусство станет общедоступным, и в то же время указывает на ответственность искусства в создании нового мира, осуществляющего мечту о братстве всех людей».

* * *

Шведская общественность отметила юбилейную дату помещением в периодической печати ряда рассказов и повестей Толстого, а также очерков о жизни писателя и информации о проведении торжеств в Советском Союзе.

Газета «*Ny Dag*» напечатала 16 ноября 1960 г. статью *Б. Вагнера*, который обрисовал Толстого как писателя и человека, рассказал о его отношениях с А. Н. Островским, А. А. Фетом, М. Е. Салтыковым-Щедрым и подробно остановился на борьбе писателя с царским самодержавием.

* * *

Таким образом, празднование пятидесятилетия со дня смерти Толстого явилось крупным событием в культурной жизни скандинавских стран и свидетельством живого интереса к творчеству гениального русского писателя.

США

Пятидесятая годовщина со дня смерти Толстого была отмечена в Нью-Йорке торжественным заседанием, состоявшимся 19 ноября. *Д. Д. Эйзенхауэр*, незадолго до того покинувший пост президента США, направил участникам вечера послание, в котором назвал Толстого «крупнейшим явлением мировой литературы, гениальным писателем, а главное — вдохновенным братом всего человечества» (*New York Times*, 1960, 20. XI, р. 74). Однако ценность «всемирно-исторического явления, именуемого Толстым», бывший американский президент усматривал не столько в художественном творчестве писателя, сколько в его личности и учении. «Еще более выдающееся значение имеет Толстой как человек. Он учил, что лучший путь — это путь служения богу», — утверждал Эйзенхауэр. На вечере с воспоминаниями выступила дочь Толстого — Александра Львовна, деятельница враждебного СССР белоэмигрантского «Толстовского фонда» в США. Она рассказала о последних днях и смерти Толстого. Юбилейное заседание завершилось концертом артистов Метрополитен-Опера.

Во многих других городах США также состоялись торжественные вечера и литературно-музыкальные концерты, посвященные Толстому. Профессора-слависты американских университетов *Е. Волконская* и *В. Ледницкий* прочли публичные лекции о жизни и творчестве Толстого. В библиотеке Калифорнийского университета и других были организованы выставки изданий произведений русского писателя и т. д.

* * *

В 1959 г. в Нью-Йорке вышла книга американского литературоведа *Дж. Стейнера* «Толстой или Достоевский» (*George Steiner. Tolstoy or Dostoevsky. An Essay in the Old Criticism. New York*). Книга эта привлекла к себе внимание критики и вызвала многочисленные отклики в 1960, юбилейном году.

Монография Стейнера отличается широтой замысла и рассматривает место двух великих русских писателей в перспективе развития мировой литературы. Стейнер с восхищением говорит о представителях «старой критики», которые, в отличие от современной критической школы, считали, что «литература существует не изолированно от действительности, исторической и политической, а находится в ее центре» (р. 6).

В первой главе автор пытается охарактеризовать своеобразие русской классической литературы по сравнению с литературой западноевропейской. По его мнению, «расцвет русского романа в XIX веке знаменует новую эпоху в развитии мировой литературы...» (р. 8).

«Произведения русских романистов — от Гоголя до Горького — насыщены такой энергией, такой глубокой пронизательностью и таким неистовством веры, что эта проза соперничает с эпосом и драмой и, как думают некоторые, превосходит их» (р. 18).

Однако, переходя от общих утверждений к конкретному анализу творчества Толстого и Достоевского, Стейнер оказывается в плену обветшавших декадентско-идеалистических представлений о путях развития русской литературы.

Об этих представлениях можно судить по следующим, например, методологическим предпосылкам автора: «Обращение к богу, сознание его страшной близости к жизни души — вот основа и средоточие искусства русских писателей» (р. 244). «Искусство Толстого и Достоевского было религиозным. Оно родилось в атмосфере, пропитанной религиозными переживаниями, и верой в то, что Россия призвана играть выдающуюся роль в наступающей мировой катастрофе» (р. 43). «От „Мертвых душ“ до „Воскресения“ русская литература отражает ожидание катастрофы, наступление конца света» (р. 44) и т. д. и т. п.

В центре второй главы находится сопоставление творчества Толстого с древним эпосом Гомера. Сопоставление это лишено исторической конкретности и носит весьма поверхностный характер. В результате, со страниц книги Стейнера встает упрощенный и архаизированный образ некоего идиллического патриарха. Стейнер не выявил принципиального новаторства Толстого как эпического писателя нового времени.

Во второй главе творчество Толстого сопоставляется также с искусством Флобера. Вслед за М. Арнольдом и другими западными критиками Стейнер признает преимущества реализма Толстого по сравнению с методом Флобера.

Любопытны музыкальные аналогии критика, который находит в «Анне Карениной» эффекты контрапункта и гармонии в развитии двух основных линий. Первая прелюдия — Облонский. «Там возникают мотивы, которые повторяются, усилившись, позднее<...> Но главное — это впечатление множественности тем, подчиненных движущемуся импульсу великого замысла. Метод Толстого полифоничен, но гармонический склад господствует, и главные темы развиваются с необыкновенной полнотой и ясностью» (р. 69).

Как и многие другие зарубежные литературоведы, Стейнер обходит молчанием социально-критическую проблематику творчества Толстого. Исключение составляют замечания о драматургии Толстого. «Если рассматривать пьесы Толстого в одном ряду с произведениями Гауптмана, Ибсена, Голсуорси, Горького и Шоу, то окажется, что интерес их состоит, главным образом, в содержании, в изображении „дна“ и в яростном социальном протесте. Но на самом деле их значение выходит далеко за пределы натуралистической драмы; они по-настоящему экспериментальны, подобно поздним вещам Ибсена» (р. 127). Особенно высоко Стейнер оценивает «Власть тьмы»: «Я не знаю другой драмы в западной литературе, где так убедительно и правдиво воспроизводилась бы деревенская жизнь» (р. 128).

Третья глава монографии посвящена сопоставлению творчества Толстого и Достоевского, которое разворачивается в весьма традиционных рамках. Автор «Братьев Карамазовых» рассматривается, в основном, как антипод Толстого.

Общность двух великих русских писателей Стейнер находит в якобы религиозном характере их творчества:

«Толстой и Достоевский были религиозными художниками, как строители храмов и как Микеланджело, когда он расписывал Сикстинскую капеллу, воплощая свое понимание вечности. Ими владела идея бога, и вся их жизнь была подобна пути в Дамаск. Мысль о боге, загадка божества томила их неотступно, безжалостно, не давая покоя. В своем напряженном и горделивом смирении они считали себя не просто сочинителями книг, писателями, а проповедниками, пророками, взывающими в ночи» (р. 240).

Однако Стейнер не принимает религиозных взглядов Толстого, всецело сведенных к вопросам морали — социальной и личной. В конце книги он с осуждением пишет о Толстом — религиозном мыслителе, мечтавшем не о «царствии небесном», в которое не верил, а о «построении царства божия на земле». Толстой-мыслитель с его социально-этическим максимализмом внушает Стейнеру страх как непосредственный предшественник русской революции.

В 1961 г. в Техасе вышла небольшая книга «Толстой — художник и гуманист», принадлежащая перу американского автора чешского происхождения Э. Мичека, в молодости лично знакомого с Толстым (Edward Míček. Tolstoy, the Artist and Humanist. Impressions and Evolution). Книга состоит из серии популярных очерков, освещающих

разные стороны жизни и деятельности писателя (Толстой в Ясной Поляне; Толстой и Ганди; Толстой и Репин; последние годы жизни писателя; физический труд в жизни Толстого). Не лишены интереса воспоминания Мичека о его беседах с Толстым и Д. П. Маковицким. Мичек подчеркивает в своей книге органическую связь писателя с русским крестьянством, его постоянное стремление оказывать реальную помощь народу. В уходе Толстого из дому Мичек, в отличие от многих зарубежных авторов, видит не трагедию, а «триумфальное завершение» моральной эволюции писателя и всей его жизни.

* * *

За несколько месяцев до толстовской годовщины в США вышел специальный номер «Russian Review» (1960, vol. 19, IV, № 2), посвященный русскому писателю.

В этом номере журнала, известного своим антисоветским направлением и обслуживаемого, в основном, русскими белоэмигрантами, наиболее полно и концентрированно отразились современные реакционные концепции мировоззрения и творчества Толстого.

Центральное место в номере заняли статьи, посвященные Толстому — религиозному проповеднику. «Толстой — апостол-крестоносец» называется работа литературоведа из ФРГ *Р. Фюлеп-Миллера*, представляющая собой набор старых, давно бытующих в идеалистической критике мифов о «святом из Ясной Поляны».

«Когда мы ищем святых на Востоке, мы встречаем богатого индийского принца Сиддхарту, ставшего Буддой; когда мы ищем их на Западе, мы находим тщеславного и распутного ритора Августина, мота и гуляку Франциска, честолюбивого испанского офицера Игнатия Лойолу, которые переменили свою жизнь и сделали себя святыми, преисполненными понимания, любви и силы воли. Когда же мы изучаем жизнь Толстого, то становимся свидетелями обращения одного из величайших чувственных художников, отрешившегося от своего искусства, чтобы стать яснополянским святым» (р. 99).

Вопреки общеизвестным фактам творческой биографии писателя, Фюлеп-Миллер пытается уверить читателей, что после своего «обращения» Толстой занимался только тем, что «тачал сапоги, косил, читал крестьянам вслух жития святых, а если и сменял иногда косу на перо, то лишь чтобы писать религиозные трактаты» (р. 100). Автор отделяет мировоззрение Толстого от его искусства и пишет о «двух Толстых», будто бы не имевших между собой ничего общего — «Толстом-художнике, для которого искусство было всем, и Толстом-апостоле, отрешившемся от своей славы и призвания» (р. 100).

Ложное истолкование взглядов Толстого (критик договаривается, например, до того, что объявляет его певцом и апологетом войны в «Севастопольских рассказах» и «Войне и мире» — р. 105) сочетается с непониманием природы толстовского художественного реализма. Повторяя Д. С. Мережковского, Фюлеп-Миллер утверждает, будто высшим достижением Толстого в искусстве было изображение биологического человека. «Для Толстого-художника реальность жизни заключалась в биологической природе. В плоти и в мире собственности, поставленном на службу плоти, для него кроется тайна человеческого существования» (р. 101).

В том же номере журнала напечатана статья *А. Л. Толстой* «Толстой и русские крестьяне», в которой сложные идейные искания писателя сведены к проповеди идей христианского непротивления и смирения. Ложное истолкование творчества Толстого сочетается в статье с антисоветскими выпадами. От рассуждений о «смирненном и богобоязненном русском крестьянстве» эпохи Толстого автор обращается к современности, для

того, чтобы сделать утверждение о «преданности русских крестьян вере в бога и учению Христа, несмотря на сорок два года советской власти».

Статья *Ф. Степуна* «Религиозная трагедия Толстого» содержит критику религиозных взглядов Толстого с позиций православной церкви.

Так же как многие другие буржуазные критики (например, *П. Эмманюэль*), Степун обвиняет Толстого «в дилетантском и вздорном бунте против догм христианской религии и церкви» (р. 163). Религиозная трагедия Толстого, «полный хаос, к которому он пришел в конце жизни», — утверждает реакционный критик, — явились следствием отступления писателя от истинного христианства. «Толстому не удалось быть христианином, потому что истина, за которую он стоял, была не истина Христа, а его собственная» (р. 169)*.

Обзорная статья *Г. Струве* «Толстой в советской критике» (*ibid.*, р. 171—186) направлена против ленинской концепции творчества Толстого и советского литературоведения, целиком принимающего эту концепцию (разбор этого выступления напечатан *К. Н. Ломуновым* и *Б. С. Мейлахом* в «Лит. наследстве», т. 69, 1961, кн. 1-я, стр. 188—190).

О межкультурных связях и влиянии Толстого говорится в статьях *М. Слонима* «Четыре западноевропейских писателя о Толстом» (где собраны высказывания Дж. Честертона, Дж. Б. Шоу, Р. Роллана и Т. Манна) и *Я. Лаврина* «Толстой и Ганди».

В отличие от работ, о которых говорилось выше, статья Лаврина, содержащая сопоставление моральных и общественно-политических взглядов Толстого и Ганди, представляет определенный интерес. Лаврин справедливо подчеркивает коренное различие между характерами Толстого и Ганди. «Богатая и полнокровная в самом языческом смысле личность Толстого была полной противоположностью прирожденному аскету Ганди. Его инстинктивная страстная любовь к жизни проявлялась и утверждалась помимо и, пожалуй, вопреки всякой философии» (р. 133). Лаврин указывает также на разное отношение Толстого и Ганди к государству и государственным учреждениям. «Толстой — христианский анархист не желал признавать никаких организаций, ни правительственных, ни политических, ни патриотических. Он рассматривал их все как средства разобщения людей и поэтому считал их противоречащими закону совести <...> Ганди же отвергал не всякое правительство, а только дурное».

Крайне упрощенно изображает Лаврин положительную программу Толстого в области общественного устройства, утверждая, будто русский писатель призывал «целиком отбросить цивилизацию, основанную на неравенстве и несправедливости, смыть ее дочиста и установить какое-то бесформенное и неподвижное первобытное общество».

Вызывает возражение и попытка Лаврина отрицать непосредственное влияние Толстого на Ганди (влияние это, как известно, признавал сам Ганди).

Лишь одна небольшая статья посвящена художественному творчеству писателя. *Г. Адамович*, автор статьи «Толстой как художник», видит в Толстом «величайшего реалиста мировой литературы». «Только два писателя — Толстой и Шекспир, — утверждает критик, — действительно знали человеческое сердце и умели изображать людей». Однако, характеризуя особенности мастерства Толстого, Адамович почти не уделяет внимания глубокому социальному смыслу его реализма, рассматривает творчество великого писателя в отрыве от исторической действительности.

В журнале помещены также воспоминания известного иллюстратора

* Ту же тему Степун подробно анализирует в одном из трех очерков, входящих в книжку «Достоевский и Толстой. Христианство и социальная революция» (Stepun F. Dostoewsky und Tolstoi. Christentum und soziale Revolution. 3 Essay. München, 1961, S. 80—156)

Толстого *Л. О. Пастернака*. Художник живо передает свои впечатления от встреч с Толстым на выставке передвижников в 1893 г.

Немногие интересные материалы, опубликованные в толстовском номере «*Russian Review*», не могут изменить воинствующе-реакционного характера этого сборника. Апология толстовства сочетается здесь с догматической критикой «бунта» Толстого против церкви, а художественное творчество великого реалиста извращено в духе Мережковского и заслонено тенденциозно-односторонними толкованиями учения Толстого.

* * *

К пятидесятой годовщине смерти писателя нью-йоркское издательство «*Liberal Arts Press*» переиздало трактат Толстого «Что такое искусство?» в переводе Э. Моода.

* * * *

Чествование памяти Толстого отдельные представители американской модернистской критики использовали для нового «низвержения» писателя, для критики его идейно-эстетических взглядов и творчества.

«Смерть Ивана Ильича» привлекла к себе в дни юбилея наибольшее внимание американской критики. Помимо статьи Э. Васиолека «Смерть Ивана Ильича» и эстетический императив Генри Джеймса («*Modern Fiction Studies*», 1960, vol. 6, № 4, p. 314—324) назовем работу Т. Печ-масс «Проблемы любви и смерти в повести Толстого „Смерть Ивана Ильича“» («*American Slavic and East European Review*», 1961, vol. XX, № 1, p. 72—83), в которых проявилась характерная тенденция буржуазной критики — видеть в Толстом художника-метафизика, целиком поглощенного «вечными вопросами» и прежде всего проблемой смерти.

Если одни американские авторы были заняты «ниспровержением» эстетики Толстого, то другие, напротив, пытались опереться на его взгляды, предварительно извратив их до неузнаваемости. Примером может служить статья профессора риторики Калифорнийского университета Д. Гейгера «Толстой — защитник чистого искусства» («*Journal of Aesthetics and Art Criticism*», 1961, vol. 20, № 1).

Вопреки общеизвестным фактам, Гейгер утверждает, что вплоть до идейного кризиса конца 1870-х — начала 1880-х годов Толстой стоял на позициях защитника чистого искусства, и в подтверждение этого ссылается на одиннадцатую и двенадцатую главы пятой части «Анны Карениной», где изображен художник-реалист Михайлов и показан самый процесс его творчества. «Если этот отрывок и не является формальной защитой чистого искусства, то, во всяком случае, он может служить обоснованием искусства для искусства», — заявляет Гейгер и утверждает, будто в этих главах Толстой стремился доказать следующее: «Хороший художник пишет то, что видит, и в этом его нравственность», а цель искусства — «служить проникновению в основную природу отдельных явлений, проникновению, свободному от всякой тенденциозности».

В 1961 г. была издана книга «Религия от Толстого до Камю» («*Religion from Tolstoy to Camus. Selected with an introduction and prefaces by Walter Kaufmann*». New York), представляющая, по замыслу его составителя У. Кауфмана, сборник произведений религиозных мыслителей. Первое и важнейшее место в сборнике отведено Толстому, который рассматривается американским исследователем как крупнейший религиозный писатель современности. В качестве образцов религиозных произведений в сборнике печатаются «В чем моя вера», «Смерть Ивана Ильича», «Много ли человеку земли нужно» и на определение «Ответ Синода...».

В обширной вступительной статье Кауфман пишет: «То, что Толстой был великим писателем и человеком, несравненно более крупным, чем все богословы XX века, — бесспорно и не ново. Внимания заслуживает более смелое утверждение, что он сыграл большую, чем все они, роль в истории

религии за рассматриваемый период»<...> «Вот почему его имя поставлено в названии книги и ему отводится в ней больше всего места» (р. 1).

Присоединяясь к многочисленным критикам, возвеличивавшим роль Толстого-проповедника, Кауфман вместе с тем по-своему трактует его значение и влияние в этой области. Он признает, что религиозно-публицистические произведения Толстого не оказали сколько-нибудь существенного влияния на широкие массы читателей, поскольку их обычно „оставляют непрочитанными“» (р. 2), и с явным сожалением констатирует: «Мир принял чрезвычайно доброжелательно автора „Войны и мира“, но далеко не доброжелательно — позднего Толстого. Отношение большинства читателей и критиков к поздней прозе Толстого может быть резюмировано словами из „Анны Карениной“: „Он не хотел видеть и не видел<...>, не хотел понимать и не понимал“».

Кауфман заявляет, будто именно в своих знаменитых романах и повестях Толстой выступил как «великий религиозный писатель», оказавший огромное влияние на современного человека. В бессмертных реалистических романах Толстого Кауфман видит прежде всего «религию в форме художественных историй», красочные иллюстрации к религиозным идеям писателя. Так, идейное содержание романа «Анна Каренина» он сводит к теме «ложной веры» (р. 4), а значение романа «Воскресения» — к стремлению автора «пересмотреть наши взгляды на мораль и религию».

«За чрезвычайно редкими исключениями,— замечает автор,— религия особенно действенна, когда она излагается в таких произведениях, которые заставляют читателя задуматься о смысле жизни. Это справедливо не только в отношении Ветхого и Нового заветов, но также в отношении Толстого».

Превратив Толстого-художника в иллюстратора своих религиозных идей, Кауфман в то же время изображает его чуть ли не отцом современного экзистенциализма. Он утверждает, что напряженный интерес Толстого к проблемам смерти, «частое обращение к теме самообмана и обмана других», «ссылки на страх и тоску» предвосхищают творчество экзистенциалистов. В частности, Кауфман отмечает влияние Толстого на известного идеолога экзистенциализма М. Хайдеггера. По мнению критика, произведение Хайдеггера «Бытие и время» («Being and Time») представляет собой, в сущности, комментарий к «Смерти Ивана Ильича» (р. 8). Подробно эта мысль развивается в другой книге того же автора «The Faith of a Heretic» («Религия еретика»), одна из глав которой посвящена анализу «Смерти Ивана Ильича».

Составитель антологии особенно подчеркивает влияние Толстого на творчество близкого экзистенциализму писателя Камю. «Камю имел смелость,— утверждает автор,— принять наследие Толстого, тогда как никто другой не отважился предстать перед миром в качестве его наследника». „Чума“ Камю — это посмертное дитя „Смерти Ивана Ильича“.

Сближение творчества Толстого и экзистенциалистов не может не вызвать резкого возражения.

Обращение некоторых писателей-экзистенциалистов к творчеству Толстого и их попытка тенденциозно истолковать его творчество не только не делает их последователями великого писателя, но подчеркивает пропасть, существующую между ними.

Проникнутое жизненным и верой в человека творчество Толстого по своим основным идейным устремлениям противоположно экзистенциализму с его концепцией абсурдности мира и безысходного пессимизма. Интерес Толстого к изображению смерти никогда не переходил в отрицание смысла человеческого существования, в культ хаоса и небытия. Описание предсмертных переживаний героев (это не раз отмечалось в критике) помогало великому писателю глубже обнажить лживые моральные и социальные устои общества (как в «Смерти Ивана Ильича») и способствовало утверж-

дению моральной силы и духовной ценности человека. Мотив самообмана и отрицание смысла жизни, присутствующие в ряде произведений Толстого, связаны прежде всего с отрицанием бессмысленной жизни правящих классов — жизни «паразитов», как называл ее Толстой.

В книге Кауфмана, как мы видим, соседствуют старые и новые теории буржуазного литературоведения, по-разному искажающие творчество великого русского писателя.

В 1960 г. в США вышло переиздание известной биографии Толстого Э. Симмонса («Leo Tolstoy by Ernest Simmons»).

В заключение отметим, что 15 февраля 1961 г. в нью-йоркском театре «Maidman Playhouse» была показана в концертном исполнении «Крейцеров соната». Роли Позднышева и его жены исполняли английские чтецы — артисты Р. Лавел и Х. Уот.

Судя по отзывам критики, этим актерам удалось донести до зрителей обличительный пафос повести.

ФРАНЦИЯ

Из всех стран мира (за исключением Советского Союза) пятидесятилетие со дня смерти Толстого наиболее широко отмечалось во Франции. Для проведения толстовской годовщины был создан подготовительный комитет, в который вошли известные писатели и ученые: А. Моруа (председатель), А. Мазон и Э. Энрио.

Торжественное чествование памяти Толстого, организованное Парижским университетом совместно с Французской академией, состоялось в Сорбонне 28 января 1961 г., т. е. через два месяца после памятной даты. Заседание проходило под председательством члена Академии А. Моруа; среди многочисленных участников были представители министерств и посольств, в том числе советского, внуки Толстого и один из последних секретарей писателя — В. Лебрен. «Зал на восемьсот мест едва вмещал собравшихся, число которых превышало тысячу», — писал корреспондент газеты «Figaro Littéraire» (4.II 1961).

Участников заседания приветствовал ректор университета Ж. Сарай, рассказавший о том, как почитают великого русского писателя во Франции и как изучают его творчество в Парижском университете. С докладом о жизни и творчестве Толстого выступил А. Моруа, охарактеризовавший Толстого как самого пронизательного и великого реалиста в мировой литературе, могучего и искреннейшего мыслителя. «Это вовсе не „чуждый гений, славянская душа“, как часто говорят. Как раз наоборот: все творчество Толстого прямо и непосредственно доступно нам<...> Его гениальность — в истинной общедоступности. Толстой — это общий разум, не знающий преград в мире<...> Читая его, словно путешествуешь вместе с ним по родной всем нам стране<...> Университет никогда не забудет, насколько обязаны Толстому современные французские писатели и мыслители».

Писатель Ж. Геенно посвятил свое выступление «Толстой и внутренняя жизнь» облагораживающему влиянию творчества русского писателя, которое «пробуждает в нас понимание подлинных ценностей, будит и потрясает нас, не позволяя нам быть фарисеями, предаваться фарисейскому самодовольству и спокойствию <...> Кажется, единственная религия, которую можно извлечь из всего его творчества, из всей его жизни, — это религия единения людей...»

Геенно подчеркнул глубочайшую искренность Толстого и неумимость его душевных исканий, сближающих его с Руссо и Ролланом, показал актуальность его идейных заветов, которые «заставляют нас со всей ответственностью задуматься над тем, как повседневно служить общему всем людям делу свободы и мира».

Заседание завершилось просмотром документального биографического фильма.

Подробный отчет о торжественном собрании в Сорбонне дан А. Мазоном в статье «Пятидесятая годовщина со дня смерти Толстого, отмечавшаяся в Сорбонне 28 января 1961 г.» (*Annales de l'Université de Paris*, 1961, № 2, IV—VI, p. 141—150).

В Национальной библиотеке ко дню юбилея была организована большая выставка, посвященная жизни и творчеству Толстого. На ней экспонировались ценные документы и изобразительные материалы, предоставленные Лувром, Версальским музеем, парижским Институтом славистики, отдельными собирателями, а также рядом музеев и библиотек Советского Союза, в первую очередь Музеем Толстого в Москве. Значительное место на выставке, естественно, занимали материалы из фондов самой Национальной библиотеки. Экспозиция состояла из пяти разделов, из которых четыре освещали основные этапы жизненного и творческого пути писателя, а пятый был посвящен театру Толстого.

На выставке была богато представлена иконография Толстого, первые издания его произведений и первые переводы их на французский язык, а также фотокопии его рукописей. Довольно полно отражены были отношения Толстого с французскими писателями, в частности экспонировался подлинник известного письма Флобера к Тургеневу от 21 января 1880 г. с отзывом о «Войне и мире». Но некоторые важнейшие темы идейной и общественно-политической биографии Толстого, а также связь писателя с народом и взаимоотношения Толстого с царским правительством были представлены на выставке далеко не полно.

Пятый раздел содержал богатую коллекцию фотоснимков, иллюстрирующих постановки пьес Толстого и инсценировки его романов в советских и французских театрах.

На большом стенде были собраны данные о распространении произведений Толстого в Советском Союзе.

К открытию выставки был издан подробный, богато иллюстрированный каталог с предисловием директора Национальной библиотеки Ж. Кэна и со статьей Софи Лаффит «Толстой и французская литература» (*Léon Tolstoï. Exposition organisée pour le cinquantenaire de sa mort. Catalogue. Paris, 1960*).

Выставка, главным организатором которой была Софи Лаффит, получила высокую оценку в парижской печати.

«Впервые французская Национальная библиотека подобным образом ознаменовала память русского писателя», — отмечал критик И. Монс в «*Etudes Soviétiques*» (1961, № 155, II, p. 80—83).

* * *

Три французских периодических издания — еженедельные газеты «*Lettres Françaises*», «*Nouvelles Littéraires*» и ежемесячник «*France — URSS*» провели осенью 1960 г. литературные анкеты о Толстом. На них отозвалось двадцать три писателя разных поколений.

Особый интерес представляют ответы, собранные прогрессивным еженедельником «*Lettres Françaises*» на вопрос «Каково значение Толстого для современных писателей?».

На протяжении двух месяцев на страницах этой газеты выступили многие французские писатели. Их серьезные статьи менее всего являлись формальной «юбилейной» данью Толстому.

Для писателей-реалистов А. Моруа, А. Лану, Ф. Эриа, Э. Энрио, П. Декса, П. Гаскара и других Толстой — великий художник, наиболее полно и гармонично воплотивший в своем творчестве те традиции гуманизма,

народности и реализма, без которых не может развиваться современная прогрессивная литература (статью А. Моруа см. на стр. 218—220 кн. 1-й наст. тома).

Теперь, когда на страницах французской буржуазной печати ведется настойчивая кампания против литературы как средства познания и отражения жизни, эпические традиции искусства Толстого привлекли особое внимание прогрессивных писателей Франции.

Э. Энрио и М. Дрюон, Ф. Эриа и П. Декс в своих статьях подчеркнули значение «Войны и мира» как романа-эпопеи, отобразившего жизнь во всей сложности, многообразии и полноте. «Роман этот,— писал Э. Энрио,— сам по себе целый мир; он остается для меня образцом того, чем должен и чем может быть настоящий роман, а именно — средством схватить жизнь и воспроизвести ее во всей целостности: характеры, стремления, верования, идеи, страсти, чувства, историю, нравы, обычаи, пейзажи, природу, конфликты, бег времени и образ живого человека<...> Герои Толстого: Вронский, князь Андрей, добрый мечтатель Пьер, Левин, Анна и Наташа — родные и близкие мне люди» («Lettres Françaises», 22—28.IX 1960).

Сходные мысли высказал и писатель П. Гаскар, по мнению которого Толстому «впервые в истории литературы удалось до такой степени раздвинуть границы романа <...>, создать художественную правду, которая соревнуется и сплетается с правдой исторической».

Особую заслугу Толстого Гаскар видит в его способности «передавать движение истории, делать своих героев подлинно историческими лицами, живущими во времени, которое для нас не останавливается».

Мастерство Толстого в изображении характеров, полных жизненной силы и конкретности, Гаскар связывает с идейной позицией писателя, который в своем творчестве никогда не был бесстрастным наблюдателем. «Только нравственная причастность к историческим событиям может придать персонажам художественного произведения ту жизненность, полноту и характерность, которые отличают героев „Войны и мира“» (ibid., 8—14.IX).

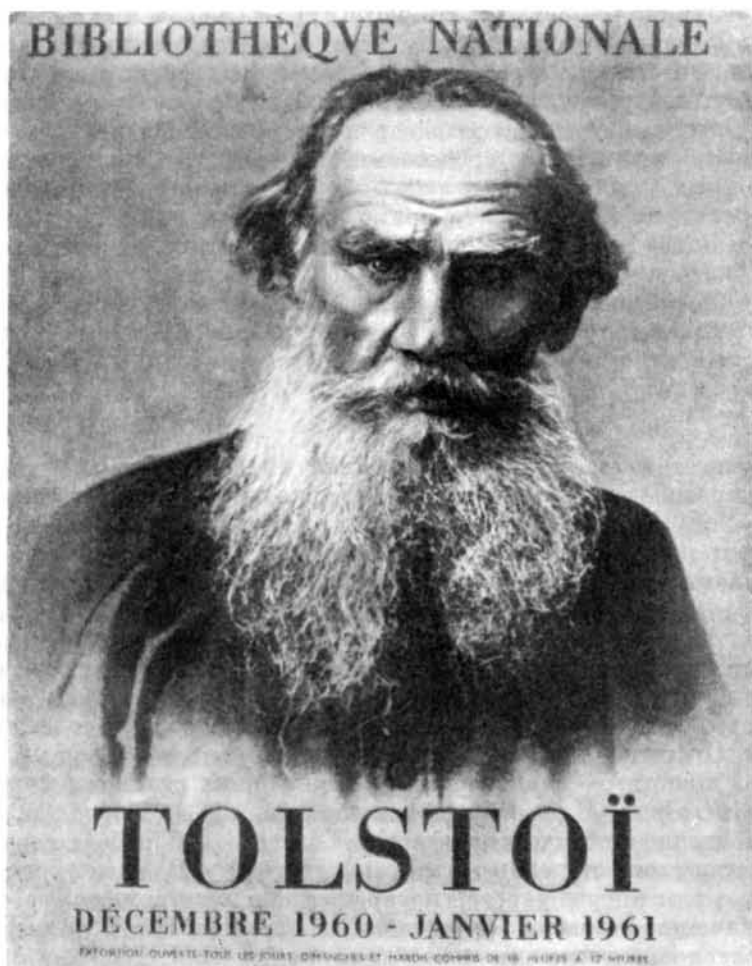
А. Лану и П. Декс подчеркнули в своих выступлениях связь могучей эпической формы произведений Толстого с основами его мировоззрения — народностью и гуманизмом. Их статьи — живое свидетельство того, что и сейчас эстетические заветы Толстого воодушевляют прогрессивных французских писателей в борьбе против новейших разновидностей модернизма. Опираясь на эстетические заветы Толстого, Лану в статье «Капризничающие дети» показал идейно-художественную несостоятельность современной литературы, «в которой нет ничего, кроме изображения мучительных сложностей внутреннего мира персонажей и формальных находок...»

«Урок, который нам может дать пятидесятая годовщина смерти Толстого,— заканчивает свою статью Лану,— это, в первую очередь, предостережение формалистам. Толстой дает нам урок величия, богатства содержания, гуманности, прекрасный урок единения гения с народом» (ibid., 1—7.IX).

Многие литераторы, ответившие на вопрос «Lettres Françaises», отмечали близость героев Толстого современным людям. Особенно ярко мысль об актуальности произведений Толстого выражена в статье прозаика М. Дрюона (о котором см. на стр. 174 — 183 кн. 1-й наст. тома).

Наряду с известными писателями-реалистами, в анкете «Lettres Françaises» приняли участие представители модернистской литературы — создатели теории «нового романа» — Натали Саррот, М. Бютор и другие.

В противоположность большинству участников анкеты, для этих писателей Толстой — лишь великий художник прошлого, чье искусство безнадежно устарело, а герои утратили всякий интерес. «Видеть в наше время в творчестве Толстого образцы романа (и это не только после старых

АФИША ВЫСТАВКИ, ОТКРЫТОЙ К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ТОЛСТОГО
В НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ (ПАРИЖ). ДЕКАБРЬ 1960 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

мастеров Флобера и Достоевского, но и после Джойса, после Пруста и Фолкнера) значит, по-моему, — говорит Саррот, — противостоять всякому движению вперед, парализовать все искания, идти против течения всей живой современной литературы». Отрицая значение традиций Толстого, Саррот, как и многие другие модернисты, противопоставляет ему Достоевского, привлекающего ее болезненно-ущербными сторонами своего творчества.

Чтобы «развенчать» Толстого, Саррот предложила читателям проделать фантастический эксперимент — «коснуться этого спокойного, ясного, такого гармоничного и уютного мира скальпелем Достоевского, взглянуть в любого героя Толстого так, как всматривался в своих героев Достоевский, и тогда пропадут спокойные и гармоничные контуры, привычный нам „живой“ образ исчезнет, распадется, исказится и превратится в странную, нелепо дергающуюся марионетку <...>, в которой мы найдем неведомую реальность, истинную и доступную нам, в отличие от мнимой реальности произведений Толстого».

Выступления Саррот и Бютора (*ibid.*, 29.IX — 5.X) вызвали отповедь со стороны писателя-коммуниста, *П. Декса*, который подвел итоги дискуссии. Он отметил серьезный интерес многих французских писателей к Толстому, подчеркнул огромное значение для современности творчества Толстого, который учит нас мыслить и бороться и свидетельствует о возможности творить историю средствами искусства. Декс заметил при этом, что навряд ли у современных западных сторонников метода социалистического реализма можно найти прямое использование толстовских форм: «Арагон и Эльза Триоле, Халдор Лакснесс и Бертольт Брехт нашли каждый свои приемы, свои средства, но<...> различие между „Войной и миром“ и „Коммунистами“ состоит не в писательской технике, как и не в изменившихся методах ведения войны, а в философском подходе, в умении схватить действительность в ее целостности» (*ibid.*, 10—16.XI 1960).

* * *

«Оказывает ли еще Толстой влияние на французских романистов?» Такой вопрос был поставлен редакцией другого литературного еженедельника — «*Nouvelles Littéraires*».

На этот вопрос ответило девять писателей разного возраста. Почти все они заявили, что видят в Толстом не только великого художника прошлого, но и своего непосредственного литературного учителя. «Самое решительное влияние, — заявил *М. Дрюон*. — Я почти уверен даже, что именно чтение произведений Толстого внушило мне желание писать романы» («*Nouvelles Littéraires*», 1960, 22.XII). «То немного, чем я являюсь, не существовало бы без „Войны и мира“, „Крейцеровой сонаты“, „Воскресения“. Открытие Толстого было величайшим литературным потрясением моей юности», — заявил один из крупнейших реалистов современной Франции *Ф. Эриа*. Член Французской академии *А. Труайя* подчеркнул значение идейно-эстетических заветов Толстого в борьбе с современным формалистическим и декадентским искусством. «В наше время, когда литература стоит перед угрозой превращения в пустую игру ума, изощренное трюкачество и эпатаж буржуазии, возвращение к Толстому мне кажется безусловно разумным и необходимым...» (*ibid.*).

Разумеется, далеко не всякому писателю, считающему себя учеником Толстого, удавалось в своем творчестве стать продолжателем его традиций. Любопытно в этом смысле признание *Ф. Мориака*: «„Война и мир“ и „Анна Каренина“ значили для меня в дни моей молодости более, чем другие романы. Я могу лишь констатировать, что, тоскуя по длинному роману, который был бы „целым миром“, подобно „Войне и миру“, я писал только короткие» (*ibid.*).

Многие современные писатели (*А. Труайя*, *Р. Икор*, *Ф. Эриа*, *Ж. Кессель* и др.), так же как их предшественники, с благодарностью отмечают «высокую человечность» Толстого. Существенно, что эти писатели отнюдь не связывают высокий нравственный авторитет писателя с его религиозной философией.

Так, *П. Гаскар* признал влияние на него «великодушия и гуманизма» Толстого, толстовской мысли, «освобожденной от деизма» (*ibid.*).

Интересно также заявление *Р. Икора* о том, что «чтение произведений Толстого помогло ему избавиться от толстовства». «Великие произведения Толстого, — писал Икор, — и в первую очередь „Война и мир“, раскрыли передо мной мир, противоположный мистическим туманностям, классический без сухости, романтический без иллюзий» (*ibid.*).

Подчеркивая значение Толстого-художника, отдельные писатели порой противопоставляли его мировоззрение творческому методу. Однако

в дни толстовской годовщины настойчиво раздались протесты против такого разграничения.

Тот же Икор, критическое замечание которого о «толстовстве» приводилось выше, не просто отбрасывает раздражающую его религиозную философию писателя, но пытается разобраться в ее истоках. «В основе самых сомнительных анархистских и анархо-синдикалистских излияний Толстого лежит любовь к человеку и благородство, а ведь многие из нас утратили к этому интерес», — утверждает он в другой статье («France—URSS», 1960, № 178).

Знаменательно, что из двадцати трех писателей, приславших ответ, не оказалось ни одного, кто, подобно некоторым участникам конференции в Венеции, увидел бы главную заслугу Толстого в утверждении им религиозных идей.

* * *

«Любите ли вы Толстого?» — с таким вопросом обратилась редакция журнала «France—URSS» к десяти молодым французским писателям. Большинство из них утвердительно ответило на этот вопрос.

«Случайно ли я открыл для себя Толстого в такое время, когда мое поколение, прошедшее войну и приученное к скрытности, оказалось не в силах справиться с задачами только что наступившей мирной жизни? Или это было неизбежно по самому ходу вещей? Может быть, Толстой обладает такой властью, такой силой воздействия, что обращение к нему становится необходимым и неизбежным? Во всяком случае, в моих поисках жизненного пути решающую роль сыграла безграничная мощь „Войны и мира“ <...>, величайшего литературного памятника всех времен», — писал *М. Брюзо*.

Элен Пармелен, считая невозможным односложно ответить на этот вопрос, попыталась рассказать о том, какое место занимают произведения Толстого в ее жизни. «„Война и мир“ <...> Я настолько хорошо помню эту книгу, перечитываю ее так часто — во французском переводе, — что скоро смогу читать ее на русском языке, хотя плохо его знаю <...> И не только „Война и мир“. Кажется, я ни разу не прошла тихим полем или лесом, не испытываю ощущения, будто прохожу по описанным в книге Толстого местам охоты, не встречалась со смертью — без мысли об Иване Ильиче и князе Андрее... Если любовь к писателю зависит от того, какое место занимает он в мыслях — раздумьях, воспоминаниях, ассоциациях идей <...> — тогда я люблю Толстого. Но эти слова звучат так же странно, как если бы рыба сказала: „Я люблю море“».

М. Понс писал, что любит Толстого за благородный социальный пафос его творчества, «за то, что он прожил жизнь, как Э. Золя, негодуя против несправедливости и борясь за счастье, за его писательскую щедрость, за мужество перед лицом властей. Его нельзя не любить».

Ответы молодых писателей свидетельствуют о том, что для них (как и для большинства писателей старшего поколения) искусство Толстого является источником живых творческих поисков и плодотворных размышлений. Так, *М. Брюзо*, ответ которого приводится выше, рассуждая о развитии эпических традиций Толстого в современной литературе, признается в своей мечте «написать роман, подобный „Войне и миру“, где бы столкнулись массовые движения нашей эпохи, написать книгу в масштабе континентов, которые станут братьями, в масштабе человека, который уже рождается, в масштабе его страданий и надежд».

Другая молодая писательница, *Ита Гассель*, размышляя о современных приемах лепки художественного образа, также обращается к искусству Толстого («France—URSS», 1960, № 178, IX, p. 36—37).

* * *

Накануне пятидесятой годовщины со дня смерти писателя директор комнаты-музея Толстого при Национальной библиотеке Жаклин де Пруайар сделала интересную попытку проанализировать отношение к Толстому — художнику и религиозному мыслителю — широких кругов современных французов — ученых и предпринимателей, школьников и студентов, жителей столицы и провинции.

В результате соответствующего опроса де Пруайар пришла к следующим выводам.

«Имя Толстого имеет широчайшую известность в современной Франции, известность, просто удивительную для иностранного писателя <...> Для широких масс французов Толстой сегодня — это автор „Войны и мира“ <...> После второй мировой войны, — возможно благодаря демократизации системы образования, с одной стороны, и тому международному значению, которое приобрел Советский Союз, с другой, — Толстой стал известен в тех слоях населения, которые раньше о нем даже не слыхали <...> Толстой — один из самых популярных авторов среди молодежи от четырнадцати до двадцати пяти лет».

Что касается религиозной философии Толстого, то, как показали ответы, «люди старшего поколения, которых Толстой потряс в юности, совсем не знают Толстого — религиозного мыслителя и горячо чтут Толстого — художника-реалиста. Молодые читатели не приемлют исторического фатализма писателя и находят его философию устаревшей».

Таковы материалы четырех литературных опросов, проведенных во Франции в дни пятидесятилетней годовщины смерти писателя. Материалы эти показывают, что глубокое уважение и любовь к личности и творчеству Толстого, которые испытывали французские писатели, еще бывшие его современниками (как А. Франс и Р. Роллан), разделяет и большинство современных писателей.

Многие литераторы сегодняшней Франции заявили о своем стремлении следовать великим традициям искусства Толстого — искусства беспощадной жизненной правды, гуманизма и широких эпических обобщений.

* * *

В отличие от большинства писателей и читателей, увлеченных Толстым — великим художником-реалистом, несколько французских исследователей сосредоточило свое внимание на религиозных исканиях писателя.

Характерна в этом отношении монография Н. Вейсбейна «Религиозная эволюция Толстого» («Evolution Religieuse de Tolstoï». Paris, 1960). Вейсбейн исходит из чисто идеалистической концепции о полной независимости духовного развития писателя от условий общественной жизни. «Каждый мыслитель, каждый философ принадлежит прежде всего самому себе, в нем самом находятся истоки его творчества. Так обстоит дело и с Толстым. Конечно, можно говорить об источниках толстовской мысли, но следует с самого начала понять, что у Толстого, в сущности, есть только один источник — его личность <...> Поэтому можно утверждать, что автор „Исповеди“, „Царства божия внутри вас“ и „Воскресения“ пришел к своим убеждениям не вследствие накопления знаний, усвоения понятий извне, постижения истины или отдельных истин, а лишь благодаря непрерывному самоуглублению и все более близкому общению с собственной правдой» (р. 430—431).

Идеалистическая и антиисторическая концепция, из которой исходил автор, лишила его возможности объяснить важнейшие факты жизни и духовной эволюции Толстого. Так, разрыв писателя с церковью объясняется в книге лишь субъективно-психологическими причинами — его неспособ-

ночью верить в чудеса, загробную жизнь и т. п. В то же время автор не видит важнейших общественных причин, обусловивших этот разрыв (отношения Толстого к церкви как к орудию обмана и эксплуатации народа).

Книга Вейсбейна полемически направлена против критиков, которые сводят «религию Толстого» к этике и видят в религиозных исканиях писателя продолжение его моральных и социальных поисков. По мнению автора книги, «мысль Толстого — это прежде всего мысль религиозная в этимологическом смысле этого слова — в смысле связи, контакта с богом. Его нравственное учение — лишь следствие, вывод из его религиозных взглядов» (р. 464).

Стремясь представить Толстого в роли религиозного метафизика, Вейсбейн подробно анализирует его отношение к таким религиозно-метафизическим проблемам, как вера в чудеса, троицу, бессмертие души. Об этическом же и социальном содержании религиозных исканий писателя говорится лишь в заключительной части монографии.

В конце книги автор пытается доказать, что общеизвестный факт отлучения Толстого от церкви, с возмущением встреченный всей передовой общественностью, «вовсе не означал ни отлучения, ни анафемы, а в сущности, можно сказать, имела место лишь констатация отпадения писателя от церкви, ему было сделано последнее увещание, публичное и торжественное» (р. 374).

Тенденциозным стремлением смягчить непримиримый конфликт Толстого с православной церковью и показать, вопреки фактам, что писатель в последние годы своей жизни встал на путь примирения с официальной религией, проникнута вся заключительная часть книги Вейсбейна.

* * *

Незадолго до годовщины, в 1959 г., во Франции была издана биография Толстого, принадлежащая перу бельгийского писателя Д. Жиллеса (D. Gillès. L. Tolstoï. Paris, 1959). Она принадлежит к тому распространенному за рубежом типу биографий, авторы которых сосредотачивают внимание в основном на событиях личной жизни писателя. Сложная идейная эволюция Толстого, его отношения с современным ему буржуазным обществом и государством в книге Жиллеса освещены весьма слабо.

Рисуя жизнь Толстого после «перелома», Жиллес, так же как Вейсбейн, изображает его человеком, целиком погрузившимся в религию, чуждавшимся всякой иной творческой и общественной деятельности.

* * *

Нельзя не отметить также книгу Софи Лаффит «Лев Толстой и его современники» (Sophie Laffitte. Léon Tolstoï et ses Contemporains. Paris, 1960). Целью автора было «осветить разные грани личности Толстого, показывая его во взаимоотношениях с наиболее выдающимися из его современников» (р. 16).

По своему жанру эта книга полунаучного, полубеллетристического характера. Лаффит монтирует документальные материалы (в работе использовано большое количество писем, дневников, воспоминаний современников) так, что они образуют связное повествование. На основании писем А. А. Толстой (тетки писателя) автор конструирует ее беседы с Достоевским и Н. Н. Страховым о Толстом.

Резкое возражение вызывает концепция личности и творчества Толстого, излагаемая Лаффит во введении. Великого писателя-гуманиста она пытается представить «чудовищным эгоистом и сверхчеловеком», сосредоточенным только на собственной личности, бесконечно далеким от всех людей, даже родных и друзей. «Окруженный славой, почетом, преклонением, он всегда оставался одиноким <...> Целиком сосредоточенный на

идее внутреннего самоусовершенствования, он отдаляется от людей. Впрочем, интересовали ли они его когда-нибудь?» (р. 15).

Из этой же концепции исходит Лаффит, рисуя в последующих главах отношения Толстого с Тургеневым, Достоевским и Чеховым. На протяжении всей работы подчеркивается мысль о духовном одиночестве Толстого, о противоположности его взглядов идейным устремлениям современников. При этом взгляды писателя заметно искажаются. Так, например, Лаффит пишет: «В противоположность Тургеневу, политика не имела над ним никакой власти. Единственное, что его занимало и поглощало, — это невероятная сложность его собственной внутренней жизни<...> Его мировоззрение было совсем иным: грубым, антиобщественным, но высокоморальным и даже героическим» (р. 31—36).

Глава-эпизод «Антитолстовцы Горький и Ленин» целиком построена на вымышленном писательницей диалоге между В. И. Лениным и М. Горьким о Толстом. Глава эта содержит немало путаного и неверного. В ряде случаев писательница вкладывает в уста собеседников суждения, которые они никогда не могли бы произнести. Так, например, в одном из придуманных ею диалогов Ленин оценивает Толстого «как великого художника и упрямого защитника своего класса» (р. 241) *.

* * *

Два крупных французских периодических издания — прогрессивный ежемесячный журнал «Еуроге» и еженедельник «Nouvelles Littéraires» подготовили осенью 1960 г. специальные выпуски, посвященные пятидесятой годовщине со дня смерти писателя.

Журнал «Еуроге», основанный Р. Ролланом и Ж. Р. Блоком, всегда уделял большое внимание изучению творчества Толстого. В 1928 г., когда праздновалась столетняя годовщина со дня рождения писателя, был выпущен специально посвященный Толстому номер журнала, содержащий ценные документальные материалы и статьи о его творчестве (№ 66-67, 15.VII). Полувековую годовщину смерти писателя редакция также ознаменовала выпуском специального номера (1960, № 379-380, XI—XII), который включает статьи и материалы двадцати французских писателей и литературоведов. «Мы гордимся, хотя, может быть, наивно, тем, что сумели собрать в этом номере труды почти всех современных литературоведов Франции, которые заняты исследованием творчества Толстого, университетских ученых, увенчанных лаврами, и начинающих критиков, имена знаменитые и еще малоизвестные», — пишет главный редактор журнала П. Абраам (р. 56).

«Никогда еще писатель не наблюдал человечество столь пронизательным взором, — писал А. Моруа в статье, открывающей номер и озаглавленной «Мой герой — правда». — Бальзак по-своему также велик.

* Ложная концепция личности и творчества Толстого, развитая в книге Лаффит, была доведена до крайности в работе Эме Александр «Миф о Толстом» (Aimée Alex a n d r e. Le Myth de Tolstoï. Paris, 1960). Книга Александр, имеющая подзаголовок «Опыт психологической биографии», искажает духовный облик великого русского писателя. Автор «биографии» пытается убедить читателя, что основными чертами характера Толстого были честолюбие, страх смерти и безжалостное равнодушие к близким и всем людям вообще, а единственным стимулом его идейных исканий и деятельности была «жажда славы»: «Жажда славы была проклятием Толстого, и этой жажде не было утоления» (р. 46) и т. д. Подобные назойливые и бездоказательные утверждения повторяются на всем протяжении книги. Так, автор заявляет, что Толстой покинул университет только потому, что не мог примириться «с положением посредственного студента, затерявшегося в толпе других посредственных студентов» (р. 27); его обращение к вопросам религии опять-таки связывается с «неуемной жаждой славы»; автор пытается всячески принизить Толстого-человека, «обнаруживая» в глубоком гуманизме писателя проявления лицемерия и честолюбия.

Но Бальзак немного искажает и почти всегда преувеличивает действительность. Толстой же изображает именно то, что видит с сияющей свежестью и безжалостной точностью». За статьей А. Мазона «Созидатель собора», дающей высокую оценку «Воскресению», следует статья известного бельгийского писателя Ф. Элленса «Величие и гуманизм», утверждающая значение гуманистических традиций Толстого, чьи произведения укрепляют ум и характер читателя, воспитывают в нем человечность.

Однако не со всеми положениями этой интересной статьи можно согласиться. Ее основной смысл — в резком противопоставлении Толстого-гуманиста Достоевскому, который односторонне рассматривается автором статьи лишь как выразитель болезненно-ущербного направления в литературе. «Между Толстым и Достоевским, — пишет Элленс, — зияет пропасть, подобная образовавшейся в великий век греческой литературы между философами — предшественниками Сократа и софистами, приблизившими период упадка» (р. 20).

После этих статей общего характера «Еигоре» (продолжая традицию, начатую в 1928 г. в выпуске, посвященном столетию со дня рождения писателя) публикует документальные материалы: переписку Р. Роллана с Толстым и запись, извлеченную из неизданного дневника Роллана (1911), о семейной драме Толстого, отрывки из записных книжек (о «Смерти Ивана Ильича» и «Войне и мире») Ж. Р. Блока и его письмо к Р. Роллану от 7 августа 1911 г. (после получения только что вышедшей книги Роллана «Жизнь Толстого»). В этом письме привлекает внимание высокая оценка моральных исканий и нравственного авторитета Толстого для современного мира.

«Еретический евангелизм Толстого, — пишет Блок, — это прекраснейшее проявление человечности за долгие годы. Что остается рядом с ним от болтливости мистицизма Гюисмансов, Коппе, Леонов Блуа <...>, от красивых фраз Ницше? <...> Ваша книга заставила меня понять, что Толстой первый или, по крайней мере, самый могучий из тех апостолов, которые говорили современным языком со страдальцами современного мира» (р. 47).

В записи Блока «О „Войне и мире“» (1941) содержится оценка философии истории Толстого в свете опыта второй мировой войны. В противоположность многим критикам, отрицавшим значение историко-философских идей Толстого, Блок подчеркивает их важность и актуальность.

Отметим, что утверждение главного редактора журнала П. Абраама (брата Ж. Р. Блока), будто вся «переписка основателей журнала с Толстым публикуется впервые», далеко не точно. Письма Р. Роллана к Толстому были впервые опубликованы на русском языке (в отрывках) Л. П. Гроссманом в книге «Собеседник Толстого» (М., 1928) и в «Лит. наследстве» (т. 31-32, 1937, стр. 1008—1010). Письмо, посланное в сентябре 1887 г., было приведено там полностью; письмо от 16 апреля 1887 г. — в сокращенном виде (полную публикацию его см. в кн. 1-й настоящ. тома). Ответное письмо Толстого (от 3 октября 1887 г.) было впервые напечатано по-русски в 1888 г. под заглавием «О ручном труде и умственной деятельности» (журнал «Неделя», № 46).

Следующий раздел юбилейного номера «Еигоре» содержит статьи, характеризующие современную Толстому Россию и обстоятельства жизни писателя. Сюда входят и воспоминания В. Лебрена, знавшего Толстого в последние годы его жизни.

Несколько статей (Софи Лаффит «Толстой и французские писатели», Э. Ларошфуко «Толстой и Валери», Л. Псишари «Гете России» и др.) рассматривают связи Толстого с французами. Псишари стремится показать близость антимилитаристских идей Толстого ко взглядам А. Франса и Ж. Жореса.

В ряде других статей мы находим признание значения Толстого как критика основ буржуазного общества.

Многим работам, опубликованным в «Егоре», присущ историзм, стремление раскрыть творчество Толстого в неразрывной связи с эпохой. В противоположность этому, в статье *Н. Вейсбейна* «Проблемы смерти и любви» творчество Толстого рассматривается абстрактно, безотносительно к тому времени, в которое он жил. По мнению автора, не социальные и моральные проблемы, а страх смерти составлял главное содержание жизни Толстого, начиная с ранней юности. «Можно с уверенностью утверждать, — заявляет Вейсбейн, — что во всем творчестве Толстого доминирует, во-первых, проблема смерти, во-вторых — проблема любви» (р. 202). Даже в таком обличительном произведении, как «Смерть Ивана Ильича», автора статьи интересует лишь клиническая история болезни главного героя, а не то огромное общественное и моральное звучание, которое приобрела под пером Толстого эта тема.

В юбилейном номере «Егоре» мы находим также отдельные статьи о международном влиянии Толстого (*Н. Дончев* «Толстой в Болгарии» и *Л. Задражил* «Толстой в Чехословакии»), сообщение о юбилейной выставке, устроенной в Национальной библиотеке, и, в приложении, краткую хронологию жизни писателя.

* * *

Специальный толстовский номер, богато иллюстрированный репродукциями художественных и документально-фотографических материалов, был подготовлен также литературным еженедельником «Nouvelles Littéraires» (1960, 15.XII).

В обширной статье профессора Дижонского университета *Ш. Корбе* «Судьба свободного человека» описывается творческий путь писателя. В отличие от Вейсбейна и Жиллеса, которые изображают Толстого в последний период его жизни каким-то ушедшим в себя религиозным отшельником, Корбе дал верную характеристику этого периода творческой и общественной деятельности писателя. «Роман „Воскресение“<...> — свидетельство прямого вмешательства Толстого в самые жгучие вопросы современности<...> Великий поборник непротивления вступил теперь в фазу борьбы против всех сил традиции и реакции. Его методы борьбы были противоположны методам социал-демократии, но он помог последней своей критикой общества, опиравшейся на авторитет первого писателя земли русской» («Nouvelles Littéraires», 1960, 15.XII).

Под рубрикой «Неизданные документы» помещены письма Толстого к *Т. А. Ергольской* (от 12.I 1852 г.) и к *О. Мирбо* (от 30.IX/13.X 1903 г.). Редакция допустила неточность: оба письма напечатаны в Полном собрании сочинений Толстого (т. 59, стр. 159 и т. 73, стр. 194). В этом и следующем номере опубликованы отрывки из воспоминаний о Толстом *В. Лебрена* «Глазами секретаря» (ibid., р. 9).

Отношению Толстого к русскому крестьянству и литературным связям писателя со своими предшественниками посвящена статья *А. Мазона* «Помещик и крестьяне». Автор видит в Толстом продолжателя лучших традиций русской литературы в изображении народа. По мнению Мазона, мысль о рабском существовании и нищенских условиях жизни народа, «начиная с середины XVIII века вплоть до революции 1917 г. не переставала тревожить лучших людей из дворян: Радищев в „Путешествии из Петербурга в Москву“, Гоголя в „Мертвых душах“, Тургенева в „Записках охотника“, Некрасова в поэме „Мороз, Красный нос“ и множестве других стихотворений, Салтыкова в „Письмах из провинции“ и сатирических произведениях, Толстого — постоянно, на протяжении всего его творчества и всей его жизни, состав-

ляющих единое целое. Отношение к этому у разных писателей было разное: трезвое на манер Лабрюйера у Радищева, сочувственное и чудесно-живое у Тургенева, язвительное и в то же время человеческое у Гоголя, неотступно мятежное у Некрасова, безжалостно-суровое у Салтыкова, у Толстого — просто правдивое, серьезное и волнующее». Мазон прослеживает жизненный путь Толстого, выделяя те этапы (участие в Севастопольской кампании, работа в яснополянской школе), на которых Толстой глубже постигал жизнь народа. Статья Мазона представляет особый интерес как одна из немногих работ современных французских исследователей, где говорится о взаимоотношениях Толстого с народом (*ibid.*, p. 7).

Журнал уделил также внимание связям Толстого с французской литературой, поместив статьи Г. Баяра «Толстой и Франция» (p. 9) и М. Окутюрье «Искусство на службе жизни» (p. 10). Особенный интерес представляет статья Окутюрье, который полемизирует с исследователями, утверждавшими, будто творчество Достоевского больше повлияло на французскую литературу, чем творчество Толстого. «Влияние Достоевского легко распознается, влияние Толстого менее очевидно, но, быть может, более решительно. Там, где Достоевский захватывает сразу, Толстой побеждает без насилия, почти незаметно для читателя. Ныне необязательно читать Толстого, чтобы оказаться в числе его последователей. Приемы, которые он ввел в литературу, теперь входят в основу современной техники романа».

К числу этих приемов художественного изображения, которым Толстой положил начало, критик относит «внутренние монологи, освещающие поток сознания и выявляющие тот непрерывный процесс внутренней жизни, который Чернышевский и назвал диалектикой души; эпическую композицию — просторную и медлительную, соответствующую движению самой жизни, а не ускоренному темпу драмы; детальнейшие описания и обилие точных и конкретных подробностей<...>, умение раскрыть душу героя через жесты, обыкновенные, повседневные разговоры и, в то же время, умение использовать тончайшие оттенки, едва заметные улыбки и движения глаз, обрывки фраз, вырвавшихся во сне или в бреду, произнесенных бессознательно и некстати».

Признавая, что в настоящее время некоторые из этих приемов утратили свою новизну, Окутюрье вместе с тем утверждает, что с Толстым до сих пор никто не может сравниться по разнообразию художественных средств, содержащихся в его произведениях.

Несколько статей посвящено отдельным сторонам творчества писателя. Жаклин де Пруайар в очерке «Друг детей» анализирует творчество Толстого-педагога и детского писателя-психолога (*ibid.*, p. 7). Нина Гурфинкель пишет о пьесах Толстого («Толстой-драматург», *ibid.*, p. 14).

В специальном номере «Nouvelles Littéraires» не появилось ни одной работы французского автора, где бы давалась характеристика Толстого — обличителя буржуазного общества. Этот пробел восполняется, в известной степени, переводом большой статьи Н. К. Гудзия «Творить, чтобы понимать» (p. 1, 10).

Не все опубликованные в «Nouvelles Littéraires» материалы отличаются научной объективностью. Автор заметки «Толстой и современная Россия» П. Гард, отдавая должное советским ученым, подготовившим девяностотомное собрание сочинений писателя, в то же время огульно и бездоказательно отрицает всю остальную многообразную работу советских литературоведов, которые, по его мнению, не решаются переступить рамки статей Ленина о Толстом и предпочитают обходить многие сложные проблемы творчества и мировоззрения Толстого или трактовать их частично и односторонне. Трудно сказать, чего больше в этом несправедливом суждении: незнания автором основных исследований советских ученых или враждебности к ленинской концепции творчества Толстого.

Кроме упомянутых специальных выпусков, статьи о Толстом появились в десятках газет и журналов различных направлений, в том числе и в католической прессе. Так, например, Толстому как религиозному мыслителю посвящено было несколько статей в журнале «*Reuues*». В одной из них, «Толстой и Христос», принадлежащей перу известного католического поэта и критика *П. Эмманюэля*, Толстой (вслед за Святейшим синодом) осуждается за стремление критически подойти к догматам христианской церкви. В духовных исканиях русского писателя Эмманюэль увидел свидетельство мучительной и отравленной страхом борьбы с разумом, с одной стороны, с непобедимым Христом — с другой, которое должно «развять легенду о душевном здоровье и нормальности Толстого» («*Reuues*», 1960, № 115, IX, р. 52). В статье *Д. Жиллеса* «Толстой вопрошает смерть» великий писатель изображен человеком, на протяжении всего жизненного пути поглощенным мыслями о смерти и лишь перед кончиной сумевшим преодолеть свой страх перед ней (*ibid.*, № 118, XII, р. 40—47).

Для статей прогрессивных журналистов, напечатанных в дни годовщины, характерен глубокий интерес к работам В. И. Ленина о Толстом, конкретно-исторический анализ творчества писателя, стремление раскрыть величие Толстого как художника реалистического направления, неутомимого пропагандиста идей мира и братства между народами.

Среди таких работ выделяется статья журналиста *Ю. Жуэна* «Л. Н. Толстой», в которой убедительно показан подлинный облик писателя — заклятого врага царского самодержавия («*Horizons*», 1960, № 110-111, VII—VIII, р. 132—142). Статья Жуэна направлена против реакционно-буржуазных легенд о Толстом — богобоязненном старце и непротивленце. «Нет, не деревенского простака стерегли царские жандармы в Астапове, — пишет Жуэн, — не на деревенского простака хотел обрушиться посланный Синодом настоятель монастыря Оптиной пустынь — полковник в отставке. Юродивому мужику дали бы умереть спокойно, но нельзя было позволить умереть среди народа обличителю и реалисту, другому Толстому — антитолстовцу. Ленин прав. Толстой — „зеркало русской революции“» (р. 136). «Для русских Толстой воплощал в себе надежду на лучшую жизнь и волю к миру<...> Толстой внушил русским людям ужас и отвращение к войне и смертной казни. Толстой никогда не забывал Севастополя и бастионов смерти» (р. 140).

Коммунистическая пресса Франции отметила пятидесятилетие со дня смерти Толстого несколькими содержательными статьями, уделив особое внимание роману «Война и мир» и «Севастопольским рассказам». *П. Абраам* в статье «„Война и мир“ — книга, которую перечитываешь без конца» показал, насколько близок этот роман современным французам. «В самые черные дни войны 1914—1918 гг., когда мои товарищи по эскадрилье гибли один за другим под ударами вражеской артиллерии и истребителей, я не расставался с этой книгой» («*Humanité*», 24.XI 1960).

Следует подчеркнуть, что критики-коммунисты, говоря об антимилизме Толстого, отнюдь не превращали автора «Войны и мира» в противника всякой войны, в том числе и войны освободительной. Характерны в этом смысле размышления Абраама в рассматриваемой статье. «В настоящее время, когда не проходит недели, чтобы в какой-нибудь провинциальной газете не появилось сообщения о гибели молодых французов в Алжире, я перечитываю вновь эту бессмертную книгу. Меня привлекают мысли, внушенные Толстому войной, особенно следующий отрывок, который я позволю себе процитировать» (далее следуют известные слова Толстого о народной освободительной войне — т. 12, стр. 118—120).

Так, в глазах передового французского писателя Толстой как бы оказался защитником справедливой народной войны, которую вели алжирцы за свое освобождение от колониальной зависимости.

Это высказывание интересно и в том отношении, что показывает, насколько живо и с какой эмоциональностью воспринимают французы Толстого в наши дни.

Для Абраама, как и для многих других, Толстой — писатель, помогающий разобраться в самых волнующих событиях современности. Видный передовой писатель А. *Стиль*, также писавший об эпохее Толстого, пытался проследить эволюцию жанра романа о войне от «Войны и мира» до «Коммунистов» Л. Арагона («Humanité», 9.VI 1960).

Историко-литературное значение «Севастопольских рассказов» рассматривается в содержательной статье критика-коммуниста П. *Лескюра*, который объясняет новаторство Толстого тем, что этот «репортаж с поля боя <...> был написан человеком, который жил среди сражавшихся солдат и вместе с ними воевал, но не удовлетворился простым перечислением и описанием событий в духе журнальной хроники, а впервые попытался раскрыть движение истории в сложных и противоречивых поступках и характерах людей, которые его окружали». Лескюр придает также большое значение новому приему: включению в художественные произведения документальных материалов. «Для Толстого, как впоследствии для социалистических реалистов, документы уже входят в историю человеческих судеб и потому осмыслиются как проявление художественной правды <...> К „Севастопольским рассказам“ должны обращаться все романисты, чтобы совершенствовать свое мастерство, и все читатели, чтобы научиться лучше видеть окружающее» («France Nouvelle», 1960, 6.VII, p. 22).

* * *

Чествование памяти Толстого во Франции — замечательное свидетельство любви к русскому писателю широких кругов французской литературной и научной общественности и всего французского народа.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Творчество Толстого связано со всей новейшей историей чешского и словацкого народов и является неотъемлемой частью их национальной культуры. Вот почему в Чехии и Словакии с огромной теплотой отмечалось пятидесятилетие со дня смерти писателя.

Юбилейные дни показали, что в Чехословакии наметился поворот к глубокому изучению влияния Толстого на развитие отечественной литературы и общественной мысли. В архивах и библиотеках Чехословакии были выявлены ценные материалы, остававшиеся до последнего времени неизученными. Накануне годовщины была проделана большая работа по подготовке библиографии произведений Толстого на чешском и словацком языках, а также по выявлению и обработке архивных документов, связанных с деятельностью близких друзей Толстого, особенно Д. П. Маковицкого и А. Шкарвана. Большую работу при подготовке библиографии произведений Толстого на чешском языке, а также при изучении влияния литературного творчества Толстого на развитие чешской культуры и литературы сделал профессор Карлова университета академик Ю. *Доланский*. С. *Колафа* обработал архив Д. П. Маковицкого, хранящийся в фондах Литературного архива «Памятник национальной письменности» в Праге (см. стр. 593—607 кн. 1-й настоящ. тома).

Большая работа была проделана и в области изучения художественного наследия Толстого в Чехословакии, а также проблем, связанных с влиянием Толстого на развитие общественной мысли. Даже простое перечисление статей о Толстом, появившихся осенью 1960 г. в чехословацких газетах и журналах, заняло бы очень много места — настолько широко

отмечался его юбилей в Чехословацкой Социалистической Республике. Отметим из них только наиболее значительные.

Журнал «Pražská—Moskva» в юбилейные дни напечатал статью Ю. Доланского «Наш Толстой», в которой, наряду с общим значением Толстого-художника и мыслителя, было раскрыто также значение творчества писателя в культурной жизни чехословацкого народа (№ 11).

Журнал «Národní Divadlo» остановил внимание читателей на драматургии Толстого, особенно на его последней драме. В № 4 напечатаны некоторые документы, выдержки из дневников и писем Толстого, освещающие творческую историю «Живого трупа», даны выполненные чешскими художниками эскизы костюмов главных действующих лиц пьесы. «Живой труп» рассматривается автором статьи как новый тип драмы, определяющей чертой которой является «кинематографичность». Там же помещена статья Ф. Кубки «Л. Н. Толстой в борьбе за мир», в которой говорится, что имя Толстого входит в почетный календарь борцов за мир.

О значении Толстого-педагога писал журнал для учителей народных школ «Komenský» (№ 5).

Молодежный журнал «Zlatý Máj» (№ 10) опубликовал статью З. Клатика «Гигант русской литературы», в которой раскрывается значение Толстого как писателя для детей.

На страницах журнала «Slovanský Přehled» (№ 6) была помещена информация «Толстой и современный французский роман».

Необходимо отметить также специальный номер журнала «Československá Rusistika» (№ 4), содержащий работы о художественных произведениях и творческом методе Толстого и о его чешских и словацких связях.

Р. Паролек, автор статьи «Л. Н. Толстой и некоторые особенности русского реализма», характерным свойством русской литературы считает ее близость к революционному движению. Он рассматривает творчество Толстого как выражение этой главной особенности русской литературы.

В статье М. Еглички «Композиционно-тематическая структура рассказа Л. Н. Толстого „Набег“» дан тонкий анализ художественной структуры военного рассказа Толстого. Автор показывает, как с помощью различных композиционных приемов Толстой добивается соединения эпической объективности с субъективным авторским отношением к изображаемому.

В журнале помещена также статья С. Колафы и О. Степановой, в которой опубликованы некоторые эпистолярные материалы. Переписка Толстого с его друзьями в Чехии и Словакии справедливо рассматривается как важный источник для изучения взаимоотношений между представителями народов Чехословакии и великим русским писателем и мыслителем. Если письма Толстого неоднократно воспроизводились в печати, то письма его чешских и словацких корреспондентов большей частью лишь впервые опубликованы в рассматриваемом номере журнала. Выраженное в письмах чувство любви к Толстому трогает своей искренней непосредственностью. Вот, например, поздравление простого труженика И. Обратила по случаю восьмидесятилетия Толстого (письмо приводится со всеми особенностями орфографии автора):

«И я неимущий и необразованный поденщик рад, чтобы Вам приносить мое и моих товарищей сердечное поздравление к Вашему 80-годовалому дню рождения. Господь Бог благослови Ваше многолетнее дело бессмертное за большое человечество. Я бедный и необразованный человек и жаждущий желание мое прибыть иногда в Россию, посетить Вас и расцеловать Вам руки Ваши. Я учусь сам без учителя по-русски, однако же знаю мало. Я чех и желаю братскому народу русскому — Бог храни еще многие лета батюшку Толстого...».

В письмах к Толстому содержатся самые различные просьбы: сотрудничать в чешской печати, дать оценку философии П. Хельчицкого,

АФИША ВЫСТАВКИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ ТОЛСТОМУ.
БРАТИСЛАВА, 22 МАЯ 1961 г.
Музей Толстого, Москва

UNIVERZITNÁ KNIŽNICA, SLOVENSKÁ
PEDAGOGICKÁ KNIŽNICA BRATISLAVA
A MATICA SLOVENSKÁ MARTIN

VÝSTAVA LEV NIKOLAJEVIČ TOLSTOJ

Od 22. mája do 25. júna 1961

Výstava otvorená denne od 9. do 19. hod. v Slovenskej pedagogickej knižnici, Bratislava, Klarická 2

выразить свое отношение к педагогике и т. п. К. Велеминский, например, обращается к Толстому за педагогическими советами и при этом пишет: «Мы ставим ваши „Педагогические статьи“ наряду с сочинениями Коменского и радуемся тому именно факту, что второй славянский педагог является, как и первый, освободителем ребенка».

В юбилейном году в Чехословакии было издано также несколько специальных исследований о Толстом. Прежде всего, здесь необходимо отметить библиографический указатель «Лев Николаевич Толстой», составленный Ю. Доланским и О. Иречковой («Lev Nikolajevič Tolstoj». Praha, 1960). Указателю предпосланы небольшая общая статья о Толстом, отрывки из некоторых произведений писателя, а также посвященные ему стихи чешских поэтов. Затем следует библиография произведений Толстого на чешском языке и свод литературы о писателе, включающий работы русских и чехословацких исследователей и ученых других стран.

В том же году вышла в Праге монография Ю. Доланского «Мастера русского реализма у нас», где Толстому отведена специальная глава (J. D o l a n s k ý. Mistři ruského realismu u nás. Praha, 1960, str. 281—388). В своем исследовании Доланский исходит из ленинской оценки Толстого и ставит задачей проследить, как складывались отношения чехов к русскому писателю. Серьезная и обстоятельная работа Доланского уже получила положительные отзывы в чешской критике.

Другим ценным изданием является сборник статей «Отзывы о Л. Н. Толстом в Словакии» («Z ohlasov L. N. Tolstého na Slovansku». — «Slovenské štúdie», IV. 1960, Vyd. Slovenskej Akadémie Vied. Bratislava, 1960). Стихотворение словацкого поэта П. О. Гвездослава, которым открывается эта

книга, подчеркивает юбилейный характер издания. Среди авторов сборника есть и советские исследователи: *Н. А. Кондрашов* выступил с заметкой о первом словацком переводе романа «Воскресение», *Т. Н. Архангельская* — с сообщением о произведениях чешской и словацкой литературы в личной библиотеке Толстого.

Статья *С. Колафы* «Некоторые вопросы толстовства» как бы раскрывает методологическую основу всех работ, включенных в сборник. Колафа рассматривает толстовство как определенный тип идеологии, возникающий при бурном развитии капитализма в странах с «патриархальным» общественным укладом. Зародившись в России, этот тип идеологии появляется и в других странах, где имеются условия для его возникновения, но под воздействием уже сформировавшихся идей Толстого.

Такое определение толстовства облегчает, по мнению автора, решение вопроса о причинах влияния Толстого в Чехословакии.

В статье *Ю. Клаучо* «О влиянии творчества Л. Н. Толстого на деятельность „Детвана“ и на программу гласистов» освещается роль Толстого в политической жизни Словакии прошлого века. В тот период, когда творчество Толстого приобрело широкое признание, в Словакии выступил на историческую арену класс буржуазии. Глашатаем ее идеологии становится интеллигенция, организовавшая ряд политических группировок. Группа «Детван» (иначе — гласистов) в своей политической деятельности часто опиралась на учение и творчество Толстого, используя толстовскую критику «привилегированных». Из группы гласистов вышли толстовцы, тесно связавшие свою жизнь с русским писателем: *Д. П. Маковицкий* и *А. Шкарван*. Однако большинство гласистов вскоре отошло от Толстого.

В сборнике напечатан ряд других работ о чехословацких толстовцах и их деятельности: «Жизнь и творчество Душана Маковицкого» *С. Колафы* и «Заметки к переводам Маковицкого произведений Л. Н. Толстого» *А. Поповича*; анализ биографических романов *Э. Гольца* (*П. Цвана*) о Маковицком и Шкарване, выполненный *А. Мразом*, статья *К. Мичатковой* о литературной деятельности *А. Шкарвана* и о его «Записках военного врача»; интересная статья *Я. Ткадлечковой* об Иване Галеке, который от толстовской критики господствующих классов пришел к марксизму и свой жизненный путь так и называл путем «от Толстого к Марксу». *И. Кралик* в статье «Личность *А. Шкарвана* в автобиографической пьесе Л. Н. Толстого» приходит к выводу, что образ Бориса Черемшанова из драмы «И свет во тьме светит» во многом был определен судьбой этого словацкого последователя Толстого.

В нескольких статьях рассматривается отношение к Толстому словацких писателей *М. Кукучина*, *С. Ваянского*, *Я. Есенского* и др.

Работы *П. Петруса* и *Т. Ивановой* содержат обзор высказываний словацкой критики о Толстом. Здесь указывается, что большую роль в установлении правильного подхода к творческому наследию русского писателя сыграла Великая Октябрьская революция.

Особое место в праздновании юбилея занимала большая выставка «Лев Николаевич Толстой», открытая в Национальном музее в Праге, а затем перенесенная в Братиславу. Организаторы выставки (*С. Колафа* и *Л. Задражил*) поставили своей целью показать литературную и критическую деятельность Толстого как отражение исторического положения России — от крестьянской реформы 1861 г. до построения социалистического общества. Второй целью организаторов выставки было показать значение и влияние деятельности Толстого как в России (и Советском Союзе), так и за рубежом.

В распоряжении организаторов выставки имелось много оригинальных и редких экспонатов. В архивных хранилищах Чехии и Словакии, и осо-

бенно в фондах Литературного архива «Памятник национальной письменности», Национального музея, в Славянской библиотеке Матицы словацкой (в городе Мартине), а также в некоторых личных архивах сохранилось большое число документов как самого Толстого, так и его близких друзей — русских и иностранных, в первую очередь Д. П. Маковицкого, А. Шкарвана, К. Велеминского и др. На выставке были впервые показаны материалы незадолго до того обработанного архива Маковицкого. Наряду с неизвестными до сих пор документами, на выставке были показаны редкие книги, в частности первые издания важнейших работ Толстого на русском, чешском и словацком языках.

АФИША ВЫСТАВКИ, ОТКРЫТОЙ К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ТОЛСТОГО
В ПРАЖСКОМ НАРОДНОМ МУЗЕЕ. 1960

Музей Толстого, Москва

Все экспонаты выставки описаны в специальном каталоге, опубликованном в журнале Национального музея в Праге («Lev Nikolajevič Tolstoj». Soupis exponátů soustředěných u příležitosti oslav světového kulturního výročí L. N. Tolstého v roce 1960 na výstavě v Národním museu v Praze. Sborník Národního musea v Praze, Serie C.— historia litterarum, vol. VI, 1961).

На выставке проводились различные мероприятия — публичные лекции о Толстом, демонстрация фильмов и т. п. Особенно интересной оказалась беседа с людьми, либо знавшими Толстого лично, либо занимавшимися изучением и пропагандой творчества Толстого в Чехии и Словакии. В этой беседе участвовало двадцать пять человек. Здесь были, например, уроженка Ясной Поляны и бывшая ученица яснополянской школы Лойдова, уроженка Ясной Поляны и вдова Д. П. Маковицкого Матрена Константиновна Маковицкая, сын и вдова А. А. Шкарвана, автор биографических романов о Маковицком и Шкарване Э. Голец и др. Встреча представителей старого поколения с новым сопровождалась интересной беседой, в которой были выявлены новые архивные документы.

Творчество Толстого, как наглядно свидетельствует чествование его памяти в Чехословакии, является неотделимой частью чешской и словацкой культуры.

ШВЕЙЦАРИЯ

По случаю пятидесятилетия со дня смерти Толстого многие швейцарские газеты и журналы опубликовали статьи и заметки. Известный интерес представляет статья *Г. Ниффеллера* «К характеристике духовного облика Льва Толстого», напечатанная в газете «Der kleine Bund» 18.XI 1960.

В начале статьи автор приводит многочисленные свидетельства влияния Толстого на современников, в частности, цитирует высказывания *Т. Манна*, *Н. Видмана* и *Г. Хессе*. «Значение Толстого подчеркивалось после его смерти. Сохранилось ли оно еще сегодня?» — этим вопросом задается автор статьи. Отметив, что по числу переводов на иностранные языки Толстой занимает одно из первых мест в мире, указав на огромный интерес исследователей разных стран к творчеству русского писателя, критик делает вывод: «Толстой жив, и вовсе не праздное любопытство заставляет нас сегодня вспомнить о нем». Неффеллер пытается охарактеризовать особенности реализма великого русского писателя. Он отмечает способность Толстого «охватывать жизнь во всей полноте» и в то же время проникать в тайны внутреннего мира «так глубоко, как никто другой». «Когда он описывает охоту, — замечает критик, характеризуя изобразительную силу толстовского реализма, — то кажется, что ощущаешь запах седельной сбруи и своры охотничьих собак». Далее автор делает любопытное сопоставление творческой манеры Толстого и Рембрандта. «Всякий, кто хоть однажды ознакомился с Рембрандтом-художником, знает о несравненном распределении света и тени в его картинах. Наука определяет это понятием светотени. Понятие это верно передает соотношение между неясным светом и светлой тенью в картинах Рембрандта. Рембрандт был реалистом, т. е. был одержим идеей действительности. Однако его реализм, одновременно с этим, стремился в глубину, в сокровенные уголки человеческой души. Речь здесь идет не только о передаче явного, выступающего наружу, но и о постижении духовной основы, о способности раскрыть в картине тайны и настроения. Эти переходы, настроения и оттенки передаются посредством рембрандтовой светотени. Нечто подобное мы находим и у Толстого. Так же, как часто у Рембрандта, здесь преобладает темное, которое никогда не бывает абсолютно черным: ночь освещается светом, „который и во тьме светит“. И так же, как Рембрандт, Толстой отдает свои симпатии слепцу, старцу, нищему, человеку гонимому и страдающему, а таких было очень много в царской России, состоявшей из одних помещиков и крепостных крестьян».

Однако переход от этих общих любопытных наблюдений к конкретному анализу романов Толстого, автор статьи обнаружил непонимание их идейно-композиционной структуры. Достаточно сказать, что всю историко-философскую линию романа «Война и мир» критик оценивает как лишнюю и ненужную. А главы «Анны Карениной», посвященные сложным социально-экономическим исканиям Левина, презрительно именуется «учебником по организации сельского хозяйства», якобы совершенно напрасно включенным в роман. Подобное непонимание идейно-композиционных особенностей романов Толстого было издавна характерно для критиков, игнорирующих важнейшую социальную сторону реализма великого писателя.

Литературную страничку, посвященную Толстому, подготовила цюрихская газета «Tat» (19.XI 1960). В редакционной статье Толстой характеризуется как один из авторов, «над которыми время бессильно. С годами они становятся все более знаменитыми и читаемыми... Несмотря на то, что изображенный в его романах общественный класс и его жизнь принадлежат прошлому, эти книги еще захватывают читателя свежестью и богатством красок, зримостью и живостью образов, глубиной чувств — это классическое изображение старой России». Далее помещены отдельные главы из

«Казаков» и отрывки из воспоминаний А. А. Фета, И. Е. Репина и М. Горького. К сожалению, тут же нашла место одна из многочисленных «юбилейных» статей некоего профессора *О. Форст де Батталья*. В сочинениях этого автора банальные славословия в честь Толстого сочетаются с грубым искажением облика писателя и вульгарно-фрейдистской трактовкой его творчества (см., например, статью «Лев Толстой. Истоки, сущность и влияние. К пятидесятилетию со дня смерти» — «Schweizer Rundschau», 1960, № 9; XII, S. 488—499).

ЮГОСЛАВИЯ

Почти все центральные газеты и крупные литературные и общественно-политические журналы Югославии откликнулись на пятидесятую годовщину со дня смерти Толстого статьями, посвященными жизни и деятельности писателя, а также публикацией его произведений.

В статье *З. Црнковича* «Лев Толстой в наших переводах» («Republika», 1960, № 11-12) подчеркивалось, что «традиция переводов произведений Толстого в Югославии очень стара». Первый перевод Толстого на сербский язык (повесть «Семейное счастье») был напечатан еще в 1870 г. в журнале «Даница» (перевод был выполнен М. Лебедевой). Первое произведение Толстого, переведенное на хорватский язык, — рассказ «Чем люди живы» — было опубликовано в журнале «Славица» (переводчик П. Будман) в 1883 г. Во второй половине 1880-х и в 1890-х годах появились переводы «Войны и мира», «Анны Карениной», «Воскресения», «Крейцеровой сонаты», часто еще несовершенные и выполнявшиеся не с оригинала, а с немецких и французских (также несовершенных) переводов. Но над передачей Толстого на языки народов Югославии работали и видные поэты, писатели и переводчики: А. Харамбашич, И. Великанович, М. Ловренчич, Я. Иблер (переведший в 1887 г. «Анну Каренину»), М. Глишич, С. Краньчевич, О. Глушчевич, И. Яворац, И. Максимович и др.

«Интерес к Толстому в Югославии, — заключает Црнкович, — не ослабевает. Список его переводчиков довольно велик и еще более велик список произведений, выдержавших несколько изданий». Среди современных переводчиков Толстого мы встречаем имена популярных литераторов и общественных деятелей ФНРЮ — В. Калеба, В. Деснице, Г. Крклеца, М. Юркович и других.

Литературовед А. Флакер в статье «Лев Толстой и аннексия Боснии и Герцеговины» отмечает, что Толстой проявлял большой интерес к событиям на Балканах» («Republika», 1960, № 11-12, S. 19).

Представляет интерес и статья *М. Стари* «Толстой», опубликованная в том же журнале. Автор ее пытался охарактеризовать противоречивый образ русского писателя. В этом же номере журнала была опубликована также статья *М. М.* «Лев Толстой в оценке современников», в которой приведены высказывания о Толстом В. И. Ленина, Н. Г. Чернышевского, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, М. Горького, Г. В. Плеханова и А. В. Луначарского.

В центральной белградской газете «Политика» с 10 по 20 ноября 1960 г. печатались главы из работы *Л. Захарова* «Последние дни Толстого».

20 ноября в той же газете было опубликовано несколько статей и заметок, посвященных Толстому. Отметим среди них заметку «Первый памятник Толстому, сооруженный вне России, находится в Югославии»: «Местечко Сельце на острове Брач тотчас же после смерти Толстого присвоило своему парку, заросшему соснами и кипарисами, имя Толстого. Вскоре директор местной школы каменотесов чех Бардо предложил своим ученикам создать бюст покойного писателя, что и было сделано учениками-каменотесами, имена которых до нас не дошли. Между тем на заседаниях общинного веча чуть ли не три года подряд спорили о том, кому из великих

людей следует поставить памятник в парке имени Толстого. Наконец, 27 декабря 1913 г. два студента внесли предложение поставить там памятник Толстому, тем более, что он уже давно сделан. На заседании общинного веча 10 января 1914 г. под председательством Милана Штамбука<...> было принято решение поставить в качестве памятника Льву Толстому каменный бюст — плод коллективного труда учеников школы каменотесов. Предложение это было принято большинством голосов. Бюст водружен на высоком каменном постаменте, спиной к морю и лицом к каменоломне» (см. воспроизведение этого памятника на стр. 257 кн. 1-й наст. тома).

Представляет также интерес заметка об избрании Толстого в 1910 г., незадолго до смерти, членом-корреспондентом сербской Академии наук.

Наконец, здесь дан «Хронологический перечень важнейших событий жизни Льва Толстого», куда вошли и даты перевода на сербо-хорватский язык важнейших произведений Толстого. Следует отметить дату первой публикации «Войны и мира» в Сербии (1899) в переводе О. Глушчевич и М. Дж. Глишича. К дате «март 1873 г.», отмечающей начало работы Толстого над «Анной Карениной», сделано следующее примечание: «Герой Толстого граф Алексей Вронский, потрясенный самоубийством Анны Карениной, уехал в 1876 г. добровольцем на войну в Сербию и погиб 20 августа 1876 г. недалеко от Алексинаца. Этот Вронский — не кто иной, как полковник Николай Раевский (1840—1876), о котором писали в своих воспоминаниях Пера Тодорович и доктор Владан Джорджевич...». Версию эту следовало бы учесть исследователям, изучающим генезис «Анны Карениной». Под 1909 г. сообщается, что 5 мая Толстого навещил в Ясной Поляне д-р Иван Максимович, рассказавший об этой встрече в журнале «Српски књижевни гласник» (1912 г.).

В центральной югославской газете «Борба», а также в белградской «Књижевне новине» были опубликованы большие статьи, содержащие анализ творчества Толстого.

ЛВ Н. ТОЛСТОЈ

АННА КАРЕНИНА

ПРВА КНИГА

„КОЧО РАЦИН“
СКОПЈЕ — 1961

«АННА КАРЕНИНА». ИЗДАНИЕ
НА МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ
(СКОПЛЕ, 1961)

Титульный лист

«АННА КАРЕНИНА». ИЗДАНИЕ
НА СЕРБО-ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ
(БЕЛГРАД, 1964)

Суперобложка

О последних днях Толстого рассказывается в статье Б. Боржо «Астапово, 1910», напечатанной в словенском журнале «Nova Obzorja».

В дни юбилея в югославской печати появилось несколько оригинальных статей, в которых была сделана попытка охарактеризовать в разных аспектах значение творчества Толстого. Среди них следует отметить статью д-ра М. Бабовича «Пятидесятилетие бессмертия» («Стварање», 1961, № 1, стр. 55—62). Бабович сравнил Толстого с Гималаями среди других гор. Все, к чему прикасалась рука Толстого, стало бессмертным. «Толстой — это вся Россия: от мужицкой избы, солдатской казармы, бедной городской квартирки — до дворянских гостиных, особняков аристократии и дворцовой камарильи». Автор подвергает далее анализу многочисленные образы, нарисованные гениальным русским писателем.

Таковы наиболее примечательные высказывания о Толстом в Югославии в дни пятидесятилетней годовщины со дня его смерти.

V. СТРАНЫ АЗИИ И АФРИКИ

Подготовка к ознаменованию пятидесятилетия со дня смерти Толстого началась в странах Азии и Африки задолго до календарной даты этой годовщины. В Китае, Индии, Японии, Объединенной Арабской Республике, Ливане и других странах еще весной и летом 1960 г. появились статьи, в которых была сделана попытка определить значение наследия русского писателя для восточных национальных культур. Лейтмотив большинства статей состоял в том, что Толстой дорог народам Азии и Африки своими бессмертными художественными творениями, высоким гуманизмом, защитой поработенных и обездоленных, проповедью мира и человеколюбия. Наряду с этим в ряде органов индийской и японской печати утверждалось, что для народов Азии более важен Толстой-вероучитель, проповедник всеобщей любви и ненасилия, чем Толстой-художник, творческие

достижения которого в наше «динамическое время» в значительной мере устарели. Подобные высказывания — отголоски давней идейной борьбы вокруг наследия великого художника — были предвестниками новых острых споров и дискуссий, которые развернулись позднее, в дни самой годовщины.

С наибольшим размахом толстовские дни прошли в Индии. Под председательством известного прогрессивного писателя и общественного деятеля *Б. Дас Чаттурведи* был создан Комитет для проведения толстовской годовщины, в который вошли видные деятели культуры, в том числе писатель-коммунист *С. Захир*, выдающийся борец за мир генерал *С. С. Сохей*, широко популярный философ и публицист *К. В. Рой* и др. Поддержанный широкой общественностью, Комитет провозгласил четвертую неделю ноября «толстовской неделей» и развернул в стране энергичную подготовку к годовщине.

«Неделю Толстого» официально открыл 20 ноября премьер-министр *Д. Неру*, который еще до этого направил в Москву дружественное послание, приведенное на стр. 284 кн. 1-й настоящ. тома.

На многолюдном торжественном вечере в Дели Неру назвал Толстого «вечным странником, идущим вперед в поисках правды и красоты», смелым мыслителем, который «никогда ни перед кем не склонял головы». «Мы можем, — сказал он, — принять или не принять все его взгляды и теории, но если мы будем думать о нем, частица его мудрости и величия сойдет на нас и поднимет нас несколько выше» («India's Capital Pays Homage to Leo Tolstoy» by Dwijendra N a n d i, Secretary Tolstoy Committee. — Рукопись. АТ).

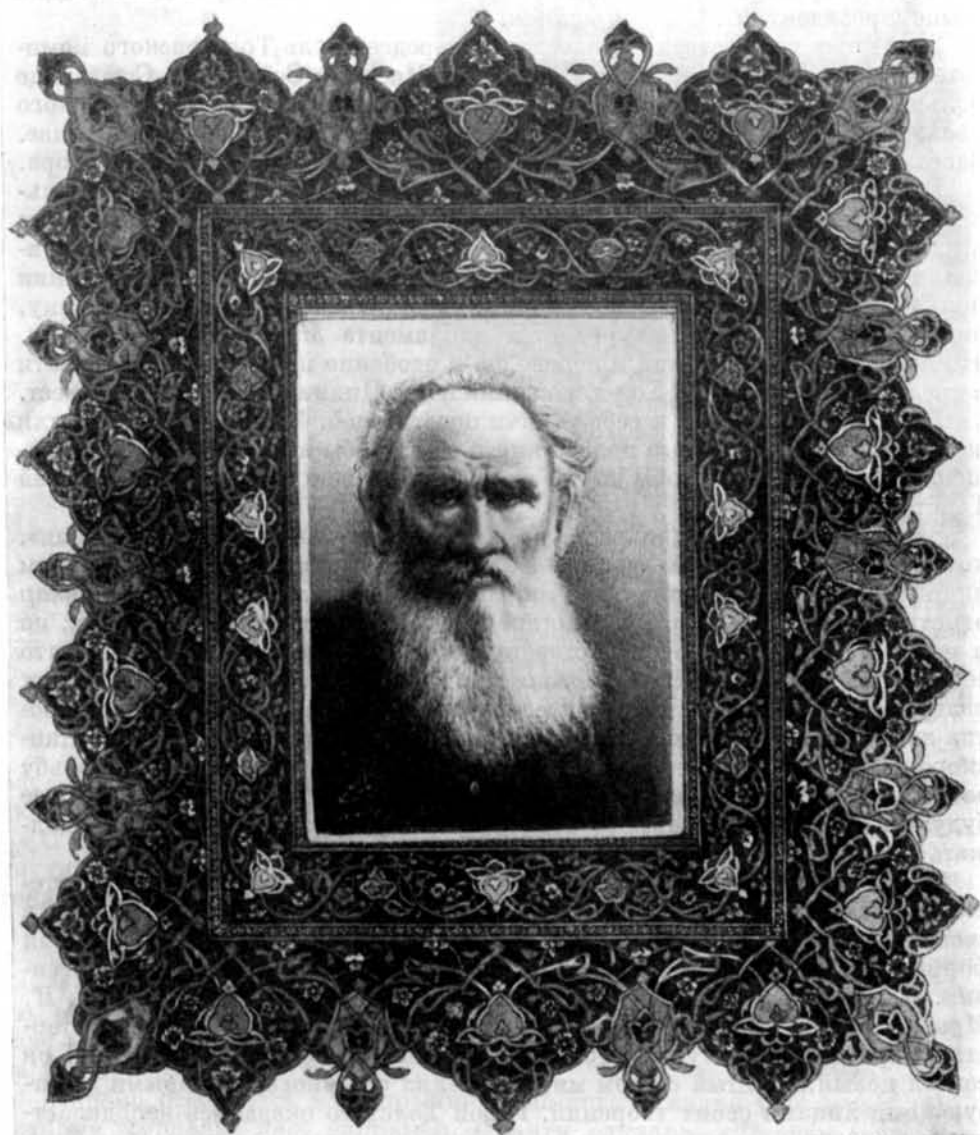
Касаясь трудностей и опасностей, перед которыми стоит современное человечество, Неру воздал должное глубине мысли и прозрению великого русского художника, чей гуманизм доньше продолжает играть большую роль в борьбе за мир и дружбу между народами.

«Мы живем, — сказал он, — в трудные времена призраков и опасностей всякого рода, а также всяческих надежд. Быть может, они неотделимы друг от друга. Страждущему человечеству, как видно, придется идти вперед трудными путями. И все же, как бы оно ни падало, оно должно подняться и достичь вершины. Радость жизни в том, чтобы, как и Лев Толстой, бороться за свободу и счастье людей на земле» (ibid.).

Председествовавший на вечере министр культуры и научных исследований Индии профессор *Х. Кабир* в своей речи подчеркнул, что Толстой был не только величайшим писателем, но и пророком нового века — века без войн и ненависти, когда люди будут жить в мире и дружбе. Народы Индии навсегда останутся благодарными Толстому за симпатию, которую он проявил к ним. На вечере выступили также посол СССР в Индии *И. А. Бенедиктов*, член индийского парламента, бывший личный друг Ганди *К. С. Калелкар* и др. Президент Индии *Р. Прасад* прислал юбилейному Комитету специальное послание, в котором писал:

«Наследие Толстого — писателя, художника и мыслителя — приобретает во всем мире все большее значение. Его мысль и прозрение опровергают условное деление писателей на восточных и западных. Народы Азии в такой же мере испытывают на себе воздействие его могучей мысли, как и люди Запада.

На меня произвело большое впечатление то, как соотечественники Толстого чтят память этого великого писателя. Посещение музея Толстого в Москве окрыляет. Будем надеяться, что толстовский завет любви и мира получит еще более широкое распространение среди простых людей в нашей стране благодаря новым переводам его сочинений на индийские языки. Я рад тому, что Толстовский комитет стремится к этому. Желаю Комитету полного успеха» (здесь и далее цитируется по брошюре, изданной

ТОЛСТОЙ

Миниатюра иранского художника Али-Керими, 1950-е годы
Музей Толстого, Москва

Всеиндийским толстовским комитетом: «Leo Tolstoy», 50th Death Anniversary, 1960, 21—27.XI).

Теплое приветствие прислал собранию также вице-президент Индии (ныне президент) *С. Радхакришнан*.

Заключая торжественное заседание, председатель Толстовского комитета *Б. Дас Чаттуведи* призвал народы Индии и Советского Союза еще больше крепить узы дружбы и предложил, в знак их взаимного глубокого уважения, создать «Дом Толстого» в Дели и «Обитель Ганди» в Москве. Заседание закончилось исполнением песен и гимнов Рабиндраната Тагора.

Вторым мероприятием «недели Толстого» было открытие в Дели большой выставки книг и фотографий, посвященной писателю. В организации выставки приняли участие старейшие библиотеки страны, которые прислали около трехсот томов сочинений Толстого, изданных на протяжении полувека на различных языках Индии. Торжественно открывая выставку, видный индийский драматург, член парламента *М. Вареркар* сообщил, что по количеству изданий и переводов и особенно по своей популярности в среде читателей книги Толстого занимают в Индии одно из первых мест.

Выставка привлекла к себе тысячи посетителей. В книгу отзывов были записаны многочисленные пожелания о том, чтобы выставка была превращена в постоянную и чтобы на ее базе был в будущем создан в Индии музей Толстого.

Заметным событием явился далее симпозиум на тему «Толстой и Индия», который был проведен 27 ноября в Дели. Открывая этот большой форум индийской интеллигенции, член парламента писатель *К. М. Паниккар* отметил, что Толстой оказал влияние не только на литературу Индии, но и на всю ее культуру и общественную жизнь. Индия гордится тем, что ее древняя философия, эпос и поэзия занимали большое место в творческих раздумьях Толстого. В свою очередь, гуманизм Толстого, его борьба против зла и несправедливости, его выступления в защиту Индии от британского колониализма вдохновляли и вдохновляют народы Индии на борьбу за полную свободу и независимость, за мир между народами, за лучшее будущее. Общение и взаимное обогащение двух культур должно продолжаться.

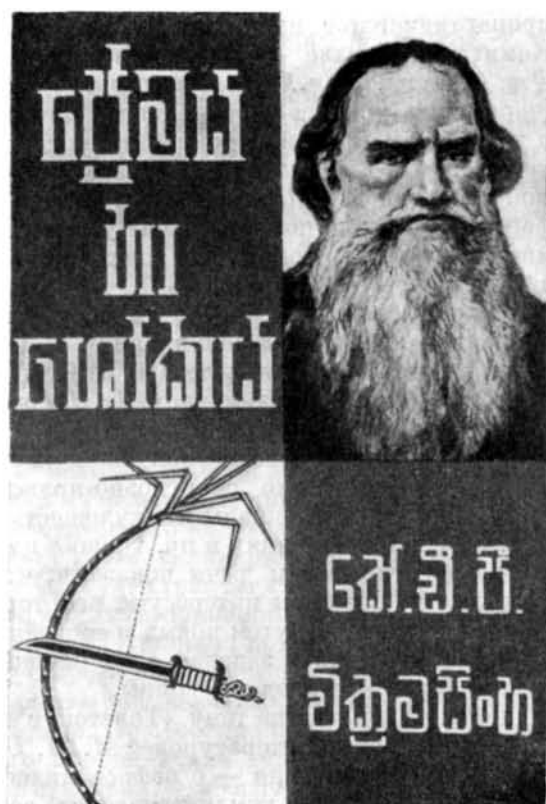
С докладами и речами на симпозиуме выступили крупнейшие писатели, критики и литературоведы. Писатель и публицист *В. Прабхакар* в своем докладе говорил о значении гуманистической мысли Толстого для формирования передовых общественных взглядов индийской интеллигенции. Историк и теоретик литературы, член парламента, профессор *М. П. Мукерджи* посвятил свое слово вкладу Толстого в сокровищницу мастерства мировой литературы. «Толстой,— сказал он,— творил, как бог: он создал новый, залитый светом мир и заселил его многочисленными действующими лицами своих творений. Герои Толстого оказались неподвластными времени — они бессмертны. Рассказанные им жизненные истории ясны и чисты, как вода Ганга».

С речами на симпозиуме выступили также романист и новеллист *С. Захир*, изложивший взгляды В. И. Ленина на Толстого, проректор Делийского университета доктор *Н. К. Сидханта*, говоривший о взглядах писателя на науку, и др. Симпозиум еще раз показал, какое большое место занимает наследие Толстого в умах индийской интеллигенции.

«Неделя Толстого» была завершена множеством массовых собраний, митингов и научных заседаний, которые прошли в Дели, Бомбее, Калькутте, Лакнау и других городах. В Калькутте состоялся большой студенческий симпозиум, основным докладчиком которого выступил видный поэт *С. М. Банерджи*. В дискуссии о значении толстовского гуманизма для современного мира приняли участие многие студенты. С прочувствованным словом о Толстом выступил известный писатель *С. К. Чаттерджи*,

«КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА».
ИЗДАНИЕ НА СИНГАЛЬСКОМ
ЯЗЫКЕ, КОЛОМБО (1962)

Обложка

рассказавший также о своем пребывании в СССР и о посещении толстовских музеев.

С большим успехом прошли собрание писателей индийской столицы, двухдневная научная сессия в Литературной академии, собрание интеллигенции в Обществе индийско-советской дружбы и др.

«Толстовская неделя» была также отмечена выпуском в свет новых изданий сочинений Толстого, особенно на тех языках Индии, на которых ранее русский писатель издавался редко. Таковы «Анна Каренина» на языке телугу (в переводе Т. Д. Рао), «Казачи» на языке малаялам (в переводе О. П. Джозефа), «Исповедь» на том же языке (в переводе Т. Сукумаран) и др.

Широко отозвалась на годовщину Толстого и индийская печать. Некоторые журналы, как, например, «Шанти самчар», «Дживан сахитья», «Хиндустан» и другие, выпустили специальные номера, целиком посвященные Толстому. Наряду с очерками, статьями и обзорами, написанными индийскими авторами, в них можно встретить и статьи советских исследователей (Н. К. Гудзия, В. В. Ермилова, Б. С. Мейлаха, А. И. Шифмана и др.). Во многих журналах были воспроизведены иллюстрации к сочинениям Толстого индийских и русских художников.

* * *

Отдельно следует остановиться на тех мероприятиях в Индии, которые отражали продолжающуюся борьбу вокруг взглядов Толстого. Открывшаяся в Дели в декабре 1960 г. Международная толстовская конференция, скромно именовавшая себя «семинаром», была задумана как крупное

пропагандистское начинание. Для ее созыва был создан специальный Комитет во главе с известным писателем и общественным деятелем *Дж. К. Нарайаном*. Смысл этой новой международной конференции, вскоре (через пять месяцев) после толстовской конференции в Венеции, состоял в том, чтобы продемонстрировать заинтересованность Индии в идеологическом наследии Толстого, подчеркнуть его близкое родство с официальной идеологией Индии — гандизмом. Печать не скрывала и того, что конференция должна помочь Индии укрепиться в общественном мнении всего мира в качестве страны, где толстовские идеалы добра и справедливости осуществлены на практике.

На конференцию съехались представители многих стран. Кроме многочисленной группы индийских литературоведов, социологов и писателей, в ней приняли участие делегаты из США (в том числе профессор *Э. Симмонс* и писатель-белоэмигрант *Н. Набоков*), Англии, Франции и других стран Западной Европы.

Официальная повестка дня международного «семинара» в Дели была посвящена не только религиозно-нравственным вопросам. Участникам были предложены доклады и о художественном творчестве писателя, о его эстетических воззрениях и пр. Однако царившая на семинаре атмосфера и произнесенные там речи показали, что Толстой-художник, искусство Толстого не слишком интересуют некоторых исследователей, более озабоченных тем, чтобы путем новых и «новейших» теорий приспособить учение русского писателя к задачам современной буржуазной идеологии и даже к потребностям холодной войны.

Первый доклад на тему «Толстой и проблема современного романа» сделал индийский литературовед *М. М. Бхала**. Доклад содержал некоторые верные положения — о пафосе жизнеутверждения в творчестве писателя, о близости его гуманистических воззрений духу индийской культуры и др. Однако, по мнению докладчика, жизнелюбие и жизнеутверждение выражали только одну сторону души художника. Вместе с ними в Толстом жило стремление поучать, какой должна быть жизнь. Отсюда — его упорство в проповеди религиозных начал. Широта охвата действительности, глубина проникновения в законы бытия имеют у Толстого, таким образом, два источника: жизнь и религию.

Развивая этот тезис и распространяя его на всю русскую литературу, докладчик противопоставил творчество Толстого лучшим произведениям западноевропейской литературы, в частности творчеству Флобера, и отмечал общие черты русского и американского романов. Общность эта будто бы объясняется тем, что Россия и Америка не знали, как это было в Западной Европе, длительного периода господства мелкой буржуазии с ее «заземленными» взглядами. Основополагающими для идеологии обеих стран были, по мнению докладчика, поиски абстрактных идеалов и религиозных откровений. На этой основе выросли романы Толстого и Достоевского. На этой же основе должен строиться и современный роман. Он должен возвыситься над «обыденной» социальной жизнью, отвлечься от ее повседневной прозы и сосредоточиться в отвлеченных сферах духа и религии.

Надуманность и необоснованность этой «новейшей» концепции была столь очевидна, что с докладчиком полемизировали многие индийские участники семинара, а также английский романист и критик *Д. Уэйн*. Однако у этой точки зрения нашлись и защитники, которые попытались использовать ее против передовых прогрессивных тенденций современной

* Доклады и выступления на семинаре излагаются по журналу «Cultural News from Asia.— Tolstoi Seminar Number». New Delhi, 1960.

мировой литературы и прежде всего против «советского реализма», т. е. социалистического реализма.

Наиболее ярко выразились идеологические позиции некоторых участников семинара, когда обсуждался доклад индийского искусствоведа, профессора *В. К. Гокак* «Взгляды Толстого на искусство». Доклад был построен с таким расчетом, чтобы развенчать эстетический кодекс Толстого, а заодно противопоставить русский критический реализм социалистическому реализму. Докладчик говорил, что толстовские воззрения на искусство были односторонними, а его аргументы — слабыми. Вместе с тем он с пафосом противопоставил эти взгляды как более широкие и основанные на «вечном» критерии совести марксистским воззрениям на искусство, опирающимся на «узкие» принципы народности и партийности. В этой связи докладчик противопоставил Толстого Горькому, изобразив последнего догматиком и доктринером, в глазах которого Толстой будто бы был «мелким буржуа».

Несмотря на то, что докладчик исходил из ряда ложных и тенденциозных предпосылок, которые привели к смещению и прямому искажению основных аспектов исследования эстетического кодекса Толстого, многие из присутствующих, особенно западные гости, солидаризировались с *В. Гокаком*. Профессор *Р. Б. Джоши* заявил, будто трактат «Что такое искусство?» построен на предвзятых мнениях и «подгоняет явления искусства под узкую схему». Английский литературовед *В. С. Притчет* объявил воззрения Толстого на искусство «безнадежно устаревшими», а его борьбу против модернизма «примитивной». «Крайне разочаровывающим» назвал трактат Толстого и английский критик *С. Спендер*. Но особенно резко «ниспровергали» эстетические воззрения Толстого американские делегаты *Н. Набоков* и *Э. Симмонс*. Набоков, в частности, заявил, что «взгляды Толстого нельзя принимать всерьез», ибо его знакомство с музыкой и живописью было «крайне ограничено». Толстой будто бы упускал из виду великое искусство, возникающее из трагических аспектов жизни и т. д. Это мнение поддержал и подводивший итоги дискуссии Симмонс, который закончил свою речь антисоветскими выпадами об «отсутствии» свободы творчества в современной России.

Из более интересных выступлений на семинаре следует упомянуть доклад индийского исследователя *А. С. Рея* «Толстой и Тагор» и доклад доктора *И. Сена* «Толстой и наука». Оба доклада имели тенденцию выявить в воззрениях русского писателя то, что созвучно гуманистическим идеям современности, и это им в значительной мере удалось. В частности, Сен подчеркнул, что взгляды Толстого на науку сохраняют свою обличительную силу и в отношении тех современных буржуазных ученых, которые посвящают свой талант изобретению и усовершенствованию орудий массового уничтожения.

Религиозно-нравственной доктрине Толстого, как мы уже сказали, был также посвящен на семинаре ряд докладов. Основной их пафос состоял в традиционных для индийского толстоведения темах — установлении родства между Толстым и Ганди, в провозглашении Толстого пророком грядущего мира «без насилия». Этот круг идей содержался в докладе индийского философа и социолога *Пиарелала* «Толстой — Эйнштейн науки о духовной силе человека», в докладе *С. К. Саксена* «Толстовская философия любви и труда» и в некоторых других. Специальный доклад под заголовком «Торо, Толстой и Ганди. Семя, древо и плод» был посвящен генезису идеи всеобщей любви и непротivления злу насилием. В целом, международный толстовский семинар в Дели прошел под знаком буржуазной идеологии как мероприятие, направленное на пропаганду идеи «ненасилия» и учения Ганди.

* * *

Широко было отмечено полвека со дня смерти Толстого в азиатских странах социалистической системы — в Китае, Корее, Монголии и Вьетнаме.

В Пекине состоялось большое торжественное собрание, созванное Всекитайской ассоциацией работников литературы и искусства и Союзом китайских писателей. В зале находились видные писатели, ученые, общественные деятели, студенты, рабочие, служащие.

Открывая заседание, президент Академии наук КНР, один из первых переводчиков «Войны и мира» на китайский язык, Го Мо-жо сказал:

«Прошло пятьдесят лет со дня смерти великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. Его произведения обогатили сокровищницу мировой литературы, благодаря им писатель занял одно из первых мест в мировой художественной литературе.

Толстой представлял период перехода от феодального к капиталистическому обществу в эпоху царской России. Он стал глашатаем идеологии русского крестьянства этого периода, выражал его гнев и недовольство существующим положением, его стремление изменить это положение и мечту о прекрасной жизни.

В своих неуываемых произведениях Толстой бичевал дворянско-помещичий класс России, государство, суд, полицию, официальную церковь, выступал за ликвидацию частной собственности на землю. Он беспощадно срывал все и всяческие маски с дворянско-помещичьего класса, вскрывал зло, лицемерие и пустоту этого класса, а также разложение, эгоизм и жестокость чиновников царского правительства.

Толстой, чьими устами говорило крестьянство, так же страстно обрушился на капиталистический строй. Клеймя власть денег и избочкая лицемерие буржуазной морали и буржуазных законов, он указывал, что проповедуемые буржуазией так называемые „свобода, демократия, равенство“ являются привилегией одних имущих. Капиталистический строй он называл „рабством нашего времени“. Когда же мировой капитализм развился в империализм, он гневно осуждал разжигаемые империалистами грабительские войны. Примером этого может служить его решительное осуждение агрессии по отношению к Китаю, которую предприняли в 1900 г. объединенные армии восьми государств».

Охарактеризовав далее творческий путь Толстого, его выдающийся вклад в мировую культуру и значение для современности, Го Мо-жо закончил свою речь словами:

«Демократический дух в литературном наследии Толстого бессмертен»*.

С большим докладом о жизни и творчестве Толстого и о его влиянии на китайскую литературу выступил председатель Союза китайских писателей, известный романист и новеллист Мао Дунь (см. несколько переработанный автором текст этого доклада на стр. 343—346 настоящей книги).

Торжественные заседания, вечера, выставки, беседы о Толстом состоялись также в Шанхае, Тяньцзине, Кантоне и других городах.

Годовщина Толстого была широко отмечена китайскими издательствами и печатью. Были вновь изданы сочинения Толстого. Газеты и журналы посвятили писателю многочисленные очерки, статьи, фотографии, а некоторые журналы опубликовали новые переводы его рассказов.

* Цит. по брошюре «Лев Николаевич Толстой. К 50-летию со дня смерти». Пекин, 1960.

* * *

В Демократической Республике Вьетнам толстовский юбилей проводился представительным комитетом видных деятелей культуры во главе с президентом Республики *Хо Ши Мином*. Помимо многочисленных собраний интеллигенции в столице Ханое и в других крупных городах, беседы о писателе проводились и в сельских местностях, куда выезжали специальные лекторы из среды писателей и литературоведов. Библиотеками повсюду проводились среди населения громкие чтения рассказов Толстого.

О своем изучении художественного опыта Толстого, о значении его реалистических принципов для развития современной вьетнамской литературы рассказывали, кроме *Хо Ши Мина* (ср. на стр. 293—294 кн. 1-й настоящ. тома выступление *Хо Ши Мина* в советской печати), также писатели *Нгуен Конг Хоан*, *Нгуен Ван Бонгу*, *Ву Нгок Рану*, *Хонг Ха* и др. В толстовские дни была начата подготовка к изданию новых, более совершенных, сделанных непосредственно с русского языка переводов романов Толстого (к настоящему времени уже вышли в свет «Война и мир» и «Анна Каренина»).

* * *

Массовые собрания, митинги, выставки, читательские конференции проводились также в Корейской Народно-Демократической Республике и в Монгольской Народной Республике. В среде писателей этих стран прошли дискуссии о реализме Толстого, о сочетании его творческих принципов с национальными традициями древних литератур, об учебе у великого классика. Юбилей стимулировал также появление новых переводов и более планомерное издание произведений писателя. В частности, в Корее и Монголии началась подготовка к выпуску в свет первых собраний художественных сочинений Толстого.

**NGƯỜI TÙ BINH
Ở CÔ-CA-ĐÔ**

TRUNG ƯƠNG, BAN THƯỜNG NIÊN LÃNG ĐỘNG VIỆT NAM
NHÀ XUẤT BẢN KIM ĐỒNG

«КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК». ИЗДАНИЕ
НА ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ (ХАНСЙ, 1963)

Осложка

* * *

Из других стран Востока толстовские дни широко отмечались в Японии, Иране, Турции и в арабских странах. Как известно, Толстой был связан со многими деятелями этих стран, проявлял интерес к их культурам и литературам, и это обстоятельство всемерно подчеркивалось в статьях и докладах, посвященных юбилею русского писателя.

В Каире толстовские дни были отмечены большим собранием интеллигенции в Литературном клубе *. С докладом о жизни и творчестве великого писателя выступил известный египетский литературовед д-р *Шауки ас-Сакри*. Указав, что реализм Толстого оказал большое влияние на арабские литературы, докладчик объяснил это влияние сходством многих жизненных проблем, которые стояли перед русским и арабским народами. Они находились длительное время в порабощении. По преимуществу сельскохозяйственные народы, они на протяжении многих веков были лишены земли. Их угнетали и своя, отечественная олигархия, и мировая буржуазия. Поэтому в этих литературах столь большое место занимает тема земли, мечта о ней.

Особенное значение для Востока имел, по мнению докладчика, роман «Анна Каренина». Он воодушевил арабских писателей на смелую борьбу против женского неравноправия, за свободу чувств. В арабских литературах можно встретить десятки романов, навеянных этим русским романом.

Наконец, указал докладчик, огромное значение для арабских литератур имели «народные рассказы» Толстого — эти лаконичные, простые по языку, но полные гуманизма и веры в человека новеллы, рассчитанные на открытое сердце простых людей. Арабские писатели создали многие варианты подобных рассказов в виде общедоступных притч, легенд и сказок, мастерству которых они учились у Толстого.

С содержательными докладами о драматургии Толстого, об его искусстве построения сюжета и композиции выступили известный драматург А. *Хафиз*, литературовед Х. *Вахба* и др.

Толстовский вечер состоялся в Каире также в помещении Общества дружбы и связи с зарубежными странами. С докладом о Толстом выступил известный египетский историк литературы профессор М. *Мандур*. Здесь же была развернута выставка произведений Толстого, изданных в арабских странах.

Каирские деятели театра и кино ознаменовали годовщину новой постановкой «Власти тьмы» и художественным фильмом «Река любви», сюжет которого в значительной мере напоминает сюжет «Анны Карениной».

Большое внимание Толстому уделяла в эти дни печать ОАР. Египетские газеты печатали биографические материалы, портреты писателя, статьи о его творчестве, а также информацию о проведении годовщины Толстого в СССР. Среди других выделялась своими серьезными материалами газета «Аль-маса», поместившая серию статей о жизни и творчестве русского писателя.

* * *

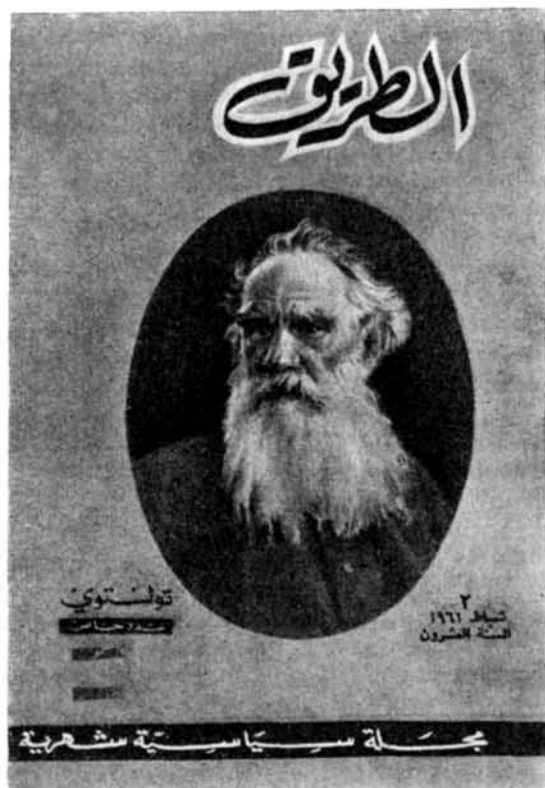
В Бейруте (Ливан) проведение толстовских дней возглавили прогрессивные писатели Ж. *Ханна* и М. *Нуайме*. Они же выступили основными докладчиками на вечере, посвященном памяти писателя.

Ж. *Ханна* незадолго до памятной даты написал превосходную статью, которая предварила новое издание «Анны Карениной» на арабском языке. В толстовские дни он подготовил и прочитал на вечере свою новую работу — о значении романа «Война и мир» для арабской литературы. (Изложение этого доклада опубликовано в газете «Аль-ахбар».) Извест-

* Сведения о толстовских днях в ОАР почерпнуты из газеты «Аль-маса» от 19 и 20 ноября 1960 г.

ПОСВЯЩЕННЫЙ ТОЛСТОМУ
НОМЕР ЛИВАНСКОГО ЖУРНАЛА
«АТ-ТАРИК» (1961, № 2)

Обложка

ный литературовед *А. Саад* прочел на вечере доклад «Толстой как человек, воплотивший в себе черты эпохи, нации и всего человечества».

Ливанский писатель *М. Нуайме* в юности жил в России и на романах и повестях Толстого учился писательскому мастерству. Впоследствии он перевел многие произведения Толстого на арабский язык и стал одним из горячих пропагандистов русской и советской литературы на Востоке. В своем докладе «Великан пера и души» Нуайме говорил о блестящей плеяде арабских переводчиков Толстого, о первых изданиях сочинений русского писателя в арабских странах, об огромном значении романов и пьес Толстого для становления реализма в арабских литературах.

Большое место отвела годовщине Толстого ливанская пресса. Журнал «Ат-Тарик» посвятил Толстому специальный номер, содержащий ряд интересных статей и заметок. Среди них — статья *Ж. Ханна* «Толстой — посланец любви и мира», статья ректора Бейрутского университета *Фуада Афрана аль-Бустани* «Толстой — человек и художник», статья известного арабского публициста *Р. Хури* «Человек, который не мог быть лицемером», статья ливанского писателя *С. Акля* «Беспокойный человек» и др. На страницах журнала нашли место также высказывания *В. И. Ленина* и *А. М. Горького* о Толстом, отрывки из книги *Р. Роллана* «Жизнь Толстого», статья *А. Б. Гольденвейзера* «Толстой-музыкант», ряд отрывков из статей Толстого и другие материалы. Номер иллюстрирован портретами писателя и фотокопиями его рукописей.

* * *

В Японии полувековая годовщина со дня смерти Толстого была ознаменована выпуском нового восемнадцатитомного собрания сочинений в переводе Накамура Хакуё, а также отдельным двухтомным изданием «Анны

Карениной», подготовленным старейшим «толстовским» переводчиком Хисаичиро Хара. Все японские газеты и журналы посвятили Толстому статьи и обзоры. Прогрессивная японская общественность направила переводчика «Войны и мира» Накамура Хакуё в Москву на празднование юбилея (см. текст его выступления во время научной сессии в Институте мировой литературы им. А. М. Горького на стр. 232—234 кн. 1-й настоящего тома).

* * *

В Иране толстовские дни были организованы Обществом культурной связи с СССР *. На большом вечере с докладом на тему «Толстой — великий гуманист» выступила доцент Тегеранского университета д-р *Мехри Ахи*. Иранские журналы «Раушанфекр», «Сохан», «Ягма», «Бониаде фарханг», «Иран-абад» и другие опубликовали на своих страницах краткие биографии Толстого и статьи о его творчестве. Так, журнал «Раушанфекр» (№ 378) перепечатал из журнала «*Journal de France*» статью члена Французской академии *А. Труайя* «Лев Толстой». Журнал «Ягма» опубликовал статью известного иранского писателя, проживающего в Швейцарии, *Дж. Задэ* «Пятьдесят лет со дня смерти Толстого». В некоторых статьях подчеркивалось, что Толстой находился в переписке со многими деятелями персидской культуры, в частности с известным поэтом Мирза Риза-ханом. Материалы о Толстом публиковали и иранские газеты «Эттиляат джаванан», «Мехре Иран», «Хошманд», «Дад», «Кейхан» и др. В журнале «Иран-абад» (№ 9) был помещен перевод статьи *К. А. Федина* «Гений Толстого».

* * *

Общественность Афганистана отметила толстовскую годовщину большим вечером в городском театре Кабула, на котором с докладом выступил известный писатель и публицист *Аббаси*. Он отметил, что афганская интеллигенция уже давно зачитывается произведениями русского писателя. В последние годы его творчество проникает в самые широкие массы народа. Уже изданы многие произведения Толстого на афганском языке. Сейчас ведется работа над переводом романов русского писателя.

В Пакистане, помимо новых изданий «Анны Карениной» и «Воскресения», к памятной дате 1960 г. был переведен трактат Толстого «Так что же нам делать?». Пакистанская печать отметила многочисленные связи Толстого с деятелями мусульманских культур, в частности с выдающимся общественным деятелем Мухаммедом Абдо.

Марокканские газеты «Аль-фажр» и «Аль-алям» опубликовали серию статей о Толстом.

В Турции на пятидесятилетие со дня смерти Толстого откликнулись крупнейшие газеты и журналы. Они напомнили об интересе, который проявлял Толстой к турецкой культуре, об изучении им в юности турецкого языка. Газета «Улус» опубликовала серию из одиннадцати статей, посвященных романам Толстого.

Переводы сочинений Толстого вышли в Индонезии, Бирме, Тунисе и Судане, а также в молодой африканской республике Гана.

* Сведения почерпнуты из материалов Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. — Хранятся в ГИТ.

1米

「わがて公卿夫人がまづききこへ、あらんとおわりは、西じりりて、みんなのいてゐたや、思へ、美幸西の問題として結婚した。」と、最初のうちは、だれにもつていふとしたことが、やがて、なだに、が心の通みをおぼさるゝこのようにとせられた。

「それだ。いつにしたらいいでしょう。婚約の式や、その披露もいらないからいいですよ。」
 「結婚式はいいからいつかよろしうでしょうね。でも、お母さんになつて、ふたつかうとさ。」
 「この人がいゝんじゃないか」と、美奈子はローランを指さしながら、いふ。「この問題では、この人が主人公だからだ」

「いやあ、いーん」といふ人々も多くなりながら、いつか、「おすですな、はくの貴族をば
聞かじなるものさび。はくの貴族は、まよう徳利の式をいひ、新羅ではおすとてうごくとす

世界名作全集

アンナ・カレーニナ

1

トルストイ

木村浩説

平凡社

САНГА КАРЕНИНА», ИЗДАНИЕ НА ЯЦИОНСКОМ ИЗЫКЕ (ТОКИО, 1962)

Перевод Хироси Кимура

Титульный лист и страница романа

* * *

Подводя общие итоги толстовским дням в странах Азии и Африки, следует подчеркнуть, что они, несомненно, прошли успешно и содействовали расширению интереса к наследию писателя и ко всей русской культуре. Знаменательная дата в календаре мировой культуры повсюду стимулировала появление новых изданий сочинений Толстого, содействовала широкой пропаганде его гуманистических воззрений в массах. Писателей Азии и Африки толстовская годовщина побудила еще раз задуматься над тем, какое влияние оказал и продолжает оказывать художественный опыт великого русского писателя на их национальные литературы, чему они должны учиться у Толстого.

Толстовские дни вместе с тем с несомненностью подтвердили, что на Востоке, как и во всем мире, вокруг имени Толстого не ослабевает острая идеологическая борьба.

Общим мотивом господствующих до сих пор концепций Толстого на Востоке является утверждение, что человечеству он в первую очередь важен как «вероучитель», «пророк», «Мессия», что мировое значение Толстого заключается не в могуществе его художественного творчества, не в обличениях всех форм социального зла и насилия, а в его религиозно-нравственном учении, которое будто бы прошло проверку историей и способно вывести заблудившееся человечество на путь новой жизни. Имя Толстого таким образом продолжает использоваться — сознательно или бессознательно — для подкрепления различных теорий классового мира, особенно гандистской философии ненасилия.

Однако все явственнее, сильнее звучат на Востоке и другие голоса в оценке Толстого. Полувековая годовщина его смерти отмечалась в условиях завершающегося распада колониальной системы, когда национальное самосознание народов Азии и Африки поднялось на небывалую высоту. И эта всемирно-историческая «примета времени» заметно сказалась на изменении восприятия Толстого. Посвященные ему памятные дни 1960 г. показали, что Толстой приобрел на Востоке миллионные контингенты новых читателей и что эти читатели ценят в нем в первую очередь уже не религиозного проповедника или политического мыслителя, а одного из величайших художников всех времен и народов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Все ссылки на тексты Толстого даются по изданию: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений (в 90 томах). Под общей редакцией В. Г. Черткова. М.—Л., 1928—1959, с указанием только томов и страниц.

АТ — Архив Толстого Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва)

ГМТ — Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва)

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва)

ЛБ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва)